

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

*Номер посвящен
15-летию кубанской
политологической школы*

№4 · 2006

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

4-2006

Издается с марта 1999 г.
Периодичность – 4 номера в год

Свидетельство о регистрации
№Р2829 от 16 марта 1999 г.
выдано Северо-Кавказским
региональным управлением
по СМИ

Учредитель:

Кубанский государственный
университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 404-н
Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149
Кубанский государственный
университет

Статьи для публикации
принимаются
по электронному адресу:
chsu1999@yandex.ru

Дизайн обложки:

С.Г.Ажгихин, М.Н.Марченко
Оригинал-макет:
Д.А.Хрипков

Отпечатано в типографии
Кубанского государственного
университета
Краснодар, Октябрьская, 25

Подписано в печать 18.10.2006
Уч.-изд. л. 15,2. Усл. печ. л. 16,0
Тираж 1000 экз. Заказ № .

Главный редактор:

Е.В.Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Т.А.Алексеева, д-р филос. наук, проф. (МГИМО (У)); **Л.А.Арутюнян**, д-р филос. наук, проф. (Ереванский ГУ); **В.А.Бабешко**, д-р физ.-мат. наук, проф., академик РАН (Кубанский ГУ); **А.А.Бодалев**, д-р психол. наук, проф., академик РАО; **А.А.Гаврилов**, д-р экон. наук, проф. (Кубанский ГУ); **С.Деллер**, PhD, проф. (университет Висконсин – Мэдисон, США); **В.В.Знаков**, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН); **Я.А.Коломинский**, д-р психол. наук, проф. (Белорусская академия образования); **Л.Е.Лаптева**, д-р юр. наук, проф. (Институт государства и права РАН); **Х.Пилкинсон**, PhD, проф. (Бирмингемский университет, Великобритания); **А.А.Стризов**, д-р филос. наук, проф. (Волгоградский ГУ); **П.М.Хакуз**, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГТУ); **А.Ю.Чирг**, проф. (Адыгейский республиканский государственный институт гуманитарных исследований); **В.К.Шаповалов**, д-р пед. наук, проф. (Северо-Кавказский ГТУ); **В.Ю.Шпак**, д-р филос. наук, проф. (Ростовский ГУ); **Е.Р.Ярская-Смирнова**, д-р социол. наук, проф. (Саратовский ГТУ).

Редакционная коллегия:

О.А.Оберемко, зам. гл. редактора, канд. социол. наук, доц.; **Г.С.Курбатова**, отв. секретарь; **Т.Т.Авдеева**, д-р экон. наук, проф.; **В.П.Бедерханова**, д-р психол. наук, проф.; **А.И.Приходько**, д-р техн. наук, проф.; **А.М.Ждановский**, канд. ист. наук, проф.; **А.А.Лузаков**, канд. психол. наук, доц.; **З.И.Рябкина**, д-р психол. наук, проф.; **В.М.Юрченко**, д-р филос. наук, проф.

Бабешко В.А. Кубанская политологическая школа 5

МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Меньшиков В.В. Властный аспект политической идентификации 10

Юрченко И.В. Теоретико-методологические аспекты многофакторного анализа региональной безопасности 18

Юрченко В.М., Шпак В.Ю. Политическая деятельность как общепринятое явление и политологическая категория 28

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Соловьев А.И. Власть и управление в структуре государственного регулирования 46

Морозов С.А. Политическая реклама и формирование стиля жизни в современном российском обществе 62

Савва М.В., Савва Е.В. Проблемы взаимодействия гражданского общества и власти на юге России в контексте административной реформы 73

Рогочая Г.П. От госкорпорации к «кластерной организации»: тенденции развития системы функционального представительства в России ... 80

ГЕОПОЛИТИКА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА И КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Панин В.Н. Перспективы развития геостратегической конфигурации Ближнего Востока 85

Баранов А.В. Становление политической регионалистики в постсоветской России 94

Кольба А.И. Региональный конфликт: проблемы дефиниции и управления 105

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

Фадеева Л.А. Интеллектуалы, интеллигенция: самоидентификация и политическая культура 112

Морозова Е.В. Жизненные идеалы и представления выпускников школы о политике: взгляд через столетие 124

Самаркина И.В. Политическая ресоциализация: актуальный контекст исследования 139

Миросниченко И.В. Формирование политической субкультуры: социальные механизмы и уровни субъектности социально-профессиональных групп в политике 148

КАФЕДРА

Колесник В.С. Политика в контексте глобализации и национальных культур ...162

Горожанина М.Ю. Взаимоотношение политики и морали в русской политической мысли168

Комарова Л.Г. Молодые специалисты-политологи после выпуска180

РЕФЕРАТЫ184

SUMMARY189

КУБАНСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

.....

В. А. Бабешко*

В 2006 г. исполнилось 15 лет с момента создания кафедры политологии в Кубанском государственном университете. Это событие стало стартовым для формирования и организационно-кадровой поддержки научной школы.

Как случилось, что в Краснодарском крае появилась одна из первых в стране кафедра политологии? Обстановка политического романтизма, связанная с перспективами реальной политической конкуренции, созданием политических партий, обусловила спрос на новые знания и навыки. В Кубанском государственном университете сложилась благоприятная внутренняя обстановка для институционализации политологии. Группа молодых преподавателей (А.П. Андреев, Е.В. Морозова, В.М. Юрченко) выступила с инициативой создания кафедры политологии. Многие представители кафедр общественных наук встретили предложение в штыки. В то время я только вернулся из научной командировки в США, где убедился, сколь высок академический статус политической науки в западных университетах. На одном из общеуниверситетских собраний я рассказал, что политологию за рубежом изучают студенты самых разных специальностей и без нее немыслима структура классического университета.

Первым заведующим кафедрой стал А.П. Андреев, руководивший ею в течение пяти лет. В 1995 г. он был избран депутатом Государственной Думы РФ, стал заместителем председателя Комитета по международным делам, а в настоящее время работает представителем Сбербанка в Госдуме.

Новая кафедра не только обеспечивала преподавание политологии на всех факультетах университета, но и открыла дополнительную квалификацию по политологии на факультете романо-германской филологии, а в 1992 г. в рамках Института управления при КубГУ при деятельной поддержке председателя Краснодарского краевого Совета народных депутатов А.М. Ждановского была

* Бабешко Владимир Андреевич — академик РАН, ректор Кубанского государственного университета. Электронная почта: rector@kubsu.ru.

начата подготовка специалистов-политологов. В 2006 г. состоялся десятый выпуск. Специалисты успешно работают в органах государственной власти и муниципального управления, СМИ, аналитических отделах и службах по связям с общественностью бизнес-структур, занимаются научной и преподавательской деятельностью. В рейтинге Министерства образования и науки КубГУ стабильно входит в первую пятерку по специальности «политология». В 1992 г. было учреждено Краснодарское краевое отделение Российской ассоциации политической науки, которое возглавил В.М. Юрченко.

В 1991 г. начинается формирование научной инфраструктуры: в университете создается Центр прикладной политологии. Уже в первые годы его работы удалось выполнить два крупномасштабных прикладных исследования — «Электоральные ориентации населения Краснодарского края» (руководитель — А.П. Андреев) и «Чеченский кризис в массовом сознании россиян» (руководитель — М.В. Савва).

В 1996 г. кафедру политологии КубГУ возглавил В.М. Юрченко, успешно руководящий ею и ныне. Кафедра стала структурным подразделением созданного факультета управления. В три последующих года было защищено пять докторских диссертаций: В.М. Юрченко «Политика как фактор региональной конфликтности», Е.В. Морозова «Региональная политическая культура», С.А. Морозов «Политическое управление как социокультурный феномен», М.В. Савва «Этнический статус: конфликтологический анализ социального феномена» и А.В. Баранов «Многоукладное общество в русских областях Северного Кавказа в условиях новой экономической политики: тенденции политического развития». В тематике докторских работ легко угадываются контуры будущих научных направлений школы. Представляется, что главным фактором, влиявшим на складывавшиеся направления научных исследований, было своеобразие политического пространства региона — Кубани и всего Юга России.

Ученые начинают осваивать как вид деятельности грантовое проектирование и приобретают навыки проектного менеджмента. «Ядром», вокруг которого выстраивалась вся работа политологов, стал мегапроект Института «Открытое общество» «Развитие образования в России». Разумеется, благодаря проекту существенно улучшилось материально-техническое положение кафедры, у студентов и преподавателей появились современные компьютеры и возможность свободного доступа в Интернет, библиотека пополнилась тысячами новых томов. Но главным итогом стало включение в сетевое сообщество политологов, установление контактов и развитие сотрудничества с коллегами из МГИМО (У), МГУ, Высшей школы социальных и экономических наук, ГУ-ВШЭ, РУДН, СПбГУ, Пермского, Казанского, Самарского, Новгородского, Ростовского, Ставропольского университетов. Комплекс учебно-методических работ, подготовленных преподавателями кафедры политологии, получил пер-

вое место на конкурсе РАПН 2001–2002 гг. Практически все преподаватели и аспиранты кафедры политологии КубГУ прошли стажировку в МГИМО (У), некоторые — в зарубежных образовательных центрах (Центрально-Европейском университете, Королевском институте госуправления в Нидерландах, образовательном центре СОДЕТЕГ во Франции и др.).

Значимым событием стало участие в проекте Фонда МакАртуров «Расширение и развитие социологической и конфликтологической сети на Кавказе» (2002–2004 гг.). Партнерами КубГУ выступили Центр региональной интеграции и разрешения конфликтов (Ереван), Международный центр по конфликтам и переговорам (Тбилиси) и Международный центр социальных исследований (Баку).

В развитии научной инфраструктуры был сделан мощный рывок. В 2002 г. в КубГУ был открыт диссертационный совет по политическим наукам (председатель — В.М. Юрченко, ученый секретарь — А.В. Баранов), в котором прошли успешные защиты 5 докторских и 28 кандидатских диссертаций. Научно-информационный журнал «Человек. Сообщество. Управление» (главный редактор — Е.В. Морозова), издающийся с 1999 г. при финансовой и организационной поддержке факультета управления, получил в 2005 г. аккредитацию ВАК РФ. В 2003 г. был образован НИИ социально-гуманитарных проблем, в составе которого функционируют Центр прикладной политологии, лаборатория проблем безопасности и конфликтологии, лаборатория политической регионалистики и этноконфликтологии.

КубГУ действительно стал ресурсным центром в области политической науки в регионе, дав жизнь трем новым политологическим сообществам в Пятигорском государственном лингвистическом университете, Краснодарском государственном технологическом университете и Армавирском институте социального образования. Преподаватели этих вузов повышают квалификацию в КубГУ, защищают диссертации в совете по политическим наукам, укрепляют партнерские отношения совместными научными мероприятиями, публикациями, проектами.

В 2005 г. защищают докторские диссертации по политическим наукам В.В. Меньшиков «Власть и властные отношения: теоретико-методологический аспект» и А.А. Вартумян «Региональный политический процесс: динамика, особенности, проблемы».

Кафедра государственной политики и государственного управления, созданная в 2004 г. (заведующая — Е.В. Морозова), стала второй политологической кафедрой в КубГУ. Преподаватели новой кафедры, продолжая работать с политологами, содержательно и организационно обеспечивают учебный процесс по одной из специализаций специальности «Государственное и муниципальное управление».

В структуре Южного научного центра РАН в 2005 г. была создана лаборатория политической социологии (руководитель — И.В. Юрченко), в которой ведется работа по проектам «Атлас геополитических проблем Юга России», «Конфликтный и интеграционный потенциал политического дискурса в полиэтническом социальном пространстве» и др.

Ученые продолжают работу над исследовательскими проектами РГНФ «Локальная идентичность как ресурс развития местного самоуправления на Юге России», «Социологический портрет Краснодарского края и перспективы региональной политики», «Социально-экономическая безопасность как основа обеспечения региональной безопасности на Юге России», над проектом Фонда МакАртуров «Права и интересы новых диаспор в восприятии местного сообщества (на примере Краснодарского края)», проектом РФФИ «Социальные сети в социально-политическом пространстве региона».

В 2006 г. в КубГУ открыта магистратура по направлению «Политология» (программы «Политические отношения и политический процесс в современной России», «Прикладная политология» и «Государственная политика и управление»).

Политологи востребованы миром политической практики. М.В. Савва входит в состав рабочей группы Общественной палаты и Совета при Президенте РФ по административной реформе, избран заместителем председателя Совета при главе администрации Краснодарского края по развитию гражданского общества и правам человека, В.М. Юрченко и С.А. Морозов являются экспертами Аппарата Полномочного представителя Президента РФ в ЮФО, А.В. Баранов и М.В. Савва участвовали в разработке аналитического доклада «Перспективы гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений на Северном Кавказе» для Аппарата Полномочного представителя Президента РФ в ЮФО, коллектив кафедры политологии и политического управления провел экспертизу понятийного аппарата проекта Федерального закона «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации», Е.В. Морозова и И.В. Самаркина участвовали в разработке концепции государственной молодежной политики в регионе, Е.В. Морозова, Ю.А. Пеницын, И.В. Самаркина являются экспертами конкурсных комиссий администрации и Законодательного Собрания Краснодарского края.

Политологическое сообщество активно сотрудничает с политическими партиями (В.М. Юрченко является заместителем секретаря краевого политсовета «Единой России», а А.М. Ждановский — членом краевого совета и партийного арбитража демократической партии «Яблоко»), с некоммерческими организациями региона.

Основные научные направления Кубанской политологической школы связаны с разработкой актуальных проблем истории и методологии политической науки, разработкой теории и механизмов обеспечения национальной и регио-

нальной безопасности, исследованием проблем политического управления в трансформирующемся обществе, проблем политической культуры, политической социализации и политических идентичностей. Широкий пласт исследований в области политической регионалистики имеет достаточно разветвленную внутреннюю структуру, в которой можно выделить: анализ институциональной составляющей региональных политий; изучение взаимосвязи федерализма, регионализма и глобализации; изучение социокультурных факторов регионального политического процесса.

Пятнадцатилетний жизненный путь Кубанской политологической школы дает уверенность в том, что будут найдены адекватные ответы на вызовы современного мира, все потенциальные возможности трансформируются в реальные дела. Желаю всем представителям Кубанской политологической школы новых творческих успехов на благо России, Краснодарского края и нашего университета!

ВЛАСТНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

.....

В. В. Меньшиков*

Политическая идентификация в обществе в значительной мере предопределяется характером существующих властных отношений. В зависимости от политического режима властные отношения могут или носить централизованно-субординационный характер, или базироваться на либерально-демократических политических ценностях. Вариации в формах организации власти, лежащей в основе данного политического строя, возможны различные, но ведущая тенденция чаще всего позволяет выявить принадлежность данной политической системы к соответствующему политическому режиму. При этом когда речь идет о демократии, было бы неверно умялять роль и значение централизованно осуществляемого властного взаимодействия. Таковое всегда имеется, но базируется на других, чем авторитарные режимы, принципах.

Идентификация может носить внутрисистемный или межсистемный характер. Она представляет своеобразный признак (качество), присущий соответствующему числу элементов системы, который выражается в совпадении по некоторым параметрам мнения, понимания содержания политической действительности, политических процессов, происходящих событий. Для того чтобы идентификация имела место, необходимы определенные условия. Одним из них является сама социальная система, которая в данном случае может рассматриваться как среда, стимулирующая или не стимулирующая появление таковой. Социальная среда, как правило, неоднозначна по своему наполнению участниками политического процесса. Идентификация проявляется в (частичном) совпадении ориентаций в понимании необходимости осуществлять политические действия для достижения определенных целей, реализации интересов.

Естественно, ориентация — это лишь начальная стадия данного процесса, предпосылка для выработки согласия с целью поиска путей для объединения усилий на основе идентификации интересов. На этой стадии формируются

* Меньшиков Валерий Владимирович — доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета.

социально значимые установки, подводится соответствующий идеологический базис, дается оценка деятельности субъектов властного процесса. Одним словом, вырабатывается позиция, выражающая отношение к политическому событию, принимаемому решению. При этом идентификация не обязательно должна проявляться в согласии с действиями властей, она может выражаться в неприятии политики, осуществляемой властью.

Следующий этап — организационный, когда идентичность интересов выступает фактором, сплачивающим людей для совместных действий или, по крайней мере, стимулирует участие в политике. Следовательно, идентификация может рассматриваться как процесс, в ходе которого личность или социальная группа сознательно идентифицируют себя в политическом плане с соответствующей политической силой, или как процесс целенаправленно осуществляемых со стороны власти усилий, направленных на выработку общей позиции в решении тех или иных проблем.

Таким образом, в содержательном смысле политическая идентификация представляет собой процесс своеобразной ориентации личности в рамках существующих альтернатив понимания политической действительности. Реальное воплощение она находит в выборе соответствующего направления для политического участия, в мысленном или реальном приобщении к политической силе, решающей круг тех или иных проблем, которые совпадают с интересами личности. Политическая идентификация — это процесс, зависящий от ряда условий и факторов, воздействующих на личность как объективным, так и субъективным образом, в основе которого лежит властное взаимодействие между различными акторами.

Проблема политической идентификации в Российской Федерации приобретает особое значение. Это связано в первую очередь с чрезвычайно контрастными переменами, произошедшими за последние полтора десятилетия. Смена общественно-политического строя — процесс сложный, противоречивый. Он требует не только времени, но и соответствующего умения, ибо речь идет о кардинальном изменении условий существования людей, ломке устоявшихся традиций, стереотипов политического бытия, создании новых политических структур, обеспечивающих правильное функционирование политической системы.

Проявление идентичности в сфере политики так же естественно, как и наличие различий. Идентичность — это специфическая форма выражения общности, совпадения интересов, предпосылка для осуществления тесного сотрудничества. Если понятие «идентификация» преимущественно выражает вектор направления взаимоотношений между участниками политического процесса, то понятие «идентичность» констатирует качество уже имеющихся отношений. В этом смысле понятия «стремление к идентичности» и «идентификация», если не тождественны, то близки по содержанию.

Политическая идентификация — своеобразная форма отношений, свидетельствующая о наличии взаимопонимания по соответствующему кругу организационных и иных вопросов. Субъект и объект властных отношений находятся в отношении взаимосвязи. «Как только связь между двумя величинами А и В начинает зависеть от значения или состояния величины С, необходимый компонент “организации” оказывается налицо» [7, с. 315].

Идентичность — это лишь одно из качественных состояний в спектре разнокачественного властного взаимодействия. В целом властными отношениям больше присуще качество противоречивости, которое объективно обусловлено фактом разграничения статусов и функций между властвующим и подвластным. Противоречивость в сфере властных отношений — естественное состояние процесса властвования, основу которого составляет поиск путей преодоления трудностей, противоречий или сохранение таковых, если в этом заинтересована власть, господствующие круги. «Этот постоянный переход от производства неопределенности к ее устранению является основной предпосылкой существования власти, условием, которое образует пространство генерализации и спецификации особого коммуникативного средства, а отнюдь не представляет собой чего-то вроде особого источника власти наравне с другими» [4, с. 18]. Поэтому идентичность возможна лишь тогда, когда отсутствуют противоречия в подходах к пониманию путей общественного развития или осуществляемого властью политического курса. Но для этого необходимо наличие соответствующих условий. Во-первых, совпадение между субъектом и объектом властных отношений основных интересов, которое способствовало бы идентичному пониманию смысла осуществляемых властью действий. При этом идентификацию нужно понимать не как приспособление объекта к тому, что декларирует власть, а как отношение, которое строится на взаимной основе, где относительно активны оба актора. Совпадение интересов — лишь предпосылка к формированию тождественного, согласованного понимания, не менее важную роль в процессе идентификации играет совпадение взглядов на понимание путей средств и методов, направленных на реализацию намечаемой цели, принятого решения. Во-вторых, идентификация — сознательно осуществляемый процесс, итогом которого является определение объектом своего отношения к действиям властного субъекта. Самоопределение возможно тогда, когда объект обладает достаточной информацией, когда он в состоянии осуществить самостоятельный выбор своей позиции, линии поведения. Самоопределение — это процесс внутреннего убеждения личности в правильности, необходимости, выгоды осуществления своих действий в данном направлении. На этой стадии происходит оценка ситуации, анализ существующих альтернатив, внутренняя борьба, преодоление сомнений, выработка стратегических и тактических установок для регулирования своего поведения по отношению к власти.

Наряду с субъективными моментами, влияющими на идентификацию, существенную роль играют объективные условия существования людей. Общество как система — это не только среда, в которой осуществляется жизнедеятельность людей, но и фактор во многом предопределяющий качество человеческого материала, характер взаимоотношений, наличие соответствующих тенденций, закономерностей, противоречий. Эту зависимость человека от капиталистического общества хорошо отразил М. Вебер. «Современный капиталистический хозяйственный строй, — писал он, — это чудовищный космос, в который каждый отдельный человек ввергнут с момента своего рождения и границы которого остаются, во всяком случае, для него как отдельного индивида, раз и навсегда неизменными. Индивид в той мере, в какой он входит в сложное переплетение рыночных отношений, вынужден подчиняться нормам капиталистического хозяйственного поведения; фабрикант в течение долгого времени нарушающий эти нормы, экономически устраняется столь же неизбежно, как и рабочий, которого просто выбрасывают на улицу, если он не сумел или не захотел приспособиться к ним» [1, с. 76].

Реальное бытие современного общества с его сложной структурой, при относительной самостоятельности государства и гражданского общества, при господстве рыночных отношений, конкурентной борьбы делает своеобразным сам факт наличия идентичности. В условиях рыночных отношений человеческие отношения в сфере производственных и профессиональных связей приобретают отчасти рыночный характер, становясь разновидностью капитала.

Когда речь идет о политической идентификации, нужно иметь в виду, что она на разных уровнях осуществляется неодинаково. Одно дело идентификация внутри аппарата государственной власти, другое — на уровне взаимодействия этой власти с населением и совсем иное, когда речь идет о взаимодействии государственной власти с политическими партиями, общественно-политическими общностями.

Когда ставится вопрос об идентичности, имеющей место в поле властного взаимодействия, то необходимо учитывать следующее. Во-первых, властные отношения, лежащие в основе политического взаимодействия, представляют определенный вид зависимости между людьми в обществе. Зависимость может быть простой, сложной, непосредственной или опосредованной, перерасти в отношения взаимозависимости, в определенных условиях человек независим в одном отношении и зависим в другом. В.В. Мшвениерадзе по этому поводу писал: «Основным способом существования власти представляется ее проявление в различных динамических формах *зависимости, независимости и взаимозависимости* между человеком и человеком, личностью и обществом, социальными группами, классами, государствами, блоками государств... Власть многогранна, многослойна, многомерна. Исследование каждого ее измерения требует особого подхода и своего понятийного инструментария» [2, с. 8]. Отношения

зависимости делают своеобразным процесс идентификации в системе властных отношений по причине наличия разных обязанностей у акторов властного взаимодействия, неравных отношений. Объект властных отношений зависит от субъекта в силу заранее установленных порядков, сложившегося положения вещей, существующих иерархических различий, субординационной подчиненности, неравного распределения властных полномочий. В этой взаимосвязанности двух элементов субъект чаще всего выступает как независимая переменная, обладающая правом принимать самостоятельные решения, тогда как объект поставлен по отношению к власти в подчиненное положение. Говорить об идентичности при таком прямом, непосредственном властном воздействии на объект, вряд ли возможно. Тот факт, что объект поставлен в полную зависимость от власти, обязан ей подчиняться еще не дает основания утверждать, что он идентифицировал свою волю, свои интересы с целерациональными установками и действиями власти. Согласие его может носить вынужденный, подневольный характер, обусловленный необходимостью обеспечения своего существования, стремлением сохранить работу, нежеланием вступать в конфликт. Одобрение или неодобрение действий, указаний, приказов власти, в данном случае, выступает как фактор оценки действий власти, но не как идентификация. Поэтому при наличии отношений зависимости, которые носят строго субординационно однонаправленный характер, где отсутствует обратная связь, объективные условия для формирования отношений идентичности отсутствуют. Раб может любить своего господина, может пожертвовать жизнью во имя его спасения. Однако в данном случае речь может идти не об идентификации, а о преданности раба своему господину.

При этом было бы опрометчиво утверждать, что в условиях жесткой субординационной зависимости в обществах, где господствует принцип централизованного властного регулирования, полностью отсутствует такое явление, как идентификация. Общество имеет сложную структуру, состоящую из различных общностей, страт, каждая из которых занимает определенное социальное положение, имеет свои корпоративные интересы, а также соответствующее отношение к государственной власти. Поэтому ранее сказанное о властной зависимости между двумя элементами и сделанные на этой основе выводы следует рассматривать как операциональный прием, направленный на выяснение сущности властной идентичности, а не как попытку сведения существующего разнообразия властных отношений в обществе к одновариантному пониманию, абсолютизации одного из состояний, значений данного фактора.

Идентичность во властном взаимодействии — это следствие опосредованного отношения между участниками властного процесса по поводу удовлетворения соответствующих потребностей, интересов. Определяющую роль здесь играют отношения не зависимости, а взаимозависимости, взаимодействия по поводу понимания путей реализации выдвигаемых задач. Наличие общего

интереса в решении соответствующих проблем выступает предпосылкой для формирования идентичного понимания существующего политического положения, политических явлений. При идентификации ведущей стороной взаимодействия между субъектом и объектом властных отношений выступает стремление к согласию, консенсусу, компромиссу. Политическая идентификация понимается здесь не как изначально присущее властным отношениям качество, как данность, а как процесс, результатом которого в конечном счете становится совпадение позиций, взглядов, мнений, оценок участвующих акторов.

Властные отношения реализуются в процессе информационно-волевого взаимодействия. На основе получаемой информации формируется система знаний об интересующем нас объекте, вырабатываются формы и методы воздействия на него, осуществляется планирование и прогнозирование властной деятельности.

Властная информация в свое содержание включает:

- информацию, определяющую и обосновывающую необходимость осуществления поставленной цели, пути и средства ее достижения;
- информацию о соответствующих социальных образованиях, элементах властной системы, организационной структуре, предназначенной для реализации поставленной цели;
- информацию о порядке, распределении функций, обязанностей при осуществлении процесса практической реализации, выдвигаемых целей.

Властную информацию можно определить как форму информационного воздействия на объект с целью регулирования его деятельности, для получения заранее намеченного результата. Данная информация может содержать предпосылки, стимулы в направлении идентификации интересов. Таковыми могут быть аргументированное обоснование принимаемых решений, отчетливое понимание перспектив будущего развития, целенаправленные усилия на создание обстановки взаимопонимания. Политическая информация более широкого плана (печать, телевидение, радио и другие средства), предназначенная для массового воздействия на сознание людей, является структурным элементом духовно-идеологической власти. Влияние последней на идентификацию политического сознания велико. Идеологическое воздействие в условиях демократических преобразований в современной России носит дискретный характер. Идет процесс формирования политических ценностей, который в условиях нестабильности общественной жизни осуществляется противоречиво. Аналогичным образом обстоит дело и с идентификацией политического сознания. Характеризуя современное внутреннее положение России и те задачи, на решение которых для сплочения нации должна направить свои усилия власть, Ю.А. Красин пишет: «...главное, что необходимо сделать для устранения препятствий к национальному единению, — это изменить вектор националь-

ной политики в сторону ограничения неравенства, устранения таких его форм, которые воспринимаются общественным мнением как явно несправедливые. Только в этом случае у людей возникнет ощущение сопричастности общему делу и тяга к солидарности в достижении общих целей. Только в этом случае они почувствуют себя не просто подданными государства, вынужденными терпеливо переносить эксперименты правящей элиты, а гражданами, ответственными за положение дел в стране и ее безопасность» [5, с. 133]. Солидарность, единение могут рассматриваться как атрибуты, свойственные процессу идентификации. Наиболее выраженный характер идентификация имеет тогда, когда стратегические потребности, к которым стремится власть, являются одновременно и потребностями подвластных.

Другой составляющей властного взаимодействия является воля. Объективной воля становится лишь через выполнение своих целей. При этом объективность бывает двух порядков как опредмечивание субъективной воли и как превалирование внешней и внутренней неосознанной действительности. «Деятельность воли заключается в том, что она снимает противоречие между субъективностью и объективностью» [3, с. 53]. Основой объективного служит тот факт, что потребности отражают явления действительного мира, ориентируются на них. Но эта ориентация осуществляется через сознание человека, т. е. субъективизируется. Субъективный момент проявляется, во-первых, как необходимость использования данного объекта для определения цели, как сознательно-оценочный, предварительно ориентирующий на удовлетворение, достижение потребности. Во-вторых, как момент субъектно-действенный, сопровождающий весь процесс осуществления, реализации отношений между субъектом и объектом по поводу удовлетворения потребности. Сказанное дает основание утверждать, что идентификация может иметь место в обоих названных случаях, но это возможно лишь тогда, когда есть совпадение, согласование воли. «Соглашение, — пишет В. А. Ойгензихт, — это согласие, совпадение воли сторон, направленных на одну цель. Соглашение проявляется в двух формах изъявления воли: предложения и принятия. В каждом случае воля выражается односторонним образом, но необходимо, чтобы она была обращена к другой стороне прямо или косвенно» [6, с. 12].

Такие властные методы, как насилие и принуждение, опирающиеся на угрозу использования силы, применение санкций, казалось бы, противоречат возможности наличия идентичности. Но, как это ни парадоксально, обязательность подчинения, пусть даже подкрепленная силой, не всегда может восприниматься негативно, враждебно, с неприятием. Большую роль здесь играет избирательность самого объекта властных отношений. При этом избирательность определяется не только совпадением интересов подчиненного с властью, но и его местом в системе властных отношений, его статусом, субъективными установками, ориентациями, согласием с проводимой политикой. Существенную роль

оказывает уровень политической культуры, политического сознания. Запросы человека, его требования к власти, оценка ее действий зависят от того, что нужно человеку. Поэтому в условиях тоталитарного режима в отдельных случаях, связанных с решением тех или иных стратегических задач, имеет место иногда согласие с властью, отождествление своей позиции с ее действиями, идентификация установок своего Я с властными намерениями. Тот факт, что область возможного проявления идентичности в авторитарных режимах достаточно ограничена, не вызывает сомнений. Однако полностью отрицать присутствие данного качества в структуре властных отношений вряд ли возможно. Кроме того, политическая идентификация не обязательно должна осуществляться на уровне восприятия государственной политики, она может иметь место на уровне общественно-политических организаций.

Демократическая система организации власти характеризуется, прежде всего, выборностью представительных органов власти, наличием соответствующих прав и свобод, обеспечивающих политическое участие граждан, гарантии нормального существования человека в обществе. Возможность выбора своих представителей во властные структуры имманентно содержит в себе момент идентификации. Правда, в реальной действительности многое здесь зависит от социально-политической обстановки в стране, от совершенства деятельности механизмов, обеспечивающих участие населения в выборах, от заинтересованности и понимания своей ответственности конкретного избирателя. Ввиду сложившейся ситуации в Российской Федерации в этом направлении предстоит еще многое сделать. Сейчас же при наличии «калейдоскопа» политических партий избирателю бывает не просто разобраться и определить свою позицию. В настоящее время процесс политической идентификации носит противоречивый, фрагментарный характер. Преодоление этого состояния возможно только путем сводимости основных политических интересов, устранения или нейтрализации факторов, препятствующих национальному согласию, сотрудничеству различных слоев общества.

Библиографический список

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
2. Власть: Очерки современной политической философии Запада. М.: Наука, 1989.
3. Гегель Г. Философия права. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934.
4. Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001.
5. Красин Ю.А. Российская демократия: коридор возможностей // Полис. 2004. № 6.
6. Ойгензихт В.А. Воля и волеизъявление (очерки теории философии и психологии права). Душанбе: Дониш, 1983.
7. Эшби У. Р. Принципы самоорганизации. М.: Мир, 1966.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МНОГОФАКТОРНОГО АНАЛИЗА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

.....

И. В. Юрченко*

Многофакторный анализ региональной безопасности основывается на принципе методологического плюрализма. В социальных науках уже сложилась определенная система методов для анализа процессов социальной стабилизации, самоорганизации общностей, возникновения опасностей для развития социальной системы. Поскольку предмет исследования многослоен, внутренне сложен, имеет личностную и социальную природу, необходим междисциплинарный подход и сочетание приемов социологии, конфликтологии, социологии и др. От количественных методов исследователь может перейти к качественным оценкам, от внешнего незаинтересованного понимания практики агентов — к пониманию непосредственно заинтересованному. Принципиально важен вопрос о возможностях социоанализа региональной безопасности в условиях, когда любой анализ будет связан с той или иной степенью ангажированности самого исследователя. Этот вопрос можно конкретизировать: должна ли политическая социология придерживаться принципа аксиологической нейтральности? Ведь многие понятия, обозначающие процессы обеспечения региональной безопасности, имеют оценочный характер.

Объяснительные принципы разных уровней в социальной науке соответствуют теоретико-методологическому плюрализму. Значительная часть явле-

* Юрченко Инна Вадимовна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая лабораторией политической социологии Южного научного центра РАН.

Статья подготовлена в рамках проекта «Безопасность Краснодарского края в контексте современных политических процессов в Черноморском регионе» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природы и среды, социальным и техногенным трансформациям». Подпрограмма по Югу России «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе»).

ний социальной реальности не поддается описанию в терминах «объективистского языка».

В современных социальных исследованиях сложились натуралистическая, интерпретирующая и оценивающая методологии. Первая принимает за идеал естествознание и провозглашает полную объективность данных и независимость исследователя от каких бы то ни было социальных установок, опирается на точные, количественные, в том числе математические методы.

Интерпретирующая методология является антитезой натуралистической и ее главный аргумент состоит в том, что социальное знание принципиально отличается от знания естественнонаучного. В российском социальном познании это направление конкретизировалось в этикосубъективной школе, а дальнейшее развитие этот подход получил в феноменологии и экзистенциальной философии, а во второй половине XX в. — в этнометодологии и постмодернизме.

В оценивающей методологии комплексно совмещаются теория и практика, когда исследование проводится не столько ради познания, сколько ради преобразований, изменений, реформирования социальной реальности.

Не останавливаясь подробно на широко распространенных методах классических парадигм, использующихся в политической социологии, необходимо актуализировать недостаточно признаваемые у нас методы феноменологии.

Социальная феноменология (особенно этнометодология) в центр исследования ставит созданные людьми смыслы и значения видимой реальности. Соответственно изучению подвергается не сама по себе социальная реальность, а методы, при помощи которых люди создают себе представления о ней, договоренность и согласие о ее смыслах и значениях [15, с. 418–419]. Отсюда роль и значение политического дискурса, который может иметь консолидирующую или деструктивную функцию. Одна из форм феноменологической редукции — замещение явлений объективной действительности их субъективным смыслом или значением. Это — важный аспект анализа субъективных оценок угроз и рисков. Они могут быть как завышенными, так и заниженными. В современном информационном обществе люди все более имеют дело с создаваемыми СМИ образами, которые влияют на модели поведения граждан.

Принцип методологического плюрализма в исследовании региональной безопасности позволяет разрешить противоречие между позитивизмом и феноменологией, так как «из того факта, что люди в своей практической деятельности исходят не только из истинности своих представлений, но и из ожидаемой пользы от своей деятельности, из ее смысла, вовсе не следует, что критерий “полезно — вредно” несовместим с критерием “истинно — ложно”. Наоборот, если результаты деятельности оцениваются как полезные, удовлетворяют потребности людей, то и знания, планы, цели, на основе которых осуществлялась эта деятельность, оказываются истинными» [5, с. 103].

Принципиально важен вопрос о соотношении научной и политической целесообразности проводимых исследований. Например, объективный социальный анализ конфликтного взаимодействия реально никогда не бывает абсолютно нейтральным и полностью беспристрастным. Участники конфликтов, медиаторы, фасилитаторы и исследователи так или иначе всегда ориентируются на некие ценности, идеалы и принципы, как правило, артикулируемые как гуманистические (хотя понимание этих гуманистических ориентиров бывает не только различным, но и взаимоисключающим). Особенно важно, чтобы стремление к объективности сочеталось со стремлением к политической стабилизации, сохранению мира, к успешному социокультурному развитию региона, сохранению этнокультурного своеобразия и обеспечению диалога культур.

Для методологии политического анализа безопасности общества и личности большое значение имеет субъективно бытийный подход, разрабатываемый психологами, философами, социологами. Как справедливо подчеркивает З.И. Рябикина, вследствие порождения новых личностных смыслов и их распространения в пространстве объективных феноменов, они становятся «бытийными пространствами личности, ее продолжением и частью». Человек изменяет бытие в соответствии с тем, как он его осмысливает, в соответствии с тем, какими смыслами он его наделяет. «Глобальная интенция, с которой человек (как все живое) появляется на свет, быть, т.е. поддерживать и расширять свое бытие, овладевать бытийными пространствами» [13, с. 7–8]. При этом человеку нужно полагаться либо на себя, либо на группу, с которой он себя идентифицирует, и таким образом он становится в той или иной мере автономным и ответственным или, наоборот, зависимым и инфантильным (иждивенчески настроенным). В каждом обществе складываются определенные политические условия самореализации индивидов и их групп в связи с этим возникают проблемы терпимости по отношению к плюрализму и культурной многоукладности, к различным, часто противоположенным образам жизни и традициям.

Если в обществе отсутствуют или исчезают традиционные точки опоры (будь то единая культура или всеми разделяемые научные выводы), от людей требуется наивысшая степень терпимости ко всему инаковому, требуется «признавать право непохожего на тебя, неприемлемого для тебя существования. Для многих это — поистине драматическая ситуация» [14, с. 20]. Сложности особенно велики в тех случаях, когда государство включает в себя несколько этнических, религиозных и лингвистических групп. Множественность культур — это объективное обстоятельство для Российской Федерации.

Российская политическая стратегия ориентируется на сохранение единства страны, укрепление государственности и усиление эффективности исполнительной власти в центре и в субъектах Федерации. Но чтобы обеспечить территориальную целостность на основе толерантного и добровольного сосуществования разновеликих и разнокультурных частей, как в географическом, так

и в ментальном плане, необходимо всестороннее изучение не только глобальных, но и региональных процессов. Вот почему в научных исследованиях наметилась тенденция к формированию регионального подхода, что особенно ярко выражено в развитии таких отраслей научного знания как регионоведение, политическая регионалистика, региональная конфликтология и др. (см., например, [1; 2]). Создаются научные центры по изучению региональных проблем, учреждаются научные журналы и издательства, регулярно проводятся региональные научные конференции¹.

Особое внимание во многих регионоведческих исследованиях уделяется Северному Кавказу, Югу России, что объясняется необходимостью укрепления безопасности и кардинального обновления политики в этом регионе в связи с теми событиями, которые происходили на протяжении 1990-х гг. и начала XXI в. Характеризуя социально-экономическую картину в Северо-Кавказском регионе в 2004 г., Президент России В. Путин отмечал, что она «по-прежнему плачевная» и что регион «недопустимо отстает по уровню жизни от других российских территорий. Достаточно сказать, что уровень безработицы здесь в разы выше, чем в среднем по России, а в таких республиках, как Ингушетия, Чечня, Дагестан, она носит поистине массовый характер. Показатели среднедушевых доходов за месяц в Южном федеральном округе в полтора раза ниже, чем в среднем по стране, а, например, в Ингушетии — почти в четыре раза». В то же время «Северный Кавказ — это важнейший стратегический регион России. И сейчас он одновременно является и жертвой кровавого террора, и плацдармом для его воспроизводства. Именно здесь идеологи международного терроризма действуют особенно активно» [9, с. 14], при этом они откровенно используют в своих преступных планах недоработки властных структур в социально-экономической политике.

В постсоветский период в регионах сформировались разные политические режимы и модели реализации власти, причем традиционно сильная центральная власть стала вытесняться региональными элитами, пытающимися завоевать значительную автономию и усилить свое влияние за счет популистских лозунгов о самодостаточности и даже превосходстве над другими регионами, о государственной эксплуатации провинции и т.п. Региональные руководители, стремясь к независимости от центра, использовали общее недовольство граждан проводимыми реформами, и главный вектор конфликтных взаимодействий был обусловлен отношениями представителей региональных элит с Москвой, с центральной властью.

¹ Институт региональных проблем (директор М. Дианов); Южный научный центр РАН издает «Вестник ЮНЦ РАН»; Центр Кавказских исследований в составе Научно координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России издает аналитические записки «Проблемы безопасности на Кавказе»; выходит «Гуманитарная мысль Юга России», «Региональный научный журнал» и др.

Усиливающаяся регионализация, появление различных концепций регионализма имели особое значение именно на фоне глубинного политико-экономического и мировоззренческого кризиса. Получило распространение так называемое региональное моделирование, распространение идеи специфических вариантов регионального развития. Как отмечает Э.Н. Ожиганов, «в Российской Федерации имеются специфические особенности, которые необходимо учитывать при оценке экономической, демографической и политической среды регионов. К ним относятся теневая экономика, неучтенные доходы и латентные отношения в сфере власти и администрации» [8, с.168]. Например, существуют заметные региональные различия в масштабах теневого производства. Доля неучтенного официальной статистикой производства особенно велика, с одной стороны, в крупных центрах, с другой — в депрессивных, преимущественно аграрных регионах, а также в районах, тесно связанных с зарубежьем. Рост неучтенных производств заметен и на Юге России: в Ростовской, Астраханской, Волгоградской, Воронежской областях, в меньшей степени — в Краснодарском и Ставропольском краях [8, с. 168].

Регионы порой относятся друг к другу ревниво и подозрительно. Разница уровней жизни, «административная ревность» регионов, международный и геополитический факторы вызывают всевозможные претензии и противоречия. По мнению аналитиков, именно этнический компонент выступает доминантной чертой конфликтного процесса на Северном Кавказе [1, с. 18].

Исследование феномена региональной безопасности предполагает рассмотрение двух взаимосвязанных процессов, свойственных современному этапу развития общества: «глобализации» и «регионализации». Если понятие «глобализация» показывает, что, несмотря на все издержки, в человеческой истории происходят качественные изменения и продвижение к новому состоянию общества, то понятие «регионализм» характеризует неравномерное, специфическое и не везде одинаковое развитие конкретных локальных социумов, их включенность или противодействие процессам глобализации [6, с. 106].

Предполагается, что в основе регионализма должно лежать понимание того, что только через сотрудничество и партнерство со своими соседями каждый отдельно взятый регион может максимально обеспечить свои региональные интересы. В результате вырабатывается региональное самосознание. Однако на практике регионализм (точнее, субгосударственный регионализм) чреват серьезными коллизиями и конфликтами, порой приводящими к системному общественному кризису, к возникновению особого типа геополитического поведения, опасного для целостности государства. Сепаратистски ориентированные региональные элиты могут просто находиться в оппозиции к центру, а могут стремиться и к эскалации конфликтов за счет попытки вовлечения соседних территорий в орбиту собственных интересов и создания межрегиональных объединений.

Социоанализ есть не что иное, как интерпретация динамики социальных взаимодействий между акторами того или иного процесса с учетом влияния многочисленных факторов по степени их значимости. Различные парадигмы в социальных науках предлагают объяснительные модели, опирающиеся на логику и методологию в параметрах тех значений, которые представляются наиболее убедительными их авторам. Поэтому часто возникают противоречия методологического характера, которые приводят к различным, несовместимым или даже ошибочным, формальным, поверхностным оценкам условий и причин поведения объектов анализа. Чтобы определить, какие именно характеристики деятельности и среды подлежат интерпретирующему анализу, их оценивают как «существенные» для определенных ценностных ориентаций.

Социоанализ региональной безопасности не может быть только отображением, описанием той или иной ситуации в регионе, а должен включать в себя интерпретирующую составляющую многофакторного процесса на основе определения существенных фактов для политической, геополитической стратегии государства. Социоанализ охватывает множество фактических данных (политических, демографических, психофизических, экономических и др.) которые рассматриваются как компоненты конфликтного процесса в регионе. Однако важно установить в качестве основных объектов научной интерпретации факты, обладающие существенным для стратегии государства характером, так как региональные конфликты, как правило, происходят не в локальных, изолированных условиях, а в сложном взаимодействии внутренних и внешних факторов, совокупность которых определяет динамику и характер конфликтного взаимодействия в регионе.

Так, в Краснодарском крае наиболее конфликтогенной является проблема массовой миграции. По численности населения край занимает третье место среди субъектов РФ после Москвы и Московской области. Значительная его часть на юго-востоке и северо-востоке малоприспособлена для проживания, поэтому основная масса населения сосредоточена на Черноморском побережье и в самом Краснодаре (приблизительно 70 человек на 1 кв.м), при этом общая численность прибывших за последние 10 лет в край мигрантов превышает 1 млн человек, а суммарная численность населения края — 5 млн человек. Неконтролируемая миграция (официально зарегистрировано 50 тыс. беженцев) приводит к дополнительной нагрузке на социальную сферу, создает напряженность на рынках труда, заметно меняет этническую карту края. В крае, где проживали представители 124 национальностей, нарушается исторически сложившийся баланс численности этнических групп [4, с. 144]. Опасность возникновения конфликтов на межэтнической почве резко увеличивается из-за того, что представители многих диаспор имеют склонность к компактному проживанию. На Кубани опережающими темпами растут цены на жилье, продукты питания и предметы первой необходимости.

Наиболее сложной познавательной проблемой является выработка понятий для описания структуры значений, которая выстраивается как конфликтная региональная модель. Модель рассматривается как концептуальный инструмент, нацеленный в первую очередь на управление моделируемым процессом или явлением. Ограничивающая возможность моделей заключается в том, что они являются стратегическими по своей сути, однако действительность постоянно изменяется, поэтому необходимо динамическое моделирование процессов взаимодействия, влияющих на состояние безопасности и появление новых угроз и рисков.

В исследовании процессов региональной безопасности возможно применение методологии анализа иерархических процессов, учитывающей как многофакторность, так и динамичность [8, с. 76]. Прежде всего, необходим анализ и системное моделирование взаимодействия главных сил, находящихся в состоянии противоборства с учетом их основных ресурсов и тактики поведения, что позволит определить наиболее вероятные сценарии развития ситуации в определенный промежуток времени. Системная модель конфликтной ситуации основана на определенной классификации, т. е. выделении из всего множества событий и явлений, оказывающих воздействие на региональный конфликт, тех факторов, которые, с точки зрения аналитика, имеют решающий вес. В структуру системной динамической модели, как правило, включают: системные факторы (внешние и внутриэкономические, внешне- и внутривнутриполитические, социальные); субъектные факторы (основные политические акторы); ресурсные факторы (использование суггестивных технологий, обладание символическим капиталом и организационными возможностями артикуляции и тиражирования своей политической формулы); тактические приоритеты основных участников регионального конфликтного процесса.

Поскольку социально-политическая сфера обладает значительной долей иррациональных элементов, возможность построения моделей регионально-конфликтного процесса является проблематичной, а сам метод — ограниченным. Поэтому он должен быть дополнен качественными методами, позволяющими интерпретировать не только рациональные, но и иррациональные действия. Широкий спектр важных и интересных идей связан с символическим интеракционизмом, для которого в свою очередь важнейшим интеллектуальным источником являются философия прагматизма и психологический бихевиоризм. Изучение значений и символов, способы их модификации, анализ фреймов позволяют обнаружить структуры, которые невидимо управляют человеческим поведением. Региональный конфликт, рассматриваемый как символическое взаимодействие и как коммуникативная технология противоборства, может быть понят и как информационное состязание.

По мнению А.Н. Чумикова, «цель информационного противоборства — диагностировать собственное положение и положение противника и в зависимос-

ти от этого выбрать способы поведения» [18, с. 30], т.е. информация в общественном механизме является не нейтральным элементом, а орудием борьбы и тот, кто контролирует информационные потоки, может решающим образом воздействовать на коллективное сознание и способен определенным образом управлять поведением тех или иных общностей, от которых зависит развитие регионального конфликта.

Важным аспектом в многофакторном исследовании региональной безопасности может быть социоанализ П. Бурдые на основе понятий габитуса и социального поля. Агенты, занимающие определенные позиции в рамках социального поля, реализуют разнообразные стратегии, используя имеющиеся у них ресурсы (культурный капитал, социальный капитал, символический капитал, политический капитал). «Социальное поле является местом действий и противодействий, совершаемых агентами, обладающими постоянными диспозициями, которые некоторым образом усвоены в ходе опыта нахождения в данном поле», — отмечал П. Бурдые [3, с. 109]. То есть понятие «поле» является инструментом исследования регионального пространства, позволяющим обеспечить диалектическую взаимосвязь между объективными структурами и субъективными явлениями. Свой подход Бурдые, отражая важность диалектики структуры и человеческого конструирования социальной реальности, называет «конструктивистским структурализмом», «структуралистским конструктивизмом» или «генетическим структурализмом» [12, с. 457].

Постмодернистская парадигма влечет за собой выдвижение феномена дискурса на передний план, придавая ему фундаментальный статус в социальном, в том числе и конфликтологическом исследовании. Слово есть точка соединения формы и смысла в каждом моменте дискурса. Для методологии дискурс-анализа важно определить различие между наблюдением и пониманием. Наблюдение — это сенсорный опыт, оно направлено на доступные для восприятия вещи и события и имеет индивидуализированный характер. Понимание — это коммуникативный опыт, оно направлено на смысл выражений. Учение о понимании — герменевтика — стало специфическим методом наук о духе уже в XIX в. (начиная со Шлейермахера). А в XXI в. оно еще более востребованно. В своей работе «Конфликт интерпретаций» П. Рикёр называет «герменевтикой всякую дисциплину, которая берет начало в интерпретации», а слову «интерпретация» придает «его подлинный смысл: выявление скрытого смысла в смысле очевидном». «Задача герменевтики заключается в том, — пишет он, — чтобы сопоставить друг с другом различные употребления двойного смысла и различные функции интерпретации» [11, с. 332, 333].

Таким образом, герменевтика невозможна без дискурс-анализа, а он в свою очередь основан на герменевтике. Дискурс-анализ как метод исследования регионального конфликта предполагает изучение языковой коммуникации в

контексте определенной социальной ситуации, а сам термин «дискурс» понимается как «речь, погруженная в жизнь», как «текст плюс ситуация» [7, с. 88].

Сложившаяся на Юге России ситуация, связанная с бесконтрольными миграционными потоками в постсоветский период, обусловила тематизацию политического дискурса по отношению к мигрантам. Характерно, что в этом дискурсе был как конфликтный, так и интеграционный потенциал. И в обществе можно было проследить флуктуации протеста и поддержки формирующейся миграционной политики разными социальными и этническими группами. Параллельно то усиливалось, то ослаблялось конфликтное противоборство акторов этнополитических отношений, таким образом подтверждая идею дискурсивного конструирования реальности.

В связи с этими тенденциями в отечественной научной литературе началось обсуждение очень важного вопроса: почему в периоды общественных потрясений возникают образы демографических катастроф и феномен страха вымирания населения? Директор Института этнологии и антропологии РАН, член Общественной палаты РФ В.А. Тишков считает, что необходим антропологический анализ современного российского общества и его регионов, поскольку в публикациях преобладает неадекватность научных, журналистских и политических оценок реальной ситуации в России, той повседневности, которой живут люди. «Неадекватность сама по себе является культурным феноменом, и она требует отдельного анализа. Кто, как и почему в России и за ее пределами воспроизводит парадигму кризиса и даже образ умирающей страны? Это не только вопрос плохого понимания по причине неспособности государственных служб и ученых собрать добротную статистику о жизни общества в новых условиях или по причине отсталой методологии обществоведческого анализа... Это также вопрос политики и человеческих эмоций» [16, с. 3]. Неадекватность является и серьезным конфликтогенным фактором в этом регионе.

Таким образом, сам научный дискурс, а не только политический, оказывает непосредственное влияние на конфликтный и интеграционный потенциал в регионе, поскольку знание определенным образом генерирует власть [17]. Это особенно относится к идеям этико-субъективной школы и методологического плюрализма, распространенные именно в российской социологии XIX – начала XX в., которые в XXI в. вновь становятся востребованными и должны развиваться на основе серьезных парадигмальных направлений в зарубежной и отечественной социологии и на стыке различных социальных наук.

Библиографический список

1. *Авксентьев В.А., Шаповалова В.А.* Ключевые проблемы конфликтологических исследований с учетом социально-политической специфики региона // Актуальные социально-политические и экономические проблемы Южного федерального округа. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005.
2. *Баранов А.В., Вартумян А.А.* Политическая регионалистика. М.: Союз, 2004.

3. *Бурдье П.* Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики // Социоанализ Пьера Бурдье: Альманах российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.; СПб.: Алетейя, 2001.
4. *Дмитриев А.В., Слепцов Н.С.* Конфликты миграции. М.: Альфа-М, 2004.
5. *Ельмеев В.Я.* Социальная феноменология (к вопросу о феноменологии объективного социального мира) // Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994.
6. *Ковальский Н.А.* О соотношении глобализации и регионализма // Глобализация и регионализм. Черноморский регион. Балканы. М.: Интермедиалект, 2001.
7. *Марков М.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
8. *Ожиганов Э.Н.* Стратегический анализ политики: теоретические основания и методы. М.: Аспект-Пресс, 2006.
9. *Путин В.В.* Выступление на расширенном заседании Правительства с участием глав субъектов РФ 13.09.2004 г. // Демократия против террора. М., 2004.
10. *Реале Д., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4. СПб.: Петрополис, 1997.
11. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково Поле, 2002.
12. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. М.: Питер, 2002.
13. *Рябкина З.И.* Личность, как субъект бытия и события: психологический аспект анализа // Личность и бытие: субъектный подход: психология субъекта и гендерные аспекты бытия личности: Матер. III Всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. З.И. Рябкина, В.В. Знаков. Краснодар: КубГУ, 2005.
14. Теория и жизненный мир человека М.: Ин-т философии РАН, 1995.
15. *Тернер Дж.* Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1985.
16. *Тишков В.А.* О российском народе. М.: ЦИК ВПП «ЕР» , 2005.
17. *Фуко М.* Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996.
18. *Чумиков А.Н.* Управление конфликтами. М.: Интерлигал, 1995.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОБЩЕПРИНЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

.....

В. М. Юрченко, В. Ю. Шпак*

Включаясь в политическую жизнь общества и государства, люди по-разному определяют способ и меру своего участия в ней. Это зависит от состояния объективных политических отношений, меры и способов задействования личности, социальных групп, слоев в них, субъективного выражения культуры в многообразных формах и видах политической активности и деятельности. Единство объективных и субъективных сторон составляет содержание деятельности субъекта, которое своеобразно проявляется в различных политических процессах.

Политический процесс — это совокупность видов деятельности политических субъектов, гарантированных правовым законом, политическими нормами и включенных в динамику практически-политических отношений, охватывающих все стадии развития политической системы общества. Политический процесс непрерывен, сложен и противоречив. Он может развиваться в разных направлениях, накладывая одну деятельность на другую, стадию на стадию, быть единством многообразия и многообразием единства.

Политический процесс имеет следующие стадии: выявление и согласование интересов, формирование цели и программ деятельности; обсуждение и принятие политической программы; реализация программы в деятельности социально-политических общностей, институтов, личности; контроль за ее реализацией; оценка результата, определение видов ответственности субъекта за реализацию программы, ее успех или провал.

* Юрченко Виктор Михайлович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: politics@kubsu.ru.

Шпак Виктор Юрьевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политических институтов и процессов Ростовского государственного университета.

Конкретный политический процесс есть отражение потребностей и интересов людей, которые являются исходным механизмом его становления и последующей реализации. Каждый отдельный политический процесс, каждая его стадия обуславливаются мотивационным аспектом человеческой деятельности, представляющей собой его начало и относительный результат. Выключение из предпроцесса и самого процесса субъективного, человеческого измерения ведет к обезличиванию или приданию мотивационному механизму качества единомыслия и единодействия.

Деятельность — это способ существования человека, общества, характеристика всех видов человеческой индивидуальной и коллективной активности. В ней происходит процесс творческого преобразования действительности, изменение самих человеческих субъектов. Основными признаками человеческой деятельности являются: сознательная целесообразность, продуктивно-преобразовательный характер, социальность, солидарность и др.

Конкретных видов деятельности бесчисленное множество. Они могут быть классифицированы по форме, способу осуществления, субъектам и объектам, пространственной и временной характеристике, сферам общественной жизни и другим критериям. Одним из видов человеческой деятельности является политическая деятельность.

Политическая деятельность — это способ включения индивидуальных и коллективных субъектов в политику, форма проявления их активности в ней. Ее следует отличать от политизации. Политизация фиксирует отношение масс к структурам политической власти, лидерам, политическим партиям и т.д. Политическая деятельность — действия людей, имеющих определенные цели и сознательно использующих средства для их достижения.

Политическая деятельность своеобразно выражается в конкретных формах, видах активности субъектов, имеет свою специфику. Самыми важными характеристиками специфических черт политической деятельности являются: ориентация действий субъектов на общеколлективные проблемы; использование политической власти как главного средства осуществления целей; основным институтом решения общих проблем выступает государство; тесная взаимосвязь и взаимодополнительность с другими видами человеческой деятельности и т.п.

Политическая деятельность имеет много видов, которые разделяются по следующим основаниям. Во-первых, по отношению к государству: политико-государственная и политико-негосударственная политическая деятельность, каждая из которых внутренне расчленяется на более конкретные виды политической деятельности. Так, политико-государственная деятельность разделяется на законодательную, исполнительную и судебную виды деятельности, которые также могут быть дифференцированы на еще более дробные виды деятельности. Например, законодательный вид политической деятельности

состоит из федеральной законодательной деятельности и законодательной деятельности субъектов Федерации.

Во-вторых, по принадлежности к общественным формированиям: партийно-политическая, корпоративная, общественно-политическая, массовая и другие виды деятельности.

В-третьих, по участию в политической деятельности определенных личностей: политических лидеров, вождей, членов конкретных политических организаций, движений, рядовых личностей.

Всякая политическая деятельность включает в себя цель, средство, процесс, результат. Основанием деятельности является цель, но основание цели лежит вне деятельности — в сфере человеческих ценностей и идеалов. Цель представляет собой образ желаемого будущего, идеальный результат, к которому стремятся политические субъекты и который является побудительным мотивом деятельности. Цель в политике, кроме мотивационной, выполняет и организационную, мобилизационную функции. Общая характеристика цели состоит в интегративном выражении общих интересов, стремлений людей к лучшей жизни, благосостоянию. Но она трудно реализуется, поскольку общая цель при своей реализации расчленяется на многие конкретные цели, а между ними существуют противоречия, как, впрочем, и между общей целью и отдельными целями. Гармонизации целей призвано достигать государство, ибо оно есть единственный институт политической системы общества, который может это сделать.

Средства — способы достижения политических целей. Поэтому они носят служебный характер, подчиняются целям, их обслуживают. Средства есть конкретные инструменты влияния субъектов политики на объекты. Одна и та же цель может осуществляться разными средствами. Если общая цель относительно стабильна, устойчива, то конкретные цели подвижны, а средства политической деятельности представляют собой очень изменчивые инструменты действий субъектов. Вопрос о взаимовлиянии целей и средств в политике рассматривается, как правило, в зависимости от их нравственной оценки. Выделяются три позиции данного отношения. Первая заключается в том, что нравственный характер политики определяется ее целью. Основателем подобного подхода был итальянец Н. Макиавелли, который выдвинул тезис: «Цель оправдывает средства». Ради достижения поставленных целей он считал оправданными и приемлемыми любые средства, включая вероломство, коварство, жестокость, обман политического противника. Вторая позиция исходит из приоритетного влияния средств на нравственную значимость политики, ее цели. И наконец, третья — между целями и средствами существует взаимовлияние, при котором как цель, так и средства ее достижения взаимодополняют друг друга. С одной стороны, цель предопределяет используемые средства, а с другой — средства определяют и результат цели, и его качественную характе-

ристику (реалистичность, утопичность и т.п.). Между целью и средством ее достижения всегда существует противоречие, которое может оперативно разрешаться, но может и консервироваться на длительное время. Поскольку средства являются более конкретными, оперативными и подвижными инструментами политической деятельности, то они непосредственно влияют на результаты политики, могут корректировать цель. Отсюда очевидно, что политик обязан владеть механизмами использования средств, не абсолютизировать какое-то одно средство, быть готовым к их смене и т.п.

При этом очень важно использовать средства политической деятельности адекватные ее целям, поскольку сами средства могут исказить цель. В результате возникает серьезная социальная дестабилизация общества. М.В. Лазарев отмечает: «Возможность разрыва между целями и средствами политической деятельности существует в силу различной их природы. Первые формируются в среде идеологии, вторые — в среде культуры... Если в процессе политических изменений цели отрываются от наличных средств, то происходит простое заполнение ячеек старой политической структуры новыми людьми. Именно выбором целей политических изменений, соответствующих наличным средствам, возможностям, представлениям людей, определяется норма, то есть упорядоченность развития» [2, с. 62].

Разумное сочетание цели и средств в политике базируется на ряде принципов: плюрализме, толерантности, компромиссе, солидарности и др. Плюрализм означает признание правомерности существования и реализации разнообразных, множественных интересов политических субъектов, использующих разные средства для достижения общей цели. Толерантность есть терпимое отношение одного политического субъекта к другому при возможных несогласиях по отдельным политическим вопросам. В политике наиболее распространен принцип компромисса. Компромисс в политике — сознательно заключенное политическое соглашение между противоположными политическими силами, выражающими интересы различных слоев и групп общества и государства. Это способ разрешения конфликтов, противоречий путем уступок сторон, участвующих в политической деятельности. В его основании лежит самоограничение политических сил, их устремлений, отказ от незначительных, второстепенных задач тактического характера при сохранении и неизменности основных, сущностных принципов, определяющих суть, лицо политической силы, заключающей компромисс.

Выделяют два основных вида политических компромиссов: вынужденные, созданные под давлением объективных и субъективных политических условий, факторов и интересов, и добровольные, заключаемые с взаимной выгодой для двух или более политических сил.

Политические компромиссы — неотъемлемая составляющая демократической политической системы, основное средство разрешения политических

проблем и конфликтов. В условиях становления демократической российской политической системы, общественно-политических организаций и движений, когда каждый субъект старается всеми способами обозначить собственное политическое лицо, часто не замечая себе подобных, что порождает конфронтацию, стремление к компромиссам — единственно правильный и необходимый путь преодоления возникающих конфликтов, создания понимающего, открытого общества. При этом особенно важно находить те положения в деятельности политических субъектов, которые объединяют их, а не разъединяют. Для этого следует быть политически культурной силой, одним из критериев чего выступает способность идти на уступки, искать компромиссы. Вне компромиссов достичь стабильности и порядка в российском обществе и государстве невозможно.

Структура политической деятельности складывается из совокупности объективных и субъективных условий и факторов: наличия субъекта действий и объекта, отношений между ними; мотива и способа воздействия субъекта на объект; цели и программ; производства самого действия; результата действия и контроля за процессом деятельности и его результатом.

Чтобы стать активно действующим политическим субъектом, личность, социальная группа, ее организации должны субъективировать себя в политических отношениях. Путь к этому — переход состояний личности, социальной общности, института от пассивного воспроизведения политических отношений к активно-осознанному проявлению как субъектов деятельности. В настоящее время ученые отмечают несколько причин, которые обуславливают «страусиную» позицию населения в политике: бегство от ответственности «за эту жизнь»; неумение развивать в себе ориентации на будущее; неспособность заставить государство действовать «нужным образом»; низкий уровень осознания себя как субъекта действий. Поэтому довольно часто население, отдельные личности политическую деятельность рассматривают как борьбу с государственной властью, лидером, партийным функционером и т.п.

Вместе с тем политическое состояние общества характеризуют «не только особенности вертикальных отношений — господства и подчинения, так сказать, способ прохождения импульса власти от вершины политической пирамиды до ее основания. Исключительное значение имеет политическое «самочувствие» самого основания, совпадение проникающих «сверху» политических идей с повседневным опытом жизни простых людей, с потребностями их самосохранения и саморазвития. С этой точки зрения политическое основание (народ) не выглядит как нечто аморфное, не обладающее собственным политическим содержанием. В нем подлинное богатство политической жизни со своими ценностями и принципами власти, своими политическими нормами и традициями, сложно переплетенными с особенностями народного духа, народной культуры, политической истории» [9, с. 15]. Это естественно, не отри-

цает существования столкновений, конфликтов, борьбы в данной солидарной, целостной общности, т. е. народе.

Политическая борьба — это состояние противопоставления и противодействия интересов политических субъектов с целью достижения определенных политических результатов. Виды политической борьбы многообразны, но два из них считаются основными. Борьба может быть революционной, когда противоположные политические субъекты-антагонисты с помощью разнообразных, жестких, решительных средств стараются кардинально изменить существующую политическую систему общества, ее институты в соответствии со своими представлениями, взглядами, ориентациями. Борьба идет с нарушением цивилизованных правил игры, она трудно предсказуема по результатам, тяжела для простого народа. Термин «борьба» — один из основных в теориях революционного мышления и действия.

Политическая борьба может быть реформистской. Основное ее содержание заключается в постепенном, поэтапном разрешении различных, в том числе противоположных, интересов социально-политических субъектов, когда они преодолеваются в основном ненасильственными средствами, поиском консенсусных форм разрешения противоречий, конфликтов, основанных на понимании того, что сближает субъекты, а не разделяет их. Результат реформистской политической борьбы относительно предсказуем, легче прогнозируем.

Формами политической борьбы могут выступать политические кризисы, войны, мятежи, путчи, бунты и т.п. Политическая борьба может вестись между политическими партиями за расширение своей социальной базы, электората, между политическими лидерами за сферу своего влияния, расширение авторитета, между представителями органов законодательной и исполнительной власти за расширение своих властных полномочий и т.п. Политическая борьба может быть внутрипартийной, внутригосударственной, межгосударственной и др. В любом виде политической борьбы роль государства, его органов значительна.

Выделяют две стороны деятельности государства как института власти — политическое руководство и политическое управление. Политическое руководство — это деятельность государства по определению стратегического направления развития политической системы общества, выбор средств осуществления основных задач и целей общегосударственного и общегражданского значения, их важнейших принципов и путей достижения. В зависимости от уровня политико-властных отношений выделяют субъектов — руководителей федерального, регионального и местного (негосударственного) уровней. Чем выше уровень политики, тем более важна функция руководства и тем более ответственным обязан быть руководитель. Это объясняется тем, что политический статус руководителя очень высок и характер принимаемых им решений затрагивает огромное число людей. Поэтому на высоких должностях

должны быть люди предельно грамотные, умные и высокопрофессиональные. Элементы глупости, присутствующие в решениях верхнего этажа руководства, традиционно передаются в нижние этажи, что также усиливает необходимость и потребность рекрутирования наверх наиболее талантливых людей, чтобы преодолеть глупость.

Чем ниже уровень политического руководства, тем в большей степени руководитель зависим от вышестоящих руководителей. Кроме того, он не только должен вписываться в программу деятельности стратегического развития страны, но и руководить таковой на региональном, специфическом уровне. Иными словами, руководитель среднего уровня имеет дело как бы с двумя стратегическими программами: федеральной и региональной, которые важно диалектически соединить между собой и содержательно реализовать.

Поскольку политическая жизнь очень подвижна, в стратегию руководства следует вовремя вносить соответствующие коррективы и оперативно менять тактические приемы достижения стратегии. Государственное политическое руководство отличается от партийного по задачам и методам.

Политическое управление — это совокупность способов, средств и механизмов, при помощи которых государственные органы осуществляют организованное обеспечение упорядоченности, стабильности политической жизни общества и государства. Развитие системы политического государственного управления осуществляется на базе принципа разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, а также принципа единства и специфичности интересов центра и регионов.

О. Шабров под политическим управлением понимает «функционирование в обществе таких политических механизмов, в которых субъекты и объекты связаны отношениями управления – власти и обратной связи» [7, с. 40]. Сюда он относит отношения политической власти и политической обратной связи, возникающие в рамках государственного управления, и отношения подчинения в других организационных структурах общества, включенных в политический процесс.

Его понимание близко к представлениям американского политолога Чарльза Линдблома, который видел в политическом управлении обществом механизм с ведущими бюрократами наверху, простыми гражданами внизу и встроенными между ними промежуточными соподчиненными звеньями.

После распада СССР в России активизировался процесс децентрализации государственного управления, стали расширяться полномочия органов государственной власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления. Возникли противоречия, которые с трудом разрешаются, поскольку каждая из сторон старается по-своему их трактовать и реализовывать. Государство обязано определять общие условия самостоятельной деятельности регионов,

общенациональные приоритеты развития субъектов Федерации, отражающие общие принципы государственной и региональной политики, границы самостоятельности регионов и сфер совместных действий, законодательно закрепленных.

Конституция России установила новые концептуальные основы организации государственной власти в субъектах Федерации, развития местного самоуправления, отнеся к компетенции последнего полномочия, связанные с управлением муниципальной собственностью, местным бюджетом, налогообложением, образованием, здравоохранением, жилищным строительством, охраной общественного порядка и другими вопросами местного значения. Хотя специфика государственного управления на федеральном и региональном уровнях определена законодательно, практика показывает постоянное нарушение обеими сторонами своих обозначенных полномочий, к которым прибавилось стремление органов государственного управления не выпускать из своих «тисков» область местного, негосударственного самоуправления.

Важно подчеркнуть, что все субъекты политической деятельности ставят и решают задачи общеколлективного содержания, выполняют функции общегосударственного и общегражданского значения; в них личностно-индивидуальное составляет элемент общего. Этим не отрицается его первостепенность, человеческое измерение, а лишь подчеркивается общность интересов индивидов, сведенных в конкретное целое. Ведь только на базе индивидуальных волей, интересов можно выразить общую волю, интересы и представить их в качестве системности, целостности государства и гражданского общества.

Личность в политике — это субъект осознанной, целесообразной деятельности, выражающий и реализующий интересы политических сил в единстве с собственными интересами, интегрирующий их в единое целое (государственное, партийное, общественно-политическое, международное и др.). Личность — основной субъект политики, поскольку все политические силы, субъекты суть человеческие образования, институты. Субъектность личности в политике проистекает из ее способности, возможности и потребности участвовать в политической жизни общества и государства в соответствии со своими интересами и природой «животного политического», в отличие от других сфер общественной жизни, в которых личность может реализовать свои интересы как элемент каких-то общих, коллективных, т. е. политических интересов. Даже не понимая данного положения, например, голосуя на выборах, личность, опуская бюллетень в урну, совершает индивидуальный акт коллективно-политической значимости.

Личность в политике участвует в решении общих дел, что вызывает у нее ощущение причастности к человеческому целому, его институциональным образованиям. Через самостоятельную сознательную причастность к общему делу личность обретает способность осознать свою уникальность, значимость,

неповторимость, ответственность за свои поступки. Поэтому можно отметить, что участие личности в политике есть один, как правило, из наиболее значимых, осознанных видов ее деятельности.

Участие личности в политике проявляется во множестве форм и видов: митинг, демонстрация, манифестация, выборы представительных органов власти, участие в различных кампаниях, проводимых партиями, общественно-политическими движениями, членство и активная деятельность в политических организациях и т.п. Высшей формой участия личности в политике является профессиональная политическая деятельность.

Одна из форм участия личности, социальной общности людей в осуществлении своих политических интересов — политическое поведение. Выделяют два основных вида политического поведения: политическое действие и политическое бездействие.

Политическое действие есть форма активности политического субъекта, направленная на политические отношения, политическую систему общества, ее институты и другие объекты. Целевая направленность политического действия может быть конструктивной и деструктивной. Это зависит от многих факторов и условий объективного и субъективного характера. Субъективные факторы — это совокупность политических знаний, идей и других компонентов духовности, которые определяют собственную позицию, возможности и способность субъекта выбирать политическую линию действия или бездействия. Объективные — это внешнезаданные факторы типа политической организации, к которой принадлежит личность: занимаемая должность, исполняемая роль и др.

Политическое действие может быть прямым и опосредованным, индивидуальным и коллективным, осознанным и неосознанным, открытым и закрытым и т.п. Наиболее массовыми политическими действиями являются выборы, референдумы, митинги и др. Индивидуальное политическое действие — это политический акт индивида, имеющий общественно-политическое значение, смысл или способ выражения суждения, мнения личности о политике и политиках, реализующийся практически. Любая форма политического действия различается по степени активности его субъектов, мере воплощения в ней качества политичности.

Ставшая почти бесконечной череда выборов последних лет во многом определила не только ход становления современной российской истории, но и ее конкретную «персонажно-событийную физиономию». И хотя факт роста профессионального интереса к электоральным процессам со стороны политологов и социологов может показаться несколько парадоксальным на фоне растущей апатии рядовых граждан, термин «электоральное поведение» прописан в специальной литературе вполне основательно.

Несмотря на то что необходимость введения самого термина в понятийный аппарат обществоведов вряд ли у кого-то вызывает сомнение, его содержание понимается крайне разнообразно, что не только не способствует адекватному осмыслению реальных процессов, но и существенно снижает эвристический статус самого понятия.

В целом в толковании термина «электоральное поведение» так или иначе выделяются два варианта, которые условно могут быть обозначены как узкий и расширительный.

В первом подходе электоральное поведение той или иной социальной группы или даже индивида сводится к его фактическому выбору во время самой процедуры голосования. В этом случае такого рода выбор становится классифицирующим признаком социальных общностей, индивидов и даже территорий.

Однако ни для кого не секрет, что результаты голосования нередко определяются так называемыми «ситуативными факторами», складывающимися неповторимым образом здесь и сейчас.

При таком узком понимании термина за кадром исследовательского описания остаются мотивы, ценности, события — все те факторы, которые определяют электоральное поведение в качестве типической характеристики социальной общности. То есть, по существу, электоральное поведение отождествляется с конкретными реакциями граждан, будь то пресловутый абсентеизм, сиюминутный «каприз» избирателя, делающего неожиданный выбор, или результат обдуманного и взвешенного решения.

Представляется, что узкое понимание, основанное на отмеченном отождествлении электорального поведения и разовых поведенческих реакций граждан во время процедуры голосования, существенно обедняет значение понятия и ограничивает его выразительные возможности в рамках обществоведческих теорий.

Гораздо более привлекательным выглядит расширительное толкование термина, когда оно характеризует поведение политических субъектов именно в его типических, сущностных проявлениях. Чаще всего такой подход используется в прогностических моделях. В этом случае под электоральным поведением понимается наиболее вероятный вариант действий избирателя на протяжении всей кампании. По существу термин здесь понимается как наиболее характерная социально-политическая позиция граждан и их ассоциаций.

Бесспорным достоинством данного подхода может служить то, что он позволяет оценивать такого рода позицию в развитии, закономерным итогом которого становится действие (или бездействие) в рамках процедуры голосования.

Тем не менее и этот подход не лишен недостатков. Прежде всего, следует отметить, что коль скоро содержанием его служит акцент на принципиальных характеристиках социальных слоев и групп, столь скоро он не позволяет строго фиксировать событийно-фактологическую сторону избирательного процесса.

Таким образом, в специальной литературе, посвященной выборам, по сути сложилось два относительно самостоятельных толкования термина, содержание которого в обоих случаях разнится настолько, что возникает необходимость специального оговаривания его контекстуальных смыслов.

В известных пределах выходом из создавшегося затруднительного положения может стать своего рода «инструментальное» использование понятия, когда вкладываемый в него смысл определяется теми конкретными проблемами, какие намерен разрешить исследователь. Однако при таком исходе крайне трудно соблюсти идущее еще от Платона и ставшее гносеологическим каноническим требование «эксplikации понятий», с которым непосредственно связан запрет на контекстуальную многозначность термина в строгих исследованиях.

Данное утверждение вступает в силу, как только в рамках одного исследования объединяются теоретико-аналитические и дескриптивно-синтетические задачи. То есть речь идет о ситуациях, какие сплошь и рядом возникают в прикладных разработках среднего уровня общности.

Не претендуя на построение исчерпывающей дефиниции, следует все же подчеркнуть, что если под понятием «электоральное поведение» иметь в виду политико-мировоззренческую позицию граждан по отношению к избирательным кампаниям (позицию, которая определяет их выбор во время самой процедуры голосования), то, распредмечивая это содержание, мы с необходимостью включаем в него мотивационно-ценностные предпочтения, личностно-мировоззренческие экспектации, а также степень и формы (в зависимости от уровня активности) участия граждан.

Такой подход позволяет строить достаточно строгое и содержательное по своим выразительным возможностям концептуальное описание динамических моделей поведения как больших групп избирателей, так и отдельных индивидов, чьи реакции показательны в том или ином отношении.

Однако само моделирование такого рода, когда электоральное поведение понимается в качестве значимой составляющей политической культуры, может быть использовано как эвристическое средство для осмысления институционального среза современной российской политики.

Так или иначе прояснение теоретического содержания данного термина позволяет рассматривать, казалось бы, привычные феномены современной российской политики в неожиданном исследовательском ракурсе.

Политическое бездействие — это способ выключенности субъекта из политической жизни, который может проявляться в различных формах: от активно-

го неприятия политики до пассивного безразличия. Так, абсентеизм — одна из форм сознательного бойкотирования избирателями выборов, отказ от участия в них; пассивный протест населения против существующей формы правления, политического режима, проявление безразличия к осуществлению человеком своих прав и обязанностей. В широком смысле под абсентеизмом можно понимать факт равнодушного отношения населения к политической жизни, обыденское представление отдельных людей о том, что от них ничего не зависит в политике.

Подобное представление противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Если «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», то их проявление в политической жизни предполагает отказ от абсентеизма. Согласно ст. 32 Конституции «граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей». Но это право в единстве со свободой человека дает ему возможность неучастия в политической жизни, в избирательной кампании. Тем самым абсентеизм выступает как признак свободы человека в обществе и государстве. Но свобода от участия в политической жизни оборачивается формированием безразличия к общественно-политическим делам общества и государства. Поэтому особо подчеркнем, что, обладая общей и политической культурой, человек обязан свободно реализовывать свои права в политической жизни. Массовый абсентеизм может взорвать демократические механизмы управления социумом, сделать население объектом манипулирования, абсолютно подвластным «верхам».

Абсентеизм присутствует в любом обществе: развитом и неразвитом, демократическом и тоталитарном и т.п. Его причины многообразны: неверие граждан и отсутствие правовой культуры, борьба за ситуативное удовлетворение частных интересов и др.

М. Вебер, классифицируя участие людей в политике, выделил три основных вида политического участия. Политик «по случаю» ограничивает свои действия подобным участием, т. е. он эпизодически совершает волеизъявление: протестует, произносит речь, рукоплещет, опускает избирательный бюллетень и т.п. Человек порой даже не задумывается о содержании, характере и направленности подобных политических акций. Он делает это порой автоматически, находясь под влиянием эмоций, ощущения единства, действует по принципу: «как все, так и я».

Политиками «по совместительству» являются люди, которые занимаются политической деятельностью лишь «в случае необходимости, и она не становится для них первоочередным „делом жизни“ ни в материальном, ни в духовном отношении» [1, с. 14]. Политиками «по совместительству», например, являются организаторы митингов, которые в силу политической, а иногда личной необходимости участвуют в них. Политической потому, что целью митинга они

ставят задачу сплотить массы вокруг конкретной общей идеи, непосредственно контактировать с людьми, вселить в них уверенность или посеять сомнение в возможных политических действиях. Личная цель организаторов митинга может состоять в пропаганде корпоративных интересов, не выходящих за рамки общих или формально их обозначающих, а также попытке придать особую значимость своей персоне, выделиться, стать лидером.

Политиками «по совместительству» являются многие члены различных партийных, общественно-политических организаций и движений, отдельные государственные деятели, которые выполняют функции в них «по требованию», а не по профессии. Это не означает, что любой политик «по совместительству» — дилетант, непрофессионал, а профессиональный политик — компетентный политический деятель. В политической деятельности каждого из них могут присутствовать и преобладать как профессиональные, так и непрофессиональные качества.

М. Вебер отмечал, что есть два способа сделать из политики свою профессию: либо *для* политики, либо *жить за счет политики и политикой*. Человек, живущий «для» политики в демократическом, цивилизованном обществе и государстве, действует во имя достижения общегражданских и общегосударственных целей и задач, создания условий для удовлетворения непосредственных интересов масс и в этом видит смысл своего политического существования. «За счет политики» означает, что смысл деятельности человека состоит в том, что он «стремится сделать из нее постоянный источник дохода» [1, с. 14—15], чему способствует факт обладания политической властью, должностью. Такой человек при зависимом от него материальном положении людей выколачивает из этого немалые материальные и иные блага. Поэтому в западной политологии в качестве предпосылки бескорыстной политической деятельности человека отмечается экономическая независимость политика. В наших условиях такой независимости нет, поэтому в печати отмечаются примеры улучшения своего экономического положения «за счет политики».

В данном случае деятельность аппаратного чиновника, должностного лица перестает быть политической в истинном смысле слова, поскольку его интерес ограничивается личными интересами и ему нет дела до интересов масс. Они провозглашаются для отвода глаз, но не являются общенародными, коллективными. Преодолеть данную тенденцию в короткое время невозможно. Контроль масс за деятельностью аппаратных служаков может только смягчить ее. Следует медленно, но целенаправленно создавать условия для преодоления этой тенденции, учить массы на собственном опыте внедряться в политику, делать ее гуманистической и самому человеку использовать все возможные формы и механизмы активизации политического участия на культурной основе. В.М. Межуев верно отмечал: «Все формы бюрократической и тоталитарной власти преодолеваются не отрицанием власти и не ее превращением во всеоб-

щее дело для всех, а *культурой* власти... Профессиональная власть не привилегия и не монополия на нее со стороны какой угодно группы, касты, сословия или партии, а именно профессия, доступная каждому, но лишь при наличии у него соответствующих способностей, призвания и специального образования. Политикой... могут и даже должны интересоваться все (поскольку она касается всех), равно как и все должны так или иначе участвовать в политической жизни страны, но быть политиком, работать в политике могут и должны только профессионалы» [5, с. 9—10]. Профессионал-политик есть прежде всего аналитик, специалист по технологии власти, способный дать практические советы и рекомендации по ее эффективному использованию. Ему присущи такие качества, как искусство компромисса, компетентность, убежденность, независимость суждений, устойчивая линия поведения, способность к организации и мобилизации масс на решение общественно значимых проблем, авторитет, высокая гражданская и политическая культура, доверие к людям и др. Профессиональным политикам нельзя обещать того, что невыполнимо. Им надо чаще анализировать свою политическую деятельность, меньше радоваться «успехам», подчеркивать свою «значимость»; не следует подменять цели средствами достижения, а при совпадении средств и целей помнить, что конкретной цели должны соответствовать свои средства. Одна и та же политическая деятельность может выполняться различными по своему характеру средствами.

Ответные действия масс на политические решения политиков часто не вписываются в целевую установку политических программ. Они могут как содействовать, так и препятствовать их реализации, а также содержать в себе оба этих момента, но в разных сочетаниях. В результате политическая деятельность может вызвать изменения:

1) силы власти, т. е. «возможно, что определенные приказы субъекта уже не будут послушно выполняться общественными субъектами. Считается, что власть тем слабее, чем больше давления она вынуждена оказывать, чтобы реализовать решения распорядителя»;

2) объема власти, «закключающегося в увеличении (сокращении) правового характера общественной жизни, т. е. в расширении сфер общественной жизни индифферентного поведения, становится меньше сфер общественной жизни, регулируемых другими типами общественных норм»;

3) отношений власти, «что может привести к ее концентрации или децентрации, к централизации или децентрализации, к олигархизации (одновременно концентрации и централизации) или демократизации» [4, с. 110].

Говоря о различных видах и формах политической деятельности в последние годы, необходимо остановиться на антитеррористической деятельности.

Среди современных политических явлений, негативно сказывающихся на характере общественной и индивидуальной жизни, терроризм занимает одно из ведущих мест. Само понятие «терроризм», его коллективные и индивидуальные субъекты привносят в жизнь людей массу отрицательных суждений, оценок, ориентаций, а чувство страха, неуверенности может значительно деформировать психику здоровых людей, надолго выбить их из нормальной, свободной и оптимистической жизни. Сложность и значимость проблемы терроризма усиливается в связи с тем, что он содержательно видоизменяется, приобретает новые качества, последние все в большей степени характеризуют его как отрицательно-политическое явление, в той или иной мере затрагивающее массы людей как прямо, так и опосредованно. Поскольку подобная опосредованность относительна и она в определенной ситуации может перерасти в непосредственное воздействие на массы людей, проблема терроризма должна восприниматься как реальный фактор античеловеческих действий, носящих политическое содержание.

Следует подчеркнуть, что проблема терроризма в ее теоретической и практической ипостасях не является новой для современной России. Ее истоки восходят к дореволюционным временам, когда в результате террористических актов были убиты министры, депутаты Государственной Думы, полицейские, прокуроры и др. Террористы применяли разнообразные формы деятельности: стихийные и организованные, политические и уголовные, индивидуальные и групповые и пр. Формировались террористические организации, имеющие региональные «кусты», в террористической деятельности активное участие принимали женщины. По многим своим параметрам дореволюционная террористическая деятельность носила политический характер, так как была направлена против органов коллективно-государственной власти, ее отдельных представителей-служащих. Но в отличие от современного терроризма эта деятельность в то время «не одевалась в религиозные и сепаратистские одежды». Прежний терроризм в его отдельных организационных проявлениях был профессиональным, четко оформленным, имеющим довольно обоснованные с точки зрения времени и пространства методы и способы тактической деятельности. Уголовный терроризм переплетался с политическим и наоборот. Члены террористических групп нередко посылались на учебу за границу, оттуда же им поставлялись оружие, взрывчатые вещества. Не трудно заметить, что подобно-го рода деяния присущи и современному терроризму.

Естественно, современный терроризм более искусен, целенаправлен и профессионален. Он все в большей степени носит организованный, скрытый характер. Его деятельность сопряжена с политическим экстремизмом, мощной поддержкой исламских фундаменталистских сил. Современный терроризм значительно расширил масштабы своей антинародной деятельности, и легальные его проявления сегодня имеют глобальное значение. Содержание совре-

менного терроризма политично, так как выходит на международные политические отношения. Механизмы и средства борьбы с ним интернациональны, при всей специфике его региональных отличий и особенностей, которые следует учитывать при разработке правовых, политических и иных способов борьбы с ним.

Практика показывает, что российские государственные структуры оказались неготовыми для целенаправленной и эффективной борьбы с терроризмом. Пожалуй, главная причина этого заключается в том, что российская государственность находится в кризисе, консервация которого не позволяет направить усилия на борьбу с терроризмом. Государство в лице своих конкретных органов по-настоящему не начало бороться с терроризмом. Поэтому следует как можно скорее оформить государственно-институциональные образования, имеющие главную цель — целенаправленно, системно и последовательно бороться с терроризмом.

В теоретическом плане терроризм также слабо исследован. Солидных аналитических работ по данной проблеме единицы. Система механизмов и технологии решительной борьбы с терроризмом научно не отработаны. Следовательно, о прогностической работе в этом направлении говорить не приходится. Необходимо использовать некоторый опыт по борьбе с терроризмом правового и организационного характера, существовавший в России в последней четверти XIX в.

Указанная проблема не должна быть политизирована, облечена в политические «одежды» виртуальным способом. Политическая по существу она требует четко продуманных государственно-политических акций борьбы с современным терроризмом.

В заключение обратим внимание еще на один аспект данной проблемы — ее региональное содержание и измерение на Северном Кавказе. Этнические и межконфессиональные противоречия на Северном Кавказе являются «источником внутренней геополитической неустойчивости Российского государства. Наличие сложных национально-территориальных образований, культурных и расовых различий, попытки инспирирования межнациональных конфликтов извне влияют на обострение дезинтеграционных процессов» [8, с. 222].

Дискуссия, развернувшаяся в обществе по поводу недавно принятого парламентом России Закона «О противодействии терроризму», свидетельствует, с одной стороны, об открытости власти для гражданского общества, с другой — об ее ответственности перед народом, ибо, по мнению разработчиков закона, наконец-таки определен механизм противодействия террористической угрозе. Правоприменительная практика со временем покажет, какие корректировки необходимо внести в законодательство, если такая проблема возникнет.

По мнению В.А. Тишкова, что касается причин терроризма, то «отсутствие вознаграждающегося мирного занятия для мужчины или обеспеченной полной семьи для женщины, конечно, могут служить толчком для того, чтобы начать путь в террор. Но все же гораздо более значимыми являются факторы идеологической индоктринации на основе фундаменталистских догматов, эмоционально-психологические мотивы мести и реванша, меркантильный расчет на совершение убийства, рекрутирование личностей в закрытые террористические сообщества, где нет цены жизни и где террор становится единственным занятием. В этой ситуации не только социально-экономическое развитие, но и подчинение правопорядку принесут мир и стабильность в конфликтные регионы России» [6, с. 20]. Поэтому, как считает В.А. Тишков, мнение, что именно бедность порождает терроризм является ошибочным. Страна басков в Испании и Северная Ирландия в Великобритании не являются бедными регионами этих стран, а терроризм там есть.

Таким образом, конфликтологическая экспертиза, проведенная в проблемных регионах, взвешенная и продуманная государственная политика (государство выступает основным медиатором конфликтов) в интересах многонационального российского народа, безусловное соблюдение конституционного порядка на всей территории страны — все это даст стабильность и развитие Российской Федерации.

В национальной стратегии на Северном Кавказе не должно быть навязывания патерналистских концепций, с одной стороны, и поднятия до уровня официальной политики групповых мифов и иррациональных доктрин — с другой. Территориальная целостность Российского государства не должна ставиться под сомнение ни при каких обстоятельствах: ни политическими силами внутри России, ни в рамках международного сообщества.

Русские как этническая общность, их статус и культура должны быть субъектом национальной политики Российской Федерации, в том числе и в Северо-Кавказском регионе [9, с. 240—241].

Говоря об исследовании политического процесса в России, Е.Н. Мошделков обращает внимание на то, что «Россия — это самостоятельная и долгоживущая общественная система, в которой наряду с наличием очевидных внешних (в основном европейских) заимствований в течение столетий сформировались свои, уникальные, не идентичные европейские матрицы и стереотипы политической и социальной жизни» [3, с. 30].

Движение к суверенной демократии, начавшееся в российском обществе и государстве, имеет свою, в том числе региональную, специфику, своеобразные условия и факторы, механизмы сознательной деятельности субъектов. Их общее выражение на теоретико-методологическом уровне и прикладное, процессуальное, технологическое, ресурсное и иное обеспечение позволяют по-ново-

му осмыслить проблему политического действия, рассмотреть ее технологическое содержание и изучение.

Библиографический список

1. *Вебер М.* Политика как призвание и как профессия // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. 2: Зарубежная политическая мысль. М.: Мысль, 1997.
2. *Лазарев М.В.* Институциональный порядок и политическая лояльность // Политика. 2003. № 3.
3. *Моцелков Е.Н.* Предмет политологической науки и предмет истории политических учений: концепции в отечественной политико-правовой науке XIX–начала XX в. и современные трактовки // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2006. № 4.
4. Основы политологии (наука о политике): Учебник для вузов / Под ред. А. Боднара. Киев: УкрНИИИНТИ, 1991.
5. Право. Свобода. Демократия (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1990. № 6.
6. *Тишков В.А.* О российском народе. М.: ЦИК ВПП «ЕР», 2006.
7. *Шабров О.* Политическое управление: проблема стабильности развития. М.: Интеллект, 1997.
8. *Юрченко В.М.* Геополитические интересы России на Кавказе // Глобализация и регионализм. Черноморский регион. Балканы / Институт Европы РАН; КубГУ. М.: Интердиалект+, 2001.
9. *Юрченко В.М.* Политика как фактор региональной конфликтности. Краснодар: КубГУ, 1997.

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

.....

А. И. Соловьев*

Как известно, государство было и остается мощнейшим социальным институтом, поддерживающим общественный порядок за счет целенаправленного регулирования различных сфер общественной жизни и даже сознательного — пусть и частично — воздействия на физико-географическую среду. Эта способность государства к целеполаганию, его обладание регулятивными способностями практически никогда не ставились под сомнение, сколько бы теоретиков ни предлагали собственных версий прочтения сущности и природы данного института. В то же время неперенным основанием дискурса были способы и механизмы государственного воздействия на социальную среду, и сторонники различных школ и направлений постоянно оспаривали первенство и характер соотношения друг с другом этих инструментов развития. Впрочем, все попытки обоснования приоритета морально-этических или правовых, политических или хозяйственно-распорядительных методов общественного регулирования анализировали не столько о пристрастиях теоретиков, сколько о сложной, интегративной природе данного института, способного действовать в разных форматах и на различных этажах общественной системы.

Стоит, однако, подчеркнуть, что на все теоретические споры относительно природы и способностей государства наложился отпечаток нормативного подхода, неизменно «подтягивавшего» его реальную регулятивную активность до предписанных статусом этого общесоциального института и в значительной степени облагороженных функций типа миссии защиты общественных интересов и т.д. Такое постоянное приукрашивание исторических реалий исключало многие системные факты (коррупцию, неискоренимый интервенционизм по отношению к обществу и пр.) из его социального портрета, оценивая их как

* Соловьев Александр Иванович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

некие несущественные изъяны, временные трудности, издержки эволюции. Неудивительно, что, к примеру, за начатой еще на рубеже XVIII–XIX вв. французскими учеными А. Макарелем и А. Вивьеном и подхваченной В. Вильсоном полемикой относительно соотношения политики и администрирования [1, с. 33] долгое время усматривалась лишь проблема методов государственного регулирования, инструментов государственной политики.

В то же время практический опыт взаимодействия государства и общества показывает, что за этими внешне инструментальными противоречиями стоит принципиальный разлом двух подсистем, каждая из которых стремится самостоятельно сформировать собственный облик данного института. Более того, весь шлейф заданных этими подсистемами подходов к целям государственного регулирования, соответствующих механизмов реализации задач, технологий и методов осуществления целей оказывается подчас предельно далеким от нормативно предписываемых государству целей. И в этом смысле государство предстает как институт, на протяжении всей своей многовековой истории стремящийся хоть как-то примирить, сбалансировать свои генетические, порой противоположным образом сориентированные основания деятельности.

Если предельно коротко изложить суть этой внутренней коллизии, то можно сказать, что все многообразные способы воздействия государства на внешнюю среду (включающие, в частности, влияние, контроль, форс-мажорную деятельность и пр.) обусловлены наличием двух его внутренних подсистем: *властно-политической* и *собственно управленческой*. В этом смысле, все конкретные формы его поведенческой активности — государственная политика, стратегические кампании, акции или антикризисная деятельность [4] — являются выражением конкретного сочетания присущих этим подсистемам целей и ориентаций. При этом в ряде случаев государство способно не только сочетать, но и едва ли ни полностью вытеснять один тип целевой программтики другим. И тогда, к примеру, задачи решения народнохозяйственных проблем могут «передать» все свои ресурсы для решения задачи укрепления власти. Нечасто, но все же встречается, и противоположная ситуация.

Таким образом, эта структурно закрепленная ситуация превращает государство во внутренне разделенный институт, чье существование и развитие целиком и полностью зависят от решения этого внутреннего конфликта. При этом важнейший технологический в государстве процесс принятия решений предстает как сосуществование — не исключающее, как уже говорилось, взаимного замещения — двух различных логик выработки ориентиров развития, в свою очередь предполагающих наличие особых механизмов согласования интересов, позиционирование (подчас противоположных) намерений и стратегий ведущих акторов, способов рассмотрения альтернатив, использования потенциала ценностей и традиций, норм и стереотипов, правил и технологий действий.

Впрочем, такая, казалось бы, очевидная констатация событий многими рассматривается как чрезмерно драматическая оценка природы государства. Более того, такой подход в значительной степени замещается дискуссией по вопросу соотношения политики и администрирования. Впрочем, делящаяся много десятилетий теоретическая полемика все же показывает, что ряд ученых все же признают наличие двух, достаточно автономных сфер государственного регулирования. В данном случае их аргументация зиждется на признании неприемлемости вмешательства политики в процессы управления, о чем свидетельствует тот факт, что даже в кризисных условиях госаппарат «никогда не берет на себя всю тяжесть управления», хотя государственные служащие и не являются «нейтральными участниками» в этой системе [5, p. 223].

Другие же, более технологически ориентированные теоретики предпочитают говорить об органической целостности этих областей деятельности государства (полагая, в частности, что политика интегрирована в структуру государственного управления и должна рассматриваться как органический элемент менеджмента¹). В последнем случае оправдывается политизация бюрократии и соответствующее перераспределение функций в системе государственного управления. В последнее время к такому пониманию ситуации склоняются и сторонники «нового публичного менеджмента», настаивающие на интегрированной картине государственного управления, полагая, что политико-административное противопоставление изжило себя чисто исторически и необходимо синтезировать технико-организационные аспекты управления с морально-этическими способами регулирования.

Понятно, что теоретические расхождения по данному вопросу обозначают не только различное понимание природы процесса принятия государственных решений, формирования государственной политики, а также природы государства как особого социального института. В значительной степени такие различия определяют и характер решения задач практического толка (либо ориентированных на приспособление этих подсистем для сознательного продвижения проектов, либо исходящих из противоположных посылок).

По нашему убеждению, если рассматривать реальный, а не нормативно приукрашенный процесс выдвижения и реализации государством целей, то в нем неизбежно придется признать наличие различных (нередко качественно расходящихся) источников формирования его отдельных фаз и этапов, специфических мотивов активности у политиков и госчиновников, неидентичные формы

¹ «Государственное управление, — пишет У. Сэйр — представляет собой исключительно политическую проблему», поскольку «основополагающим вопросом в демократическом обществе являются ответственность перед общественностью, подотчетность и ответственность управленческих ведомств и бюрократии перед выборными представителями администрации», и все это «имеет особую значимость для такой системы государственной власти, где основным принципом является наделение управленческих ведомств полномочиями и правом принимать решения» [7, p. 201].

влияния последних на подготовку официальных документов и их ориентацию на различные принципы и ценности профессиональной активности, наличие у этих действующих лиц особых зон и характера ответственности, а также многие другие не сводимые к единому знаменателю компоненты.

Заметим при этом, что характерные для властно-политической и управленческой подсистем государства формы деятельности неизбежно опираются на органически присущие этому институту структурные и процессуальные основания, заложенные взаимоотношениями этого института со своими контрагентами (обществом, оппозицией, международными объединениями и пр.). Иными словами, источники воспроизводства этих сфер имеют *вневременной, постоянный* характер, не зависящий от стадий развития самой государственности.

Кратко останавливаясь на характеристике универсальных оснований существования двух подсистем в государственном управлении, прежде всего укажем на то, что наличие властно-политических структур связано с неизбежной трансформацией социально-доминирующих позиций господствующих (профессиональных, этнических, административных, межгосударственных и пр.) групп в целевые установки государства в целом. Задача же этих ориентиров государственной деятельности состоит в обеспечении приоритетного (для принадлежащих к этим общностям лиц) распределения ресурсов и статусов. Коротко говоря, какие социальные группы доминируют на национальной территории, те приоритеты и будут заложены в основание всей системы принятия государственных решений. Соответственно общенародные цели (в другой редакции — национальные интересы) в своем политическом измерении — это не столько риторическая фигура общественного дискурса, сколько результат либо ущемленности статуса господствующей группировки (вынужденной отступать под давлением своих конкурентов и сочетать их требования со своими), либо плод сугубо идеологических предпочтений, самоограничивающих приоритетное положение господствующих объединений.

Поскольку в государстве позиции доминирующих групп организованы в форму политического режима, то именно его практические предпочтения (в небольшой степени базирующиеся на ценностно-идеологических позициях лидеров, их Я-концепциях) становятся главным идейным основанием распределения государственных ресурсов. Как показывает опыт, при принятии любых сколько-нибудь значимых для государства (экономических, административных и пр.) решений каждый политический режим постоянно нацелен на решение следующих задач:

- обеспечение самосохранения (господствующего положения в политическом пространстве);
- сохранение территориальной целостности государства;

– достижение политической стабильности в обществе на основе соответствующей коммуникации (государственного PR) с гражданскими структурами (и его ресурсообеспеченными группами), а также влиятельными игроками на сцене мировой политики.

К более частным, но также постоянным задачам правящего режима можно отнести: конституционное закрепление власти; определение ведущих методов борьбы с оппозицией (репрессии, ограничение политического пространства путем применения административного ресурса, переговоры, соучастие во власти и др.); закрепление общих принципов фактического рекрутинга во властные структуры (выборы, ротация, кооптация, манипулирование и пр.); выбор базовых принципов экономического регулирования (дирижизм, монетаризм и др.); предотвращение системных угроз государству; выбор приоритетов в социально-экономическом развитии и некоторые другие.

Именно в рамках этих приоритетов правящего режима власти интерпретируют категорию общегосударственных и национальных интересов, вырабатывают конкретные цели управленческой деятельности государства, направляющие отношения последнего с гражданскими и иными контрагентами. Стоит также напомнить, что основанием для принятия решений здесь выступает не рациональная оценка объективных факторов той или иной проблемной ситуации, а учет соотношения сил (постоянных и временных) контрагентов правящего режима.

Как бы то ни было, но в конечном счете именно интересы сохранения режима становятся основанием и для интерпретации руководящих ценностей, и для преобразования отношений власти в сугубо управленческие акции. При этом властно-политический формат решений отражает те цели и акции государства, которые претендуют на фундаментальный для общества характер (независимо от того, приняты они в законодательной форме или нет) [6, р. 39–40] и обладают «правом контролировать ключевые решения» [2, с. 149]. Стоит подчеркнуть, что «необходимость в политической поддержке (того или иного проекта. — А.С.) часто перевешивает критерии экономичности», т. е. заставляет лиц, говорящих от лица государства, принимать решения в рамках сравнительно ограниченного набора собственно политических альтернатив [2, с. 149].

Коротко говоря, властно-политическая постановка задач государственного управления осуществляется на основе *внеэкономических* критериев, задаваемых как интересами режима, так и различными идеологическими, мифологическими и иными предпочтениями. По этой причине политическая власть выносит на управленческий уровень многообразные качественные ориентиры деятельности аппарата управления. В частности, использование концептов «свобода», «справедливость», «демократия», «коммунизм», «защита отечества», «повышение уровня жизни народа» и других масштабных требований и призывов власти относится к прерогативе именно политических деятелей, таким образом позиционирующих важнейшие приоритеты и направления как в развитии государства в

целом, так и в отдельные периоды его развития. В этом смысле политическое руководство представляет собой попытку идейными средствами унифицировать способы достижения межгрупповых целей.

За счет повышения плотности и доверительности отношений на базе распространяемых идеологием снижаются управленческие риски (поскольку граждане больше доверяют лидерам и прощают им ошибки управления, терпимее относятся к неудачам), а территориальное единство населения дополняется формами идейной интеграции и консолидации. Так что, поддерживая постановку широких целей общественного развития формами политического руководства, власти одновременно задают важнейшие приоритеты развития государства, прокладывая курс его действий и формируя социальную базу реализации его стратегий.

Из этого вытекает, что государство как оператор политической власти в большей степени ориентируется на механизмы легитимации, идейной или персональной лояльности граждан к выдвигаемым целям или лидерам. Поэтому в политическом плане задача государственных структур состоит в снижении уровня противоречий между ценностями властей и численностью граждан, поддерживающих выдвигаемую руководством альтернативу.

В то же время надо видеть, что установки на легитимацию и выдвижение предельно абстрактных, качественных (т. е. слабо операционализируемых) целей содержат весьма высокий уровень неопределенности (например, такие цели, как «побороть преступность», «сделать жизнь людей достойней» и т.д., не только вызывают затруднения при определении конкретных показателей их реализации, но и могут быть представлены в совершенно разных, а порой даже противоположных по смыслу акциях). Тем самым в систему государственного управления неминуемо привносятся технологии, снижающие (а порой и отвергающие) рациональность и последовательность действий при решении задач. По этой причине механизмы рациональной диагностики применяются здесь отнюдь не повсеместно, а государственное планирование становится на 15–20 % дороже, чем в частном секторе.

Поскольку важнейшим способом выработки и продвижения властно значимых целей выступает политическая воля, то надо признать, что именно этот источник запускает механизм селекции проблем для участвующих в принятии решений агентов и установления повестки дня (в том числе и для общественного дискурса), обеспечивает консолидацию институтов государства вокруг поставленных задач, задает стиль и характер действий всех государственных органов и даже выступает формой надзора за общественной деятельностью. При этом политическое давление лидера как важнейшего носителя и оператора этой воли обладает не только вертикальным, но и горизонтальным характером, что нередко лишает хозяйственно-распорядительные государственные органы возможностей предлагать собственные стратегические проекты.

Сказанное демонстрирует, что включение властно-политической подсистемы в механизм государственного управления основано на корпоративных приоритетах режима правления (и в этом смысле лидера и его команды) и находится в постоянном конфликте с процедурами обеспечения законности, легальности, юридически и административно формализованной ответственности. Однако, несмотря на господствующий характер режима правления, государство как субъект политической власти непременно конкурирует с другими политическими агентами, сталкиваясь с множественными центрами влияния и испытывая давление их мифов (идеологий) и гражданской поддержки при принятии решений. Конкурируя с ними (т. е. *никогда не являясь монополистом в политическом пространстве*), государство вынуждено ограничивать свои притязания на распределение ключевых ресурсов. Более того, со всеми своими возможностями продуцирования интерлокальных ценностей и общеколлективной солидарности государство может и не вписаться в сложившуюся систему спроса и предложения на политические ценности и тем самым лишиться (в политическом пространстве страны) своих управленческих преимуществ.

В то же время следует учитывать, что при неуклонном нарастании властно-политических подходов к оценке социальных проблем невлиятельные и обездоленные группы неизбежно проигрывают, а централизованный характер государственного правления усиливается. В целом же в каждой конкретной стране возможности властно-политической подсистемы государственного управления непосредственно обусловлены такими формами ее организации, как популизм, авторитаризм, волюнтаризм, корпоративизм, бюрократизм, плюрализм, клиентаризм и др.

Несколько иными принципами и установками руководствуется управленческая подсистема при принятии государственных решений. Присущие ей акторы, структуры и институты в первую очередь ориентированы на следующие задачи:

- сохранение целостности социально-экономического пространства страны;
- обеспечение (повышение) конкурентноспособности национальной экономики;
- рациональное ведение распорядительно-хозяйственной деятельности;
- поддержание соответствия административного и кадрового аппарата задач экономического проектирования.

Как видим, здесь главной целью для государства является уже не сохранение власти той или иной группировки правящего класса, а обслуживание населения и интеграция общества как социально-экономического целого. Иными словами, если уровень политической власти формулирует как бы общий вектор развития, подводя под соответствующую деятельность государства некую идейную аргументацию использования власти, то здесь органы управления как бы разбивают эту основную задачу на ряд дискретных задач, относительно которых можно

рационально планировать те или иные ресурсы, распределять ответственность между конкретными госструктурами и т.д.

Таким образом, доминирующей осью взаимоотношений государственных структур и их контрагентов становятся отношения не властвующих и подвластных, а *управляющих и управляемых*. Этот формат отношений предполагает, что органы управления ориентированы на регулирование общественных процессов путем не доминирующего давления режима и его принудительных действий, а стимулирования поведения граждан, которые в свою очередь имеют возможность отклоняться, соглашаться или демонстрировать иные реакции на требования государства. Одним словом, в данном случае государство в основном применяет методы контроля и стимуляции, а силовое принуждение используется только в зоне нарушений конституционно-правовых установлений.

Поскольку управленческая подсистема переносит политически обозначенные оценки тех или иных проблем в плоскость практического, точечного распределения и перераспределения ресурсов и кадров (выдвигая дополнительные показатели достижения цели), происходят изменения и в характере доминирующих игроков в поле государственного регулирования: главным действующим субъектом становится *правительство*, исполнительные органы власти, а основным содержанием их деятельности — *хозяйственно-распорядительные задачи*.

Такое положение предусматривает, что структура органов принятия решений должна обладать закрепленным линейно-штабным характером (в том числе сохраняя возможности для активизации сетевых, горизонтальных форм активности партнеров правительства). Этот факт демонстрирует, что министерства, ведомства, агентства и департаменты, а также другие органы государства составляют формально единые иерархизированные и субординированные управленческие структуры. Внешние и внутренние связи последних регулируются формальными нормами и процедурами целеполагания и призваны рационализировать (и даже алгоритмизировать) процесс выдвижения, продвижения и реализации государственных решений.

Радикальным образом здесь меняются и *ведущие установки и мотивы деятельности* госструктур. В частности, исполнительно-распорядительные органы стремятся рационально строить свою деятельность во исполнение общеколлективных интересов и стремления максимально экономно тратить деньги налогоплательщиков, поддерживая политически заданную линию общественного развития. Другими словами, вся система государственного управления на макроэкономическом уровне ориентируется на постановку целей и задач, определяемых необходимостью получения максимально возможных результатов при минимальном использовании государственных средств. Такая ориентация на сугубо управленческие критерии своей деятельности предполагает заинтересованность государственных структур в сохранении социальной стабильности, соответствии принимаемых решений действующему законодательству, росте

компетенции своего аппарата, а также решении других задач, направленных на повышение эффективности управления.

Конечно, и на этом уровне существенным значением обладает позиция «первых лиц» (в правительстве, министерствах и агентствах). Однако в данном случае их возможности в навязывании повестки дня, доминировании при выработке окончательных приоритетов достаточно ограничены. Во-первых, это обусловлено наличием контроля со стороны политических структур, а также действием законодательства и правоприменительной практикой. Во-вторых, отдельные области и сферы социальной жизни в большей степени дают возможность применения конкретных показателей успеха, нежели межсекторная область, общество в целом. В-третьих, существенно более высокую в функциональном отношении роль выполняют эксперты и представители академического сообщества, которые способны формулировать и публично информировать общественность об альтернативных подходах к решению той или иной конкретной задачи.

Специфика принятия решений в рамках управленческой подсистемы проявляется и в том, что здесь применяются в основном три основных типа регуляторов: политические приоритеты и ценности, экономическая целесообразность и действующее законодательство, причем именно последнее служит основным регулятором постановки и реализации общественных целей. При этом политическую ответственность, как правило, несут только высшие чиновники и часть среднего звена госаппарата. Но в любом случае *закон, рациональность, профессиональная компетентность чиновников и экономическая эффективность* становятся главными ориентирами в принятии государственных решений, а *общественные интересы являются законодательно закрепленными ориентирами деятельности правительства.*

В то же время здесь действуют и факторы, которые могут ослабить качество управленческой деятельности государственных органов, существенно сузить возможности государства как центра принятия эффективных управленческих решений. В частности, к ним можно отнести сложную хозяйственную ситуацию, непрофессионализм работников сферы управления, ограниченность финансовых (материальных) ресурсов государства, противоречивость законодательства, конфликты между мнением политических и хозяйственных руководителей по тому или иному кругу вопросов. Снижают эффективность управления и действия чиновников, стремящихся приватизировать рабочие органы государства. В ряде случаев играет свою негативную роль и нежелание крупных чиновников переходить в силу масштабности их производственных задач к более открытой общественности, публичной форме своей профессиональной деятельности.

Наблюдаемый сегодня практически во всех индустриальных странах рост сферы государственного регулирования объективно способствует повышению роли экономических органов государства, которые становятся все более полноправными участниками процесса выработки общезначимых решений. Растет и

их автономность, и самостоятельность по отношению к собственно политическим структурам государства. Сегодня государственная администрация обладает несравненно большими возможностями в деле проведения собственной линии, влияющей на позиции политических лидеров. Таким образом, несмотря на то, что политические институты могут перекраивать структуру государственных органов, пересматривать их функции и даже прекращать полномочия некоторых из них, структуры экономического планирования неуклонно набирают политический и управленческий вес и укрепляют свои позиции в механизмах принятия решений. Особенно ярко эта тенденция проявляется в стабильных политических условиях, когда приоритеты правящих режимов устойчиво определяют состояние общественного мнения, а органы государственного управления все больше выходят на первый план в качестве самостоятельного субъекта определения проблем и формулировки общественных целей. Одним словом, структуры хозяйственно-распорядительной деятельности получают сегодня все больше возможностей «делать политику», т. е. выработать приоритеты и цели государственного развития, не привлекая к этому процессу выборных политиков.

Благодаря выделенным различиям легко понять, что между этими регулятивными подсистемами постоянно возникают конфликты и противоречия. Так, к примеру, включение качественных ориентиров общественного развития в управление государством (благодаря ситуативной природе политики) нередко связано не с перспективным планированием, а с реакцией руководства страны на изменение ситуации постфактум. Это нередко ставит государственные органы в положение структур, лишенных инициативы и предназначенных лишь для выполнения рекомендаций вышестоящих органов. И именно такое положение нередко сталкивает ценности политической целесообразности с критериями (экономической эффективности, социальной справедливости, рационального расходования ресурсов, конституционности), которыми не может не руководствоваться государственная администрация. Поэтому зависимость государственной администрации от политических центров в ряде случаев может серьезно ограничивать рациональность принимаемых государственными структурами решений.

Итак, можно констатировать, что в любом государстве непременно сосуществуют *два центра* принятия решений. И хотя такую внутреннюю противоречивость управленческих уровней нельзя преувеличивать (ведь в целом в любой стране все же проводится относительно единая государственная политика, формируется и существует хоть и функционально разнородная, но все же единая профессиональная группа управляющих, занятая разработкой и осуществлением государственных решений), все же понятно, что конфликтность таких отношений может доходить до крайних значений. Например, при борьбе за власть управление государством может стать частной, третьестепенной задачей, способной предопределить ослабление государственности в целом. Другими сло-

вами, даже трансформация административных структур для правящих кругов выступает особой политической задачей, которую правящий режим пытается осуществлять только тогда, когда полностью решен вопрос о власти [3].

Но даже признавая внутригосударственный разлом властных и управленческих подсистем, невозможно уйти от ответа на вопрос: как же снизить их противостояние, оптимизировать взаимодействие, объединить усилия в деле регулирования государством общественных процессов? И возможно ли это в принципе?

Теоретически это возможно, и науке известно немало моделей урегулирования противоречий власти и управления². Однако в данной связи необходимо зафиксировать несколько условий и предпосылок, которые обладают непреходящим значением и способны служить универсальными измерителями эффективности каждой из предлагаемых моделей сглаживания противоречий между обозначенными подсистемами.

Если тезисно обозначить такие предпосылки, то прежде всего следовало бы сказать, что власть как форма социального доминирования в государстве *будет иметь постоянное преимущество* перед своим конкурентом и потому поставленная проблема должна решаться как проблема сглаживания властных инвектив и диспозиций при решении управленческих задач. Коротко говоря, приоритет всегда остается за властью, а управление государством неизбежно несет по

² Например, это модель сохранения устойчиво доминирующих позиций политиков и технической роли бюрократии, которая была бы годна для любых маневров избираемых населением лиц. Немало сторонников и у противоположной идеи, предполагающей, что корпоративные интересы и позиции бюрократии как профессионального сегмента управления должны преобладать при постановке общеколлективных целей в государстве. Сегодня эти идеи дополнились множественными модернистскими (описывающими деятельность сотрудничающего с гражданскими структурами чиновничества), транзитологическими (утверждающими преимущество стиля деятельности ориентированной на самую себя бюрократии) и прочими моделями, предлагающими собственные рецепты урегулирования их отношений. В этом плане ученые видят успех урегулирования такого рода отношений в поведении партийно ориентированных и политизированных корпусов бюрократии. Другие теоретики предлагают весьма дифференцированные способы урегулирования их отношений, выделяя формально-конституционные модели, где доминирование политиков сочетается со служебной ролью бюрократии; контробразцы официальной версии, в которых фиксируется более высокое позиционирование чиновников; политико-административные, обозначающие безконфликтный, договорной характер их отношений, а также экономические, указывающие на детерминированность поведения бюрократии законами занятости и другими материальными соображениями. Высказываются идеи преодоления подобных противоречий и за счет коммерциализации системы государственного управления. Вполне применимыми выглядят и предложения более «взвешенного соотношения между экономическими и административными мерами воздействия», обусловленные более дифференцированным подходом к интересам всех участвующих в принятии решений акторов. Ряд ученых предлагают регулировать связи политиков и администраторов в зависимости от типов их функциональных взаимоотношений (дихотомических, конфликтных и др.), характера используемых ими технологий (торга, борьбы, отказа от полномочий и пр.) и влияния на курс государства (изменчивого, стабильного, рационального и т.д.).

отношению к ней служебную функцию и потому *должно подстраиваться* под политические цели и ценности.

Важно и то, что взаимоотношения рассматриваемых подсистем зависят от *характера* режима правления, его устойчивости, наличия решенных или планируемых задач, способных определить параметры государственной политики в целом. В этом плане только совпадение *идеологической* программтики режима и *стратегические* проекты стабильного правительства могут создать более широкий коридор для органичного взаимодействия властной и управляющих подсистем.

Отметим и то, что при сглаживании межсистемных противоречий должны учитываться *современные тренды* развития национального государства (например, сближение стилей деятельности его аппарата управления и структур управления корпорацией), ведущие мировые тенденции (нарастание сетевых, горизонтальных связей в управлении территориями национальных государств), а также действовать установка на сохранение целостности самого этого института как регулятивной системы.

Каждая из рассматриваемых нами регулятивных подсистем должна содержать некие обязательные содержательные параметры. Например, применительно к системе политической власти это означает, что ни гражданское население, ни экспертно-академическое сообщество, ни политическая оппозиция ни при каких условиях не должны лишаться возможности влиять на выработку государственных целей. Разрушение (или имитация) их политического диалога является *стратегическим фактором распада всей системы целенаправленного регулирования государством общественных отношений и связей*. Поэтому государство всегда должно поддерживать диалог правящего режима с обществом, сохраняя баланс взаимоотношений властвующих/подвластных и находя институциональные формы презентации и позиционирования манифестируемых интересов. Относительно же системы управления можно утверждать, что необходимым условием функционирования этой подсистемы государства является сохранение рационально-экономического подхода к решению задач, а равно обязательное дополнение вертикальных сетевыми структурами государственного регулирования.

Особым уровнем самоидентификации рассматриваемых подсистем выступает и сохранение *функциональных особенностей* различных ветвей власти и управления. Эта грань целостности системы государственного регулирования выражает общие требования к институциональному дизайну, способному обеспечить требуемое по характеру регулирование социальных и экономических процессов с учетом дифференциации интересов как правящего класса, так и населения в целом.

Понимая недостижимость полноценного выполнения сделанных оговорок установления оптимальной модели взаимодействия двух регулятивных подсистем

тем, можно утверждать, что сформулированная задача согласования действий регулятивных подсистем должна состоять в *оптимизации конкретных форм их взаимоотношений*, а не в устранении исходных источников конфликта. Это всегда должно учитываться, поскольку нередко то, что способствует повышению эффективности управления, может негативно сказываться на характере функционирования властной подсистемы и наоборот.

Однако смягчать противоречивость взаимодействия власти и управления можно не только путем применения макросоциальных инструментов, но и за счет ряда чисто *технократических приемов*. Данные аспекты уже не зависят от содержания политического курса государственной политики в национальном государстве или форм организации власти и в самом общем виде касаются взаимоотношений политиков и чиновников (у которых даже в рамках одной команды возникают неидентичные формы мотивации, ответственности, проектирования целей и пр.).

Общий формат таких связей и отношений задан, с одной стороны, «преимущественным партнерством» политиков по отношению к бюрократии, с другой — более устойчивой позицией в государственном аппарате кадровых профессионалов-управленцев (которые могут пережить не один состав парламента или кабинета министров). Основную сложность этим отношениям создают некие пограничные зоны ответственности и сферы размытости компетенций политиков и чиновников различного уровня.

Итак, о каких консенсуальных акциях идет речь? Думается, к ним следовало бы отнести ряд возможных мероприятий, на которые способны ответственные перед населением режимы. Прежде всего надо сказать о задаче усиления ценностной интеграции системы управления, распространении единых идейных оснований политико-государственной деятельности на весь корпус правящего класса (и частично населения). По сути, речь идет о расширении зоны государственного PR как в лоне самого аппарата управления, так и в публичном дискурсе³. Налаживание эффективной убеждающей коммуникации внутри государства

³ Для российского общества в данном контексте существует немало моделей деятельности. Однако все они возможны как некие формы синтеза двух полярно противоположных путей. Первый — это традиционный, активизирующий ценности патриотизма, национального единства и пр. В данном случае, учитывая сложившиеся этноконфессиональные настроения в обществе, а также длительные традиции государственного антисемитизма, минусами такой линии является опасность возобладания консервативной версии воплощения этих идеалов и непреднамеренное провоцирование националистических и шовинистических настроений, вспышек ксенофобии и экстремизма. А это способно негативно повлиять на весь комплекс государственной деятельности: от выработки исходных целей до сохранения внутренней стабильности. Еще один способ — естественное распространение циркулирующих в обществе ценностей при сохранении общей гуманистической направленности дискурса. Однако при всей своей позитивной направленности эта логика мультикультурализма будет плохо приживаться в современном российском обществе и не сможет должным образом (особенно в краткосрочной и среднесрочной перспективе) сплотить власть и общество, идейно интегрировать группы управляющих и управляемых.

(а равно демонстрация обществу открытости правящего режима), постоянное сопровождение политико-управленческих проектов этими информационными методами должны сочетаться с обеспечением гибкого государственного контроля за СМИ и особенно общенациональными телеканалами.

Стоит упомянуть и о необходимости повсеместного усиления в аппарате государственного управления идеологии законности, уважения к праву, духу и букве Конституции, расширении возможностей последней для реализации текущих управленческих задач. В данном случае речь идет о необходимости определенной деполитизации процесса продвижения стратегических проектов правящего режима и создании тем самым *дополнительных* преимуществ для управленческой подсистемы⁴.

Для решения сформулированной задачи существенно важно и снижение внутренней конкуренции правящего элитарного слоя. С одной стороны, власть должна, устраняя с политического поля экстремистов и радикалов, сохранять институт политической оппозиции, с другой — препятствовать сращиванию власти и собственности, обеспечивая функциональную очерченность элитарных слоев и их экономических, профессиональных, политических и прочих сегментов⁵. Отметим и потребность в усилении соответствия характера власти типу экономического роста и организационным принципам строения государства, предполагающем резкое увеличение числа промежуточных звеньев (между уровнями и ветвями власти, министерствами) при принятии решений (различных советов, экспертных комитетов, дискуссионных площадок и пр.).

В ряду необходимых для решения указанной проблемы задач могут стоять и такие, как: обеспечение более органичного разделения полномочий между чиновниками высшего (среднего) звена и выборными политиками; снижение структурной раздробленности аппарата государственного управления; институционализация более интенсивного взаимодействия (при диагностике, выборе альтернатив) корпусов политиков и высших чиновников (особенно ключевых фигур в принятии решений); ограничение практики политических назначений в государственной службе; увеличение сроков выборности важнейших политических структур; внедрение качественной оценки действий чиновничества и более широкое внедрение мер по переходу к аналогичным формам оценки их квалифика-

⁴ Например, в данном аспекте в российском обществе существует необходимость исправления тех деформаций, которые были заложены еще при первом Президенте России (например, практика прямого подчинения Президенту министерств и ведомств, предполагающая его включение в процесс исполнения правительственных полномочий; право Президента освобождать от должностей председателя Счетной палаты и его заместителей, меняющее механизм контроля законодательной власти за исполнительной; отмена выборов глав региональной власти и т.д.).

⁵ По этой причине все попытки установления права депутатов руководить партийными и коммерческими организациями, акции по снижению контроля парламента за правительством и пр. следует признать противоречащими процессу создания эффективного властно-управленческого организма в российском обществе.

ции и профессиональной деятельности в целом; диффузия команды лидера за счет расширения сферы дальнего окружения на основе более широкого привлечения независимых экспертов и специалистов.

Предлагаемые меры демонстрируют необходимость налаживания механизма *поддержания гибкого сотрудничества* между выборными политиками и госчиновничеством. Но несмотря ни на что, властно-политическая и управленческая подсистемы были и останутся относительно самостоятельными образованиями, а их целостность в рамках государства всегда будет конфликтной и проблематичной. И важно понять, что эти компоненты никогда не сольются в органически единый механизм принятия общесоциальных решений. Потому не надо надеяться, что бюрократический аппарат (даже в условиях краха режима и государства в целом) возьмет на себя функции властно-политического сегмента управления, а политические структуры смогут и будут выполнять административные функции.

Таким образом, процесс принятия государственных решений, пока будет существовать данный социальный институт, обречен быть полем столкновения различных (властных и рациональных) подходов и форматов действий государства при принятии решений. Однако ради спокойствия общества любое государство должно исключать концентрацию своих регулятивных прерогатив в каком-то одном центре, препятствуя установлению (вместо неустойчивого баланса власти — управления) монолитного центра либо власти, либо управления (административного регулирования). Другими словами, и система политического единовластия, и технократизм бюрократического правления однозначно вредны процессу принятия государственных решений. Особенно опасна эта ситуация при увеличении роли властной подсистемы, которая может задавать такие условия и степень централизации управления обществом, которые не отвечают ни возможностям переработки деловой информации, ни потребностям рационального регулирования общественных отношений в целом. Подобные модели могут быть оправданы лишь в кризисных условиях и носить краткосрочный характер.

В качестве заключения еще раз отметим: внешне единые действия государственных структур на деле являются не более чем оболочкой конфликтного противостояния властной и управленческой подсистем. И усиление или сокращение противоречивости этих областей макрорегулирования, возможность формирования целостной или, напротив, неорганической структуры государственного управления во многом зависят еще от искусства властвующих и управляющих.

Библиографический список

1. Государственная политика и управление: Учебник / Под ред. Л.В. Сморгунюва. М.: РОССПЭН, 2006. Ч. 1.

2. *Рейни Х. Дж.* Анализ и управление в государственных организациях. М.: Инфра-М, 2004.
3. *Соловьев А.И.* Административная реформа как политический проект действующего режима // Вестник МГУ. Сер. 21. Управление и гражданское общество. 2004. №6.
4. *Соловьев А.И.* Принятие государственных решений: Учеб. пособие. М.: Кнорус, 2006.
5. *Heady F.* Public Administration: A Comparative Perspective. Garden City: Marcel Dekker, 2001.
6. *Macridis R.* The Study of Comparative Government. N.Y.: Doubleday, 1955.
7. *Sayre W.S.* Premises of Public Administration: Past and Emerging // Classics of Public Administration / Ed. by J. Shafritz, A.C. Hyde. Oak Park: Moore, 1978.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА И ФОРМИРОВАНИЕ СТИЛЯ ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

.....

С. А. Морозов*

В жизни людей и современном политическом процессе трудно переоценить значение политической рекламы. Возникшая как результат формирования рынка политических услуг, она превратилась наряду с PR-деятельностью в один из центральных элементов интегрированного комплекса политических коммуникаций.

Как и всякое социально-культурное явление, политическая реклама связана с образом жизни индивида, который может быть рассмотрен в рамках диалектического единства двух его контекстов – в эволюционном измерении, когда формирование, развитие и смена образа жизни выступает как процесс и результат изменения определенного способа человеческой деятельности, в ходе которого происходит динамическая эволюция привычного, устоявшегося уклада жизни и возникает новая структура отношений и ценностей, обуславливающих проявление новых форм общения и поведения людей. При этом меняется не только сам образ жизни, но и его функциональная нагрузка, место и роль в системе общественной жизнедеятельности. Как писал А.С. Панарин, содержание культуры «определяется триадой: система верований, система ценностей, система норм. В этом смысле культура в современном обществе воспроизводит функции церкви: ей дано освящать и отлучать, возвеличивать и дискредитировать, поощрять и осуждать» [5, с. 12].

Второй контекст — системный, когда образ жизни рассматривается как неотъемлемый элемент функционирования и развития данной общественной системы на уровне групповой и индивидуальной жизни людей» [5, с. 9–10].

Мариете де Мооии пишет о том, что объектами адаптации в рекламе «могут служить внешность представителей той или иной культуры, цвет их кожи,

* Морозов Сергей Александрович — доктор философских наук, профессор факультета социального сервиса и рекламы Краснодарского государственного университета культуры и искусств. Электронная почта: mogo_kras@rambler.ru.

предпочтения в одежде, язык, поведение при приеме пищи и т.д. Эти проявления культуры в социологическом смысле слова могут быть отнесены к понятию «образ жизни» [6, с. 42]. Любая реклама, в том числе и политическая, по образному выражению американского специалиста в области рекламы А.Д. Симена, призвана «продавать образ жизни».

Согласно П. Валет-Флоранс, «стиль жизни — это глобальный продукт системы ценностей личности, ее отношений и активности, а также манеры потребления» [16, с. 5]. По мнению В.Ф. Сержантова, «образ жизни — та инстанция социальной реальности, которая опосредует взаимосвязь индивида и общества, как в идеальном, так и в материальном плане общественного взаимодействия» [7, с. 166].

Политическая реклама выполняет ряд функций в современной жизни, пронизанной избытком и асимметрией информации, дефицитом времени, отводимого на гражданское и политическое участие, различными, в том числе и политическими рисками, детерминирующими выбор. Она может решать образовательные задачи, в частности, способствовать функциональной грамотности в политической сфере и усвоению моделей политического поведения и политических идеологий. В процессе (ре)социализации политическая реклама приобщает к определенным жизненным ценностям, в формировании которых принимают участие семья, социальная сеть данного индивида, средства массовой информации, институты государственной власти и управления, органы местного самоуправления, политические партии и политические деятели, общественные организации.

Знаменитый А. Сент-Экзюпери, писал, что «с нормальной педагогикой соседствует непрерывное педагогическое воздействие необыкновенной силы, которое называется рекламой» [11, с. 28]. А профессор Йельского университета (США) Д. Портер подчеркивал, что по «широте своего социального влияния рекламу можно сегодня сравнить с такими давнишними институтами, как школа и церковь» [11, с. 29]. Реклама стала важным элементом социального окружения современного ребенка и подростка в период социализации личности, восполняя потери аномии (по Р. Дарендорфу) — рассогласования традиционных механизмов социализации и новых моделей социализации в условиях транзитивного общества. Как указывает профессор Лондонского университета Ф. Кермоуд, «изменилась публика. Она воспитывается уже в новом окружении: ее учителя — реклама и телевидение» [11, с. 29].

Политическая реклама обеспечивает информационное подкрепление предоставляемой участниками политического рынка политической услуги. Информационное подкрепление призвано помочь потребителю рынка политических услуг выяснить рыночную цену транзакционной стоимости приобретения предоставляемой политической услуги в обмен на предоставление права репрезентации его политических и иных интересов и осуществить свое право

на рыночный выбор в условиях конкурентных предложений. Она может информировать о политических, деловых и личностных качествах политических акторов, о программных установках и ресурсном потенциале политических партий, о степени осознаваемых потребителем политических услуг рисков при выборе и приобретении политической услуги.

С помощью политической рекламы продавцы политических услуг позиционируют предоставляемые политические услуги на конкурентном рынке, формируя мотивированные предпочтения потребителей на основе ориентации людей в выборе терминальных и инструментальных ценностей, помощи в планировании линии жизни. Позиционирование политической услуги происходит на основе сегментации. Сегментация рынка политических услуг, отражая функцию предложения на рынке, позволяет дифференцировать сегменты на основе сходств/различий и принципа максимальной однородности сегмента. Позиционирование политической услуги создает устойчивый образ политической услуги в сознании потребителя, который позволяет занять политической услуге свое, предопределенное создателем политической услуги и творцом рекламного политического продукта место на конкурентном рынке в рамках двумерной шкалы по осям «функциональность» и «символичность». Ось функциональности отражает политические выгоды, получаемые потребителем политической услуги в процессе и результате ее приобретения.

Впрочем, необходимо иметь в виду, что функция спроса выражается в агрегировании потребителей политических услуг в сегменты на основании их собственных ориентаций и предпочтений, в том числе проявленных в их сознании посредством активации мыслительной деятельности под детерминирующим влиянием рекламы.

Политическая услуга отличается от других видов услуг, поскольку выгода может быть получена потребителем до окончательного ее приобретения. Да и сам процесс приобретения растянут во времени, что связано с периодичностью голосования и регулярностью предоставления политических услуг. А это приводит к необходимости как активного формирования партийного или персонального имиджа-бренда, так и специфической пульсирующей стратегии растянутой во времени рекламной кампании.

Для безусловно и условно лояльных потребителей политических услуг предлагаются различные формы подкрепления — от эмоциональных до материальных, а постоянное напоминание о производителях и продавцах политических услуг позволяет поддерживать к ним достаточный по уровню спонтанных реакций интерес, который при интенсификации усилий может быть активирован в форме политического участия разной степени активности.

Однако следует иметь в виду различные источники активации политического участия. Оно может носить ритуальный характер и быть основано на сформированных фреймах характера и типа политической активности, превращая

вызываемую этими фреймами политическую активность конкретного человека в рутинный процесс. В этом случае политическая реклама направлена на закрепление устойчивости повседневного операционного поведения человека и имеет напоминаящий характер. В то же время политическая активность может принимать характер осознанного выбора на основе многокритериального сравнения (например, голосование и поддержка какой-либо политической партии как «наименьшего зла» в условиях отсутствия привлекательных предложений иных политических сил).

Политическая реклама может способствовать сохранению, трансляции и формированию политической идентичности участников политического рынка, что позволяет им самоидентифицироваться или принять предлагаемую участниками политического процесса модель политической идентификации.

Как отмечает французский ученый С. Московичи, практически все население подчинено власти виртуальной информационной картины, печатного слова или экранного изображения, причем средства массовой коммуникации дополнительно изолируют человека от его социально-ролевой группы посредством разнообразия предложения — от обезличенного телевидения, до строго сегментированного по различным основаниям радиовоздействия [4, с. 240].

Э. Фромм обратил внимание на тот факт, что телезритель посредством совмещения увиденного на экране и собственного опыта погружается в иллюзию ассоциативного знания и чувствования, так и не осознавая «имманентное свойство телевидения внушать, будто после передачи все стало ясно и понятно». Массовое информационное производство требует массового потребителя, ориентированного на предписанные его социальной группе нормативные стандарты и модели поведения [12, с. 248].

Политическая реклама формирует у людей представления о допустимых ожиданиях и способах манифестации их принадлежности к тем или иным социально-ролевым или корпоративным группам, превращая нормы, требования и стереотипы поведения в стандартизированные модели. Эти социальные представления, по мнению С. Московичи, «в современном обществе возникают в результате превращения понятий, выработанных наукой или идеологией, в конкретные образы действительности и приобретения этими образами субъективного смысла, способного ориентировать и направлять практическую деятельность людей» [4, с. 241]. Они транслируются всей совокупностью медийных продуктов, формируя некое синкретическое виртуальное пространство/ время, подчиненное драматургии общего замысла редакции телевизионных каналов и радиостанций (это отчетливо просматривается в самоопределении современных российских политических партий — Союза доверия, включающего левоцентристские Партию жизни, Партию пенсионеров и партию «Родина» и правоцентристскую партию «Единая Россия»).

Имплантация сформулированных моделей поведения человека, внедряемых на периферийном уровне сознания человека, осуществляется в виде текстовой деятельности средств массовой социальной коммуникации, в том числе и в системе рекламных коммуникаций. Текст в широком коммуникативном смысле этого слова традиционно представляется наиболее удобной формой для имплантации образов и моделей поведения в различных жизненных ситуациях в сознание человека, потому что он обладает магией воздействия посредством своей жанровой организации, словесных форм и риторических фигур, потенциалом эмпатии, пробуждающей чувство сопереживания [2, с. 30].

Закодированные смыслообразующие тексты, в том числе и политические рекламные, несут помимо актуализированной и структурной информации, скрытую, или латентную информацию. Процесс включения человека в виртуальное медийное пространство и вытеснение реальности можно представить в виде последовательной цепочки втягивания в «воронку виртуальности». Этот процесс включает формирование веры человека в допустимость определенных моделей социально-ролевого поведения в сконструированном создателями политической рекламы контексте и вытеснение ранее сформированных моделей поведения, осознание их как нормативно ценных и принимаемых обществом с учетом комбинации внутренних мотивационных факторов и психологических черт конкретной личности и внешних обстоятельств и условий жизни человека и, наконец, закрепление адаптированных моделей поведения в форме фреймов или поведенческих стереотипов конкретного человека [13, с. 47].

Сообщения в безличностных коммуникациях однородны, содержат ограниченный набор аргументов, их содержание формируется под воздействием посредников-прескрипторов (т. е. авторитетных лиц, предписывающих аудитории определенные поведенческие модели) и под давлением усредненного общественного мнения.

В ходе личной коммуникации происходит прямая настройка на аудиторию, что позволяет адаптировать сообщение к политико-культурным кодам, которыми владеют слушатели, форма и содержание личного коммуникативного акта слабо контролируются. В процессе личной коммуникации возможно большое количество контактов в единицу времени, ошибки декодирования имеют мало выраженные последствия, внимание аудитории особенно легко можно поддерживать, применяя социальные коммуникативные технологии, возможен немедленный отклик аудитории или собеседника.

Кроме того, в личной коммуникации происходит завышение позитива от принятия информации и возрастание негатива при уклонении от принятия информации. Люди более склонны доверять тем, кого они лично знают, чем безликим средствам массовой коммуникации: в процессе личной коммуникации легче мотивировать человека к совершению определенных действий, не меняя его установок и шаблонов восприятия.

Промежуточное положение между безличными коммуникациями и личными коммуникациями занимают средства массовой информации. Средства массовой информации создают единство в многообразии информационной среды общества, выступая в качестве интегратора, диверсификатора и стабилизатора политических и социальных процессов путем формирования некоего усредненного общественного мнения социально-корпоративных групп с выраженной политической самоидентификацией, с одной стороны, и участвуя в формировании культурного потока основанного на диалектическом сочетании традиций и кросс-культурных связей и распространении политико-культурных инноваций, с другой стороны. Средства массовой информации генерируют, распространяют и поддерживают маркеры и признаки стабилизирующей социокультурной и политико-культурной идентичности, являются важным каналом продвижения политической рекламы.

Современный процесс функционирования интегрированной системы массовых политических коммуникаций представляет собой комбинацию как формирующих, так и манипулятивных программ. Причем в последнее время на ведущее место в системе угроз и информационно-психологической безопасности личности выдвигается политическое манипулирование обыденным сознанием. Возрастание возможностей манипулировать обыденным сознанием людей в современных условиях связано с постепенным вытеснением нивелированными культурными шаблонами личного и общегруппового опыта людей [3, с. 127].

Аудиовизуальные средства современной политической рекламы способны навязывать человеку определенное восприятие информации, которое рационально контролируется им в меньшей степени в силу прямого воздействия на эмоциональную сферу человеческого сознания.

В средствах массовой информации современного общества журналисты не только трансформируют циркулирующие социокультурные мифы, но и становятся создателями новых мифов. Причем структура времени в масс-медиа чем-то напоминает структуру времени мифа: перманентное сегодня, соотносимое с неким правременем. Главная опасность «проживания» современного человека в мифологизированном медиа-пространстве, сконструированном средствами массовой информации (и не только политическими) с помощью ожиданий человека, находит отражение в стремлении замкнуться в пространственно-временных границах виртуальной реальности, выработке специфических для нее стереотипов поведения, дистанцирования от реальной действительности [3, с. 65–109].

Между тем способность человека справляться со сложностью современных проблем, в том числе и в сфере политики, решающим образом зависит от наличия эффективной коммуникационной сети, включая рекламные политические коммуникации.

При этом диапазон воздействия на различные сегменты коммуникативного поля достаточно широк – от обезличенных в известной степени прессы и телевидения до персонифицированного радио. В основе воздействия средств массовой коммуникации лежит сообщение, исходящее от одной из групп политической элиты, выраженное в терминах «фиксированного информационного кода», но в процессе его восприятия и дешифровки часто происходит перекодировка на основе иного социального опыта. Это ведет к возникновению и имплантации в сознание человека нового смысла, который может полностью изменить прагматическую функцию, первоначально заложенную создателем message [1, с. 63].

Современный процесс массовых рекламных коммуникаций представляет собой комбинацию как формирующих, так и манипулятивных программ, причем в последнее время на ведущее место в системе угроз и информационно-психологической безопасности личности выдвигается психология манипуляций, ориентированная на эмоциональную компоненту восприятия [13, р. 24].

Это упрощение и шаблонизация порождены, видимо, эффектом уплотнения физического времени в медийном времени, смещающим пространственно-временные и логические связи в соответствии с замыслом конструирования передаваемой информации, которая соотносится со всем коммуникативным множеством, создавая виртуальное политическое бытие обыденного сознания человека, где этому человеку комфортно и безопасно.

В результате на практике реализуется теория производства удовольствия Беккера-Ланкастера, в которой с целью получения удовольствия его производит потребитель, подобно дизайнерскому оформлению универсама. Стратегической задачей здесь становится производство контекста, в котором люди хотели бы пребывать, хотя бы и на уровне восприятия окружающего мира.

В процессе создания удовольствия потребитель политических услуг выступает в сотворчестве с профессиональными конструкторами виртуальной политической жизни, задавая образы мира и способы его освоения, включая и продуцирование моделей поведения, адекватных этому виртуальному времени/пространству. В немалой степени эту задачу решает политическая реклама, внедряя в повседневные политические практики готовые образы и маркеры.

Человек при этом удовлетворяет потребность в понимании социального мира, потребность действовать рационально и успешно в окружающем его мире, избегая неоправданных рисков, потребность параллельного проживания в виртуальном мире, избавляющего от житейских проблем и стрессов, когда коммуникативное пространство позволяет удовлетворить познавательные, социальные и психологические потребности [15, р. 18–25]. Удовлетворению этих потребностей содействует политическая реклама, позволяющая человеку безопасно рефлексировать в познаваемом им инаковом, сакральном мире

политики, в котором он является внешним наблюдателем и виртуальным участником.

Воздействие радио и телевидения на политику стало реальностью. Радио и телевидение изменили жизненный мир простого человека. Происходит стандартизация, рутинизация и ритуализация мыслительных поведенческих норм.

Э. Фромм отмечал, что телезритель посредством совмещения увиденного на экране и собственного опыта погружается в иллюзию аналогичного знания и чувствования, так и не осознавая «имманентное свойство телевидения впускать, будто после передачи все стало ясно и понятно» [12, с. 248].

В современном мире именно способ передачи информации очерчивает и контролирует рамки различных сфер человеческой деятельности. Периодически повторяющиеся рекламные политические сообщения подсказывают целевой аудитории модели социально-ролевого поведения, закрепляют их в сознании потребителей. При этом, несомненно, важно, какие эффекты политической рекламной коммуникации достигаются.

Формы и методы воздействия на целевое поведение потребителей рынка политических услуг позволяют проследить эффекты политической рекламной коммуникации и использовать матрицу модели перехода Д. Райса для позиционирования рекламируемых политических услуг, в рамках которой можно выделить четыре потенциальные целевые группы. К ним можно отнести потребителей с размытыми границами политической самоидентификации и форм политического поведения. Условно их можно назвать *трансформерами*, так как они готовы переменить свое отношение к предлагаемым политическим услугам.

Вторую группу можно назвать *реалистами*. Это условно лояльные лица, готовые к изменению отношения к альтернативным предложениям на конкурентном рынке политических услуг, однако лишь при условии, что предложенные политические услуги будут способствовать радикальному изменению отношения к ним и превзойдут реальную и превращенную ценности политической услуги, к которой они лояльны.

К третьей группе можно отнести *условно лояльных* потребителей. Они сохраняют лояльность политической услуге, поскольку она предоставляет им желаемую комбинацию преимуществ (привилегий) и избавляет от организационных рисков перехода к потреблению конкурирующих услуг. Для поддержания или завоевания их лояльности на рынке необходимо предоставить им более приемлемую комбинацию транзакционных выгод.

Наконец, можно выделить *безусловно лояльных* адептов-потребителей, которые явно ориентированы на абсолютную лояльность выбранной ими политической услуге. Их мы обозначили непреклонными. Для них риск и реальная

или превращенная цена приобретения альтернативной политической услуги непомерно высоки.

Важную роль в процессах политической рекламной коммуникации играют различные каналы коммуникации, встроенные в интегрированный комплекс политических коммуникаций как на уровне политической системы в целом, так и на уровне региональных политий.

К наиболее распространенным и имеющим относительно устойчивые исторические традиции элементам политической коммуникации относятся печатные средства массовой информации. Они образуют особую подсистему, характеризующуюся такими важными признаками, как их федеральный, региональный или локальный характер, степень распространенности на различных территориях; принадлежность к тем или иным государственным, муниципальным, общественным или политическим институтам; политическая ориентация; финансовые, информационные, технологические и кадровые ресурсы; включенность в различные социально-политические и личностные взаимоотношения.

В этом контексте особо следует подчеркнуть роль современных радиостанций FM-диапазона, которые в большом объеме передают блоки локальных новостей и популярную эстрадную музыку. Поскольку слушание не требует отказа от основной деятельности, который неизбежен при визуальном восприятии информации, они часто сопровождают человека дома, в пути, на работе. Радио дешевле телевидения, оно доступнее, более оперативно и активно воздействует на сознание человека, поскольку дает больший простор для воображения при формировании и развитии аудиообраза.

Говорящий и слушающий, оба оказались в новых условиях, что сделало возможным и новые отношения между ними. Как это ни покажется странным, радио сохранило общение один на один и в каком-то смысле стало более личностным, чем когда-либо. Вне зависимости от числа слушателей может создаваться некая новая близость. Редко кем замечаемый парадокс заключался в том, что огромное расширение аудитории привело на самом деле к созданию непринужденной обстановки. Радио создало новую форму обособленности: слушающий, сидя около своего радиоприемника, в частности на кухне, в кабинете или в машине, чувствует себя в уединении и, действительно, может аудиально находиться наедине с человеком, говорившим по радио. В отношениях между слушающим и говорящим появились новые ощущения — публичная радиопередача, обращенная к безликой усредненной аудитории, превратилась в простой разговор с конкретным слушателем.

Впрочем, при этом необходимо иметь в виду, что радиоканалы политической коммуникации более селективны, нежели телевизионные. Это связано с дифференциацией аудиторий различных радиостанций и варьированием аудиторий радиослушателей в зависимости от времени суток.

С развитием интерактивных форм радио- и телепередач возникла возможность прямого диалога ведущего и участника передач с любым слушателем или телезрителем — стоит только набрать номер телефона студии. Например, на передачи «Персона грата» («Радио России») и «Политический Олимп» («Радио «Маяк»») приглашаются ведущие политики, и связь в прямом эфире поддерживается со слушателями не только из России, но и из Белоруссии, Украины, стран Балтии.

Новым средством политической коммуникации являются глобальные компьютерные информационные сети типа «Интернет». Особенностью функционирования глобальных информационных сетей в регионах является ограниченность доступа к ресурсам компьютерной информационной сети в результате деятельности провайдеров, предоставляющих каналы доступа и контролирующих время доступа. В настоящее время на уровне регионов и субъектов Российской Федерации свои сайты создают преимущественно властные государственные и муниципальные структуры. Местные отделения политических партий, как правило, имеют весьма ограниченные ресурсы, что не позволяет им создавать собственные специальные сайты, и они довольствуются общедо- федеральными сайтами, созданными федеральными органами политических партий и общественно-политических движений.

Политическая реклама наряду с другими видами рекламного воздействия способствует изменению стиля жизни, который в свою очередь оказывает обратное воздействие на политическую рекламу, меняя ее формы, структуру и семантическую нагрузку, вынуждая ее создателей адаптировать рекламные продукты к новым моделям поведения в новых политических условиях.

Реклама относится к явлениям двуединого плана. Она содействует единообразию потребностей, ценностей, моделей поведения, и тем самым создает устойчивость социальной общности, формирует национальные и региональные, ситуационные и корпоративные модели политического поведения, встроенные в образ жизни. В то же время она изменяет все перечисленные характеристики, а значит, способствует социальным изменениям [10, с. 28].

Библиографический список

1. Дрю Ж.-М. Ломая стереотипы. СПб.: Питер, 2002.
2. Морозова И.Г. Рекламный креатив: В поисках ненавязчивой идеи. М.: Гелла-принт, 2003.
3. Морозова И.Г. Рекламный сталкер. Теория и практика структурного анализа рекламного пространства. М.: Гелла-принт, 2002.
4. Московичи С. Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996.
5. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

6. *Сазонова Н.* Характеристики культуры и планирование рекламных кампаний // Маркетинг в России и за рубежом. 2000. № 1.
7. *Сержантов В.Ф.* Человек, его природа и смысл бытия. Л.: ЛГУ, 1990.
8. *Толстых В.И.* Образ жизни. Понятие. Реальность. Проблемы. М: Политиздат, 1975.
9. *Ученова В.В., Гринберг Т.Э. и др.* Реклама: палитра жанров. М.: Гелла-принт, 2004.
10. *Федотова Л.Н.* Реклама в социологическом пространстве: социологическое эссе. М.: Московское рекламное обозрение, 1996.
11. *Феофанов О.А.* Реклама: новые технологии в России. СПб.: Питер, 2000.
12. *Фромм Э.* Психоанализ и этика. М.: Просвещение, 1989.
13. *Kapferer J.N., Laurent G.* Une analyse de relations entre les classifications socioculturelles et de style de vie et l'achat de produits courants. P.: Institut de recherches et d'études publicitaires, 1981.
14. *Kelman H.C.* Compliance, identification and internalization: Three processes of opinion change // Journal of Conflict Resolution. 1958. № 2.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ НА ЮГЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ

.....

М. В. Савва, Е. В. Савва*

Административная реформа, если судить по ее заявленным целям, – самый масштабный социально-экономический проект современной России. Не реорганизовывать российскую власть опасно как для общества, так и для государства, поскольку низкая эффективность государственного управления представляет опасность для суверенитета Российской Федерации. По эффективности государственного управления и качеству публичных услуг Российская Федерация находится на одном уровне со странами, намного уступающими ей в экономическом развитии. А по ряду интегральных показателей, используемых в международной практике, Россия значительно уступает не только развитым странам, но и большинству стран Восточной Европы. В частности, в рейтинге международной конкурентоспособности Всемирного экономического форума за 2006 г. Российская Федерация по показателю «качество государственных институтов» опустилась с 81-го на 89-е место. Согласно индексу GRICS (Governance Research Indicator Country Snapshot), который определяется один раз в 2 года Всемирным банком и служит для оценки эффективности государственного управления в 209 странах, Россия по таким показателям, как эффективность работы правительства, качество законодательства, верховенство закона и контроль за коррупцией, находится в нижней части рейтинга [1].

Следует отметить, что административная реформа относится к наиболее сложным в реализации проектам. Эта сложность объективна, так как реформа

* Савва Михаил Валентинович, доктор политических наук, профессор кафедры связей с общественностью и социальных коммуникаций Кубанского государственного университета. Электронная почта: mikesavva@kubannet.ru.

Савва Елена Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: mikesavva@kubannet.ru.

осуществляется органами государственной власти и в то же время направлена на сокращение влияния государства на социально-экономические процессы и повышение эффективности функционирования государственной машины. Другими словами, чиновники должны урезать собственные возможности, доступ к ресурсам, а также повысить качество своей работы. В связи с этим особую актуальность приобретают внешние по отношению к власти участники реформирования российской системы государственного управления в лице структур гражданского общества.

Концепция административной реформы в РФ в 2006–2008 гг. предусматривает шесть направлений реформирования, одно из них – повышение эффективности взаимодействия органов исполнительной власти и общества. В рамках данного направления должны быть разработаны и внедрены механизмы:

- раскрытия информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления;
- проведения публичных обсуждений подготавливаемых решений;
- проведения общественной экспертизы социально значимых решений органов исполнительной власти;
- включения представителей гражданского общества в коллегии надзорных органов, рабочие группы, другие структуры по подготовке нормативных правовых актов и иных решений органов исполнительной власти, затрагивающих права и законные интересы граждан и организаций;
- создания и деятельности при органах исполнительной власти общественных советов с участием представителей гражданского общества;
- определения рейтингов органов исполнительной власти и органов местного самоуправления по критерию открытости.

Установка на партнерство со структурами гражданского общества является новой для сотрудников органов власти всех уровней. Реализация не только данного направления, но и административной реформы в целом может быть осуществлена только при условии активного участия внешнего актора – гражданских структур. Подчеркнем, что административная реформа не конструировалась как инструмент развития демократичности или, наоборот, авторитарности власти в России. Реформа призвана сделать власть эффективной, не более того. Но все же ради эффективности в мероприятиях реформы заложено усиление влияния общественности на власть. У гражданского общества и власти наконец появился общий интерес: власть будет заинтересована в сотрудничестве хотя бы потому, что за это придется отчитываться перед вышестоящим уровнем. Общественные организации получают возможность высказать свои предложения, направленные на улучшение положения тех групп, интересы которых они отстаивают.

Только с 2005 г. административная реформа стала заметна в результате проведения первых экспериментов на уровне субъектов РФ. Так, в 2006 г. в соответствии с планом мероприятий по проведению административной реформы в Российской Федерации в субъектах Федерации необходимо выполнить следующее:

- разработать региональные антикоррупционные программы;
- начать проведение экспертизы нормативных правовых актов и их проектов на коррупциогенность;
- внедрить новые механизмы взаимодействия органов исполнительной власти и общества;
- создать комиссии по проведению административной реформы;
- разработать региональные программы по проведению реформы [6].

Как на практике осуществляется взаимодействие общества и власти в нашем регионе в контексте требований Концепции административной реформы? Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти в субъектах РФ» [2] предписывает с 1 января 2005 г. обязательное проведение публичных слушаний перед принятием бюджета субъекта РФ на следующий год и перед принятием годового отчета о его исполнении. На территории Южного федерального округа такие слушания либо не проводились, либо проведены без принятия специального нормативного акта, определяющего процедуру слушаний. В ряде субъектов в ходе публичных слушаний не поступило ни одного предложения к проекту бюджета 2006 г. Исключением стал только Краснодарский край. Глава администрации Краснодарского края подписал Постановление № 750 от 19 августа 2005 г. «Об утверждении Положения о публичных слушаниях по вопросам, относящимся к полномочиям исполнительных органов государственной власти Краснодарского края» [3]. Этот документ, предложенный экспертами из гражданского общества, регламентирует процедуру публичных слушаний, которые в соответствии с федеральным законодательством являются обязательными, например, по проекту бюджета края и по отчету об исполнении бюджета. Кроме того, Положение предусматривает возможность проведения слушаний по другим вопросам ведения края и по стратегическому планированию его развития.

Концепция административной реформы требует создания в субъектах РФ комиссий по проведению административной реформы. Однако практика создания первых подобных комиссий демонстрирует их имитационный характер. Так, Указом Президента Кабардино-Балкарской Республики от 3 февраля 2006 г. № 6-УП сформирована республиканская комиссия в составе 15 человек [4]. Из них 14 являются должностными лицами республиканских органов государственной власти и 1 – местного самоуправления (глава города Нальчика).

В составе комиссии нет ни представителей бизнеса, ни руководителей некоммерческих организаций. Очевидно, что реформа власти руками исключительно самих представителей власти неэффективна. Тем же Указом Президента КБР создана межведомственная рабочая группа, которая должна была в месячный срок разработать проект программы (плана мероприятий) по проведению административной реформы в республике в 2006–2008 гг. В составе группы – только представители органов государственной власти различного уровня и муниципальные чиновники. Интересен также факт потенциальной подмены в КБР программы планом мероприятий. В Краснодарском крае комиссия по проведению административной реформы создана постановлением главы администрации края только 18 июля 2006 г. [5] и до конца 2006 г. так и не приступила к работе.

Очевидные трудности реализации важной для российского общества реформы существенно повысили актуальность исследований проблем взаимодействия общества и власти. Учитывая низкую готовность органов государственной власти проводить подобные исследования, инициативу пришлось брать на себя структурам гражданского общества. Во втором полугодии 2006 г. в рамках социального проекта Краснодарской региональной общественной организации «Южный региональный ресурсный центр» Центр социальных и маркетинговых исследований провел исследование проблем взаимодействия органов государственной власти, местного самоуправления и структур гражданского общества. С использованием методики экспертного опроса на территории Краснодарского края, Ставропольского края, Ростовской области, Республики Адыгея, Кабардино-Балкарской Республики было взято 72 глубоких экспертных интервью у представителей некоммерческих организаций, сотрудников исполнительных органов государственной и муниципальной власти, депутатов различного уровня.

Основным противоречием в ходе организации взаимодействия власти и гражданского общества является различная ориентированность деятельности по ее целям. Работа чиновников направлена на поддержание процесса управления, работа общественных организаций, как правило, – на достижение конкретного значимого и очевидного результата. Следствие этого противоречия – неспособность большинства некоммерческих организаций работать, соблюдая все формально-бюрократические процедуры, присущие структурам власти, и общее недоверие представителей этого сектора к властям любого уровня. Основная внутренняя проблема власти заключается в боязни и нежелании допустить общественные организации к реальному процессу управления, в первую очередь к контролю за распределением денежных бюджетных потоков.

Среди экспертов – представителей органов управления существует запрос на следующие формы взаимодействия с общественными организациями:

- распределение социальной помощи;

- благотворительность;
- поддержка мероприятий органов управления;
- решение локальных социальных вопросов (реализация муниципальных грантов).

Для этой группы экспертов характерен также «антизапрос» на деятельность общественных организаций. В первую очередь он состоит в нежелании представителей государственных и муниципальных структур участвовать в создании механизма общественной экспертизы проектов нормативных актов, в том числе регламентирующих расходование бюджетных средств.

В настоящее время существуют два важных фактора, значительно активизирующих процесс взаимодействия органов управления и общественных организаций: вступление в силу с 1 января 2006 г. основных статей Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» и появление значительного количества новых товариществ собственников жилья, в перспективе способных превратиться в реальную общественную силу, способную привести к серьезным изменениям в государственной политике в целом.

По оценкам экспертов, доля организаций, фактически прекративших свое существование, но продолжающих вести бухгалтерию и сдавать отчеты, составляет около 50% от общего числа официально зарегистрированных некоммерческих организаций. В процессе прекращения деятельности общественных организаций заметны определенные тенденции, в основном связанные с сокращением источников финансирования, под которые зачастую и были созданы эти организации. Одной из первых подобных тенденций было затухание активности этнических организаций. Представители данного сегмента некоммерческого сектора, получив ряд льгот и преференций на волне обострения этнического самосознания и конфликтов, образовали либо бизнес-структуры, либо их лидеры ушли в сферу государственного управления, либо находятся в дремлющем состоянии, в надежде на оживление этнической темы.

Эксперты отмечают, что такая группа НКО, как товарищества собственников жилья (и другие объединения граждан по территориальному признаку), имеет большой потенциал в плане формирования структур реального гражданского общества, возможностей широких социальных групп влиять на органы управления. Это еще очень слабые организации, их мало, у них нет опыта работы, опыта взаимодействия с властями. Но вместе с тем именно эти организации в ближайшей перспективе могут стать наиболее реальными и активными выразителями общественных интересов. Именно они наиболее остро чувствуют все управленческие проблемы – бюрократизм, отсутствие реальной ориентированности деятельности власти на интересы граждан, «паралич» судебной системы, высокий уровень коррупции. Не случайно в ряде муниципалитетов

идет активное противостояние созданию ТСЖ. Респонденты говорили о препятствиях, которые чинились во всех регистрационных структурах, вплоть до «потери» документов и требования заново проводить общие собрания собственников жилых помещений и приносить новые протоколы.

Обобщая проблемы взаимодействия власти и гражданского общества на Юге России, можно выделить следующие:

1) непонимание или очень смутное понимание задач общественных организаций в построении гражданского общества, как со стороны представителей органов государственной власти, так и со стороны руководителей общественных организаций;

2) некомпетентность, неумение представлять конкретные проекты органам власти, отсутствие представления о механизме принятия решений у сотрудников общественных организаций (эту проблему озвучили наши эксперты как из общественных организаций, так и из органов власти);

3) слишком громоздкий механизм принятия решений по запросам общественных организаций в структурах власти;

4) невозможность для руководителей общественных организаций совмещать функции мониторинга, контроля за работой чиновников и работу в интересах своей целевой группы;

5) невозможность для работников органов власти совмещать собственную работу и функции эксперта проектов общественных организаций;

6) рекомендательный характер мероприятий по участию общественных организаций в управлении, отсутствие обязательных к исполнению нормативных актов;

7) коррумпированность, кумовство, отсутствие прозрачности в распределении финансовых потоков, направляемых в адрес общественных организаций;

8) недостаточная юридическая подготовленность как работников структур управления, так и руководителей общественных организаций;

9) отсутствие отчетности «по результату» в работе чиновников, отсутствие механизма фиксации наличия или отсутствия конечного результата их деятельности, что делает неэффективными любые формы общественного контроля.

В отношении группы «независимых» общественных организаций существует также проблема недоверия к ним органов государственного управления. В оценках наших экспертов из числа представителей власти они чаще всего выступают как «неактивные, созданные лишь на бумаге», «малочисленные, со слишком специфичной целевой аудиторией». Кроме того, сохраняется недоверие региональных и местных чиновников к организациям, работающим по иностранным грантам.

Подчеркнем, что законодательство РФ не обязывает органы государственной власти взаимодействовать с гражданским обществом. Термин «взаимодействие» отсутствует в этом контексте в нашем законодательстве. В связи с этим наиболее эффективной стратегией включения гражданского общества в реализацию административной реформы и, собственно, в выполнение своих гражданских функций является исполнение нормы п. 1 ст. 32 Конституции РФ: «Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей». До настоящего времени данная норма в части непосредственного участия не реализуется и, более того, не закреплена ни федеральными законами, ни законами субъектов РФ. От исполнения конституционной нормы отмахнуться намного сложнее, чем от обращенной к власти просьбы гражданских организаций начать взаимодействовать. По мнению авторов, актуальной задачей административной реформы является научное обеспечение разработки проекта федерального закона и модельного закона субъекта РФ «О реализации права граждан на непосредственное участие в управлении делами государства».

Библиографический список

1. Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 гг. // <http://ar.economy.gov.ru/documents>.
2. Об утверждении Положения о публичных слушаниях по вопросам, относящимся к полномочиям исполнительных органов государственной власти Краснодарского края: Постановление главы администрации Краснодарского края № 750 от 19.08.2005 г. // Кубанские новости. 2005. 24 авг.
3. О проведении административной реформы в Краснодарском крае: Постановление главы администрации Краснодарского края № 625 от 18.07.2006 г. // http://economy.kubangov.ru/reform/zakon/7_11.html.ru.
4. О мерах по проведению административной реформы в Кабардино-Балкарской Республике: Указ Президента Кабардино-Балкарской Республики № 6-УП от 3.02.2006 г. // Кабардино-Балкарская правда. 2006. 9 февр.
5. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти в субъектах РФ: Федеральный закон № 187-ФЗ от 06.10.99 // Российская газета. 2004. 15 дек.
6. План мероприятий по проведению административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 гг. // <http://ar.economy.gov.ru/documents>.

ОТ ГОСКОРПОРАЦИИ К «КЛАСТЕРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ»: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ

.....

Г. П. Рогочая*

Переживаемый Россией период системных общественно-политических перемен с особой остротой ставит вопрос об отношениях между государством и обществом, о характере и динамике этих отношений. Взаимодействие между обществом и государством носит эффективный характер, если это взаимодействие осуществляется на институциональном уровне. Со стороны государства в процессе взаимодействия участвуют государственный аппарат и органы власти, со стороны общества – организации, группы и иные объединения. И если первые осуществляют такое взаимодействие через выборы, парламенты и другие системы территориального представительства, то группы интересов делают это, входя в непосредственный контакт с государством и его органами (система функционального представительства).

Выдвижение групп интересов на авансцену политической и экономической жизни современного общества не случайно. Наличие групп интересов является важнейшим признаком гражданского общества и устойчивой демократии, одним из элементов системы сдержек и противовесов. Группы интересов представляют основной спектр сил, воздействующих на государственную политику извне и изнутри.

Общественное мнение в своих оценках современных российских групп интересов бизнеса эволюционировало от восторгов к претензиям «обманутых ожиданий». Сходный путь проделала и российская наука. Во многом это было предопределено непоследовательной политикой государства и криминализацией экономических отношений.

* Рогочая Галина Петровна — кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: politics@kubsu.ru.

Наиболее влиятельными субъектами в области функционального представительства являются современные российские корпорации. Чаще всего корпорацией называют любое структурированное представительство групп интересов, выходящее на уровень политических институтов. Соответственно под корпоративизмом понимается такая организация общественной жизни, при которой отношения между группами интересов и политической системой реализуются главным образом через корпорации.

Анализ роли и значения корпораций в функционировании общественного организма обычно связан с понятием группы интересов. В демократическом обществе эти объединения и организации представляют собой независимые от государства структуры, которые артикулируют коллективные требования и ищут оптимальные способы их продвижения, в первую очередь путем воздействия на политический процесс.

Одна из отличительных черт современного российского общества — преимущественно неформальный характер взаимодействия между наиболее влиятельными группами интересов и носителями государственной власти, а также стремление государства влиять на процесс формирования групп интересов.

Эволюцию российской корпоративистской модели наглядно представил С.П. Перегудов в работе «Крупная российская корпорация как социально-политический институт», указав, что место бюрократического корпоративизма советского типа заняла олигархическая структура, которую с полным правом можно назвать «олигархическим корпоративизмом», а затем неокорпоративизм государственного образца [4].

Ослабив и модифицировав административно-командную систему, бюрократический корпоративизм способствовал известному смягчению ее чрезмерной жесткости и неповоротливости, режим начал реагировать на изменения в производстве и обществе. Он содействовал также более активному вовлечению низовых производственных звеньев, и особенно предприятий, в процесс согласования и принятия решений, причем не только по вертикали, но и по горизонтали. Так появился и стал развиваться «бюрократический рынок» — своего рода предшественник рынка, создаваемого в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Повысив возможности «командной экономики», бюрократический корпоративизм очень быстро обнаружил свою полную неспособность даже в минимальной степени задействовать производственный и творческий потенциал общества и очень быстро завел его в тупик, следствием которого стал структурный кризис. Модернизировать структуру без изменения системы не удалось. В ходе структурной перестройки показали свою несостоятельность многие государственные и общественные институты, в том числе и институты советской системы функционального представительства. Вместе с парадигмой общественно-политического развития изменилась и модель взаимодействия интересов и государства.

Как всякая формирующаяся корпоративная модель, российская плюралистическая модель этого периода отличалась своеобразием. Ее главная особенность — набирающий силу стихийный, неупорядоченный лоббизм, противоречащий этике договорных отношений, не ограниченный ни эффективными юридическими рамками, ни общепризнанными этическими нормами.

Методы лоббизма, действующего вне рамок правового поля в продвижении и реализации групповых интересов, хорошо известны: это использование различного рода формализованных процедур с целью перераспределения собственности. К таким процедурам можно отнести так называемые инвестиционные конкурсы и залоговые аукционы; доверительное управление пакетами акций, находящимися в собственности государства. Такая тенденция наблюдалась до конца 1990-х гг. На сегодняшний день система отношений между властью и бизнесом эволюционировала по направлению к неокорпоративной модели государственного образца. Эта модель отличается от утвердившейся после Второй мировой войны в ряде стран Запада системы сотрудничества государства с «организованными интересами» ввиду чрезвычайно низкой эффективности неэкономических субъектов системы представительства интересов, так называемых НКО. В развитых демократических обществах именно эти организации артикулируют большую часть групповых интересов [1].

Пока рано судить, насколько отечественная система представительства бизнеса приблизится к неокорпоративной модели. Это будет зависеть от места, которое в новой системе займут союзы предпринимателей. И если на федеральном уровне мы наблюдаем признаки диалога власти и бизнеса, причем, в отличие от конца 1990-х гг., бизнес признал, что претензии на ключевое положение могут вызвать осложнения. На местном и региональном уровне ситуация иная. Не имея реальных возможностей воздействия на крупные корпорации и финансово-промышленные группы, взаимодействующие с властями федерального уровня, и «приватизировав» более или менее крупную промышленность на местах, региональные и местные власти стремятся сделать подконтрольным себе малый и средний бизнес путем введения дополнительных административных барьеров и увеличения числа контролирующих организаций. Эти действия имеют обратный эффект. Темпы роста малого и среднего бизнеса за последние два года значительно снизились, соответственно снижаются налоговые поступления в местные бюджеты. На сегодняшний день система корпоративного представительства может оказаться недостаточно разветвленной, чтобы справиться с ролью младшего партнера государства. Тогда на смену модели олигархического корпоративизма, показавшего свою несостоятельность во время дефолта 1998 гг., может прийти чрезмерная бюрократизация системы функционального представительства, что сведет к нулю достигнутые результаты в сфере согласования интересов.

В любом случае российская версия неокорпоративизма, скорее всего, окажется своеобразной, поскольку втиснуть все отношения между государством и бизнесом в рамки союзов и ассоциаций будет чрезвычайно трудно по двум причинам.

Во-первых, современные корпорации в России являются своего рода наследниками еще советской традиции укрупнения и централизации базовых отраслей экономики, а малый и средний бизнес на местах не имеет эффективного представительства. Государственный корпоративизм за последние два года упрочил свои позиции. Об этом свидетельствуют и назначение в государственные компании представителей государства, и создание селективных условий для деятельности той или иной компании государственными чиновниками, и существующая де-факто интервенция государства в частные компании. Все это не может не оказывать влияния на структурирование общественного пространства, на формирование обратных связей между обществом и государством. Существующая система функционального представительства не может быть отражением всего многообразия групповых интересов. Социальные издержки госкорпоративизма очевидны и на макроэкономическом, и на микроэкономическом уровнях. Прежде всего, это сужение социальной базы представительства и, как следствие, замедление темпов роста малого и среднего бизнеса в России, невозможность большинству граждан на деле ощутить свою социальную ответственность перед обществом и перед самим собой, рост потребительских настроений.

Многие крупные корпорации, особенно в сфере добывающей промышленности, относятся к регионо- и градообразующим отраслям, играющим в социальной структуре общества и его территориальном развитии значительную роль. Наглядней всего это можно проиллюстрировать на примере Сибири и Дальнего Востока [6], где корпорации являются не только хозяйственными, но и социально-политическими институтами [3]. Такие жесткие вертикально интегрированные компании обладают большой инерционностью и не всегда могут адекватно реагировать на социальные вызовы.

Во-вторых, современной крупной российской корпорации зачастую трудно консолидировать свой представительский потенциал. Это объясняется прежде всего специфическими интересами самой корпорации и неразвитостью сетевых подходов в структуре управления корпорацией. Большинство из них — конгломераты, связанные с несколькими отраслями и секторами экономики. Интересы корпораций слишком многообразны, чтобы их могли адекватно представить одна или несколько ассоциаций. Часто возникает нужда в оперативных решениях, плохо совместимых с длительными согласованиями, характерными для предпринимательских союзов, где сталкиваются разнородные интересы.

Можно ли считать госкорпоративизм оптимальной моделью представительства интересов в современной России? На этот вопрос нет однозначного ответа. Приверженцы укрепления вертикали представительства групповых интересов приведут свои аргументы в пользу данной системы. Но надо учитывать и тот факт, что за последние десятилетия достаточно широкое распространение получили сетевые подходы и методы взаимодействия, позволяющие активизировать творческий микроэкономический потенциал общества. Многие крупные корпорации сознательно трансформируются в атомарные или так называемые кластерные структуры, активизируя тем самым микроэкономический фундамент национальных экономик, делая их более конкурентоспособными, инновационными и устойчивыми [5]. Это принципиально меняет всю систему представительства групповых интересов, расширяя социальную базу представительства и укрепляя механизмы обратной связи между обществом и государством.

Библиографический список

1. *Паннэ Я.Ш.* Олигархи: Экономические хроники. М., 2000.
2. *Паннэ Я.Ш.* Крупный бизнес в российской экономике, 2000–2001 гг. // www.politcom.ru.
3. *Перегудов С.П.* Крупная корпорация как социально-политический институт. М.: ИМЭМО, 2000
4. *Перегудов С.П.* Крупная российская корпорация в системе власти // Полис. 2001. №3.
5. Разработка стратегии развития компании, оптимизация оргструктуры // www.strategy.ru.
6. Сибирь и Дальний Восток в XXI веке: Концепция доклада СВОПа: 2001 // www.svor.ru.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОНФИГУРАЦИИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

.....

В. Н. Панин*

В последние годы политические, экономические и социальные трансформации, происшедшие в мире, в значительной степени изменили геостратегическую конфигурацию Ближнего Востока. С одной стороны, он перестал быть одной из основных арен противоборства двух сверхдержав, произошел прорыв политической изоляции Израиля в регионе, с другой стороны, принимая во внимание все возрастающую роль зависимости мировой экономики от ближневосточной нефти, все большее количество индустриально развитых государств мира начинают артикулировать свои интересы в регионе. Это касается как западноевропейских стран и Японии, так и быстрорастущих экономических гигантов Азии — Китая и Индии. Учитывая ослабление геополитических позиций России, на роль евразийской сверхдержавы все более настойчиво начинает претендовать Турция.

В результате развала СССР на южной геополитической дуге, связывающей Ближний Восток с Россией, появился ряд новых государств, только начинающих создавать свои социально-политические системы и формировать национальные интересы и приоритеты. Речь здесь идет, прежде всего, о трех странах Южного Кавказа, или Закавказья. Перекройка геополитической расстановки сил может привести к тому, что либо все они или хотя бы часть из них останутся в сфере влияния России и тем самым она упрочит свои геополитические позиции на южном направлении, либо они войдут в сферы влияния других государств, а это будет означать дальнейшее «выдавливание» России как с Ближнего Востока, так и с Кавказа.

В значительной степени этому способствует тот факт, что на Восточном Кавказе и в Каспийском бассейне обнаружены значительные запасы нефти: по

* Панин Виктор Николаевич — доктор политических наук, профессор, декан факультета международных отношений Пятигорского государственного лингвистического университета. Электронная почта: paninv1@yandex.ru.

различным оценкам — от 30 до 200 млрд баррелей. Экономические аналитики в мире в среднем исходят из цифры в 90 млрд баррелей [3, р. 6]. Таким образом, появляется своеобразный стратегический энергетический эллипс, включающий в единое целое Кавказ и регион Ближнего Востока. В нем сосредоточено до 67 % разведанных мировых запасов нефти и 40 % мировых запасов газа. Тот, кто будет его контролировать, во многом будет определять мировую политику в XXI в. [1, с. 27–35]. Это свидетельствует о том, что геополитическая конфигурация Ближнего Востока получает свое расширение. Учитывая, что регион Кавказа также содержит в себе значительный конфликтный потенциал: это и карабахский узел, грузино-абхазский и грузино-южноосетинский конфликты, чеченский конфликт и др., ожидать установления долгосрочного мира как на Ближнем Востоке в целом, так и в сопредельных с ним регионах было бы преждевременно.

Однако дальнейшая эскалация субрегиональных конфликтов может перерасти в единый региональный конфликт, чреватый непредсказуемыми последствиями для всего мира. Для России в конечном счете это может обернуться потерей не только Южного, но и Северного Кавказа и отторжением ее и от южных морей, и от основных энергетических потоков XXI столетия. Подобный сценарий означает, что Россия, относившаяся к числу мировых лидеров, превратится во второстепенную евроазиатскую державу и перспектива ее дальнейшего развала будет переведена в практическую плоскость.

Учитывая кардинальные геополитические изменения в мире и регионе, произошедшие за последние 10 лет, можно выделить следующие черты, которые в основном определяют геополитическое будущее Ближнего Востока.

В условиях современных процессов, таких как глобализация и интернационализация международных отношений, границы государств становятся более прозрачными для финансовых потоков и экономического сотрудничества. Многие проблемы, стоящие перед государствами не могут уже решаться в одиночку. В результате этого на Ближнем Востоке создается новая конфигурация, которая включает в себя помимо традиционных субрегионов новые, имеющие схожие экономические интересы, единую цивилизационную основу. Иными словами, в настоящее время происходит расширение геополитического массива Ближнего Востока, в первую очередь за счет части Малой Азии (Турция), Южного Кавказа (Грузия, Армения, Азербайджан) и Среднего Востока (Иран). Основой для подобных интеграционных тенденций выступают прежде всего экономические (разработка и транспортировка энергоносителей) и цивилизационные факторы (ислам). Богатые нефтедобывающие страны Персидского залива — один из основных финансовых кредиторов вновь образованных стран Центральной Азии. Важное значение играет паломничество в святыне для мусульман места в Саудовской Аравии, а также бесплатная подготовка священнослужителей для новых регионов в традиционных мусульманских образо-

вательных центрах Ближнего Востока, начинающих проповедовать ислам по арабским канонам, нередко вступающим в противоречие с местными традициями.

В этих странах все более популярным становится изучение арабского языка, а через него происходит постепенное приобщение к культуре и традициям ближневосточных обществ. Более того, быстрый рост влияния ближневосточных стран становится все ощутимее и в мусульманских анклавах Северного Кавказа. Определенными силами Ближнего Востока вынашиваются различные стратегические планы по отторжению региона от России и созданию либо единого мусульманского государства, либо некоей мусульманской конфедерации [4, p. 135–151].

Увеличение темпов и объемов промышленного производства в мире ставит многие страны в большую зависимость от ближневосточной нефти. Следствием этого является увеличение количества геополитических игроков, вовлекающихся в борьбу за контроль над ближневосточными энергоресурсами. Это в равной степени касается и Каспийского региона. Его специфика состоит в том, что он не имеет прямых транспортных выходов на мировые рынки. В связи с этим, помимо вопросов добычи нефти, начинает актуализироваться проблема путей ее транспортировки, поскольку страны, через которые пройдут нефтепроводы, кроме прямой экономической выгоды получают дополнительный геополитический вес как в региональной, так и в мировой политике.

Различают пять основных маршрутов транспортировки каспийской нефти на мировой рынок: северный, северо-западный — через системы российских нефтепроводов в Европу, западный — через Азербайджан и Грузию к нефтяным грузинским терминалам в районе Супсы на Черном море, юго-западный — через Азербайджан, Грузию и Турцию к нефтяному терминалу Джейхан в Средиземноморье и южный — через Иран к иранским нефтяным терминалам в Персидском заливе. Возможны еще два маршрута: восточный — через Казахстан в Китай и юго-восточный — через Туркмению в Пакистан и Индию, однако их практическая реализация — дело отдаленного будущего.

В связи с этим наблюдается формирование двухблоковой региональной конфигурации государств, претендующих на установление контроля за транспортировкой Каспийской нефти: это США и Турция, выступающие за юго-западный маршрут, и Россия с Ираном, стремящиеся к сохранению *status quo*. Каждый из указанных маршрутов имеет свои преимущества и недостатки. Поэтому пути транспортировки каспийской нефти во многом предопределяют геополитическое будущее региона.

Рост экономической мощи Европейского союза и ряда азиатских государств предопределяет то, что Ближний Восток становится зоной острого геополитического соперничества между старыми и новыми центрами силы. Уже сегодня по многим вопросам ближневосточной политики их позиции кардиналь-

но расходятся с американскими. События вокруг Ирака весной 2003 г. продемонстрировали существенные расхождения в позициях США и ведущих стран ЕС — Франции и Германии. Позиции главных союзников по НАТО в отношении войны в Ираке лишней раз доказывают справедливость данного тезиса. Это создает широкое поле для политического маневра многим государствам региона.

В последние годы на роль одного из региональных лидеров начинает претендовать Турция, участие которой в ближневосточных делах становится все осязаемее. Ослабление позиций России на южном направлении приводит к усилению позиций Анкары не только на Кавказе, но и в Средней Азии. Охлаждение европейско-турецких отношений, вызванных нежеланием принять Турцию в состав Европейского союза, предопределило активизацию Турции на ближневосточном и кавказском направлениях. Ввод в эксплуатацию юго-западного маршрута транспортировки каспийской нефти через турецкий порт Джейхан еще более усилит позиции этого государства. Вызывает немалую озабоченность у ближневосточных стран и укрепление турецко-израильского альянса.

Помимо этого Турция продолжает оставаться одним из главных форпостов и проводников американского влияния в регионе. Вместе с тем, возможность исламизации Турции вызывает серьезную озабоченность не только у ее соседей, но и у США, и их европейских союзников по НАТО, поскольку это может вывести ее из сферы их влияния, как это произошло с Ираном. Приход клерикалов к власти в Турции вызовет серьезнейшие геополитические изменения в регионе, что приведет к угрозе национальной безопасности соседних государств.

Свержение режима Саддама Хусейна послужило новым импульсом для развития курдского сепаратизма. Если курды получат контроль над северными иракскими нефтяными месторождениями, будет создана мощная финансово-экономическая база для курдских радикальных группировок не только в Ираке, но и в Турции, Иране и Сирии. Это может спровоцировать Турцию к вводу своих войск в северные районы Ирака, что самым негативным образом повлияет на состояние стабильности и безопасности на всем Ближнем Востоке.

В последние годы наблюдается усиление геополитического значения Израиля, в первую очередь для европейских стран и России. Этому послужило окончание блокового советско-американского противостояния, определенное охлаждение в американо-израильских отношениях, вызванных ставкой США на ряд радикальных мусульманских режимов в Персидском заливе, в первую очередь Саудовскую Аравию, являющуюся наиболее откровенным антагонистом Израиля. В немалой степени российско-израильскому сближению способствует рост политического влияния «русской общины» — выходцев из бывшего СССР, имеющих тесные культурные и деловые связи со своей родиной.

В Израиле также высказывается определенное недовольство откровенным нажимом США на израильские позиции в ходе арабо-израильских переговоров. Неэффективность и напористость американского посредничества как в арабских странах, так и в Израиле в значительной степени объяснялись отстранением от посреднических функций России и стран Евросоюза, что давало серьезные основания последним для усиления своего влияния на Ближнем Востоке.

Следует также принять во внимание тот факт, что Израиль продолжает оставаться главным объектом нападений мусульманских радикальных группировок и тем самым является флагманом борьбы против мусульманского терроризма, накопившим в этом огромный опыт, который может быть с успехом использован в других странах. Это способствует расширению сотрудничества Израиля со многими государствами. Несмотря на известные экономические трудности, Израиль продолжает оставаться самой динамично развивающейся страной Ближнего Востока, единственным государством региона, возможно, обладающим ядерным оружием. Это, с одной стороны, гарантирует его независимость, с другой стороны, показывает, что крупномасштабная арабо-израильская война в будущем недопустима, поскольку она в случае реальной угрозы поражения Израиля может иметь самые непредсказуемые последствия для всего человечества.

События на Ближнем Востоке говорят о том, что отстранение от власти С. Хусейна привело к существенным геополитическим изменениям не только в регионе Залива, но и на всем Ближнем Востоке. Геополитическое будущее Ирака не может не вызывать серьезной озабоченности у стран региона и у многих государств, так или иначе вовлеченных в ближневосточные дела. В связи с этим возможно несколько вариантов развития событий. Наиболее вероятный из них заключается в том, что в Ираке будет сохранен установленный там проамериканский режим. Для его поддержки Соединенные Штаты разместят в стране крупные воинские силы как наземного, так и морского базирования. В экономической области концессии на разработку иракской нефти окажутся под контролем американских корпораций. Им будет выгоднее сконцентрировать свои основные усилия и ресурсы на хорошо известных иракских запасах, нежели ввязываться в строительство дорогостоящего и широко разрекламированного Джейханского проекта по освоению только лишь предполагаемых больших нефтяных ресурсов Каспия. В этом случае пострадают интересы Турции, которая постарается заполнить американскую нишу, взяв на себя геополитический контроль над странами региона. Поэтому США постараются, скорее всего, сделать главный акцент на укреплении своего геополитического влияния в Закавказье, что позволит им в среднесрочной перспективе вернуться к усилению экономического контроля.

Укрепление позиций США в Ираке обеспечивает им главенствующую роль в большой мировой нефтяной игре. Однако это возможно при условии быстрой стабилизации социально-политической жизни, восстановления и развития экономического потенциала страны. Это может быть обеспечено только при значительном увеличении экспортных квот иракской нефти за счет сокращения добычи в других странах – членах ОПЕК. В связи с этим, скорее всего, ОПЕК будет предъявлен своего рода ультиматум – либо пойти на значительное сокращение квот для своих членов, либо Ирак выйдет из состава ОПЕК и тогда вообще будет поставлен под вопрос смысл существования данной организации.

Ни страны-экспортеры, ни страны-потребители не заинтересованы в хаосе на мировом нефтяном рынке. Однако ОПЕК не раз выступала инструментом нажима на страны — потребители нефти. Поэтому можно ожидать, что на месте разрушенной ОПЕК будет создана другая организация, с большим участием в ней промышленно развитых стран. При этом США попытаются занять в ней лидирующие позиции. Не следует забывать о том, что Саудовская Аравия и Ирак, два главных экспортёра нефти, находятся под их геополитическим контролем.

Подобное развитие событий самым негативным образом повлияет на стратегические позиции Ирана, который, по сути дела, остался один на один против США в их устремлениях по установлению своей гегемонии в Персидском заливе. Это неизбежно приведет к усилению тенденций конфронтации в американо-иранских отношениях, которая может дойти до крайне опасной черты, принимая во внимание ставку нынешней американской администрации на решение международных проблем силовыми методами. Таким образом, вполне вероятно дальнейшее охлаждение в американо-иранских отношениях. При этом будут предъявляться обвинения, аналогичные выдвигаемым Ираку при С. Хусейне: попытка создания оружия массового поражения, поддержка мирового терроризма и т. д. Одной из реально осуществимых ответных мер Ирана может стать дестабилизация ситуации в Ираке через шиитское население проиранской ориентации. Это в свою очередь вынудит США сконцентрировать свои усилия на Ираке, втянуться в курдский конфликт и тем самым завязнуть там на неопределенно долгое время, как это произошло в Афганистане.

Концентрация основного внимания США, в том числе и экономической помощи, на Ираке может привести к охлаждению саудовско-американских отношений. Вполне очевидно, что это получит всемерную поддержку со стороны саудовских шиитов — проиранской «пятой колонны» в Королевстве. Таким образом, подобное развитие событий может послужить основанием для сближения Тегерана и Эр-Рияда, так как оба эти государства не заинтересованы в геополитическом усилении Ирака.

Все это делает путь транспортировки нефти через Персидский залив опасным и нестабильным, что вынудит добывающие нефть страны искать другие, более безопасные пути. Их на сегодняшний момент два: либо через Суэцкий канал, либо через Красное море и Баб-эль-Мандебский пролив. Главным недостатком северного пути — через Суэцкий канал — является то, что через него могут проходить танкеры водоизмещением до 160 тыс. т [2, р. 437–455]. В настоящее время планируется расширить его для прохода судов в 200 тыс. т, однако это не решит проблемы, поскольку большинство нефтеналивных судов имеет водоизмещение в 250 тыс. т и более.

Следовательно, остается южный путь по Красному морю. В результате возрастает стратегическое значение Йемена, занимающего около 500 км юго-восточного побережья Красного моря, контролирующего Баб-эль-Мандебский пролив, и около 1000 км южной оконечности Аравийского полуострова. Очевидно, что при тесных взаимовыгодных отношениях со странами — экспортерами нефти Йемен будет готов выступить в качестве гаранта безопасности транспортировки нефти через Баб-эль-Мандеб. Таким образом, существуют объективные предпосылки интегрирования Йемена в региональные структуры Аравийского полуострова и возрастания его геостратегического значения.

Неравномерность в уровнях и темпах модернизации стран Ближнего Востока, а также процессы глобализации, происходящие повсеместно, приводят к дальнейшей маргинализации значительного количества социальных слоев ближневосточного общества. Вследствие этого Ближний Восток является колыбелью таких радикальных мусульманских экстремистских течений, как «Братья-мусульмане», «Хэзболлах», «Серые волки», «Хамаз», ваххабизм, «Аль-Каида» и т. д. Ввиду мощной финансовой основы подобных группировок происходит быстрое распространение их влияния во многих странах мусульманского мира. В некоторых из них уже сегодня существует реальная угроза прихода радикалов к власти. Определяя объектом своей борьбы всех, кто не разделяет их доктрину, и используя террористические методы, экстремисты пытаются развязать террористическую войну. Таким образом, Ближний Восток становится главным мировым центром распространения терроризма. Подобные тенденции значительно дестабилизируют ситуацию в регионе и повышают ее взрывоопасность.

Ликвидация очагов терроризма без уничтожения основ его существования делает борьбу с ним малоэффективной и бесперспективной. Следовательно, в ближайшем будущем мировое сообщество будет вынуждено концентрировать на данном регионе свое внимание, значительную часть финансовых и иных ресурсов.

В противном случае метастазы терроризма пустят свои корни по всему миру. Именно эта угроза создает реальную основу для сотрудничества всех ведущих государств мира по борьбе с ним. Эффективность интеграции в любой сфере в

наибольшей степени повышается не столько при наличии сходных интересов, сколько при существовании общей угрозы.

Характерно, что на Ближнем Востоке, в регионе, где имеется немало сложных проблем, на сегодняшний день отсутствует система обеспечения безопасности. Более того, нет пока и каких-либо организационных форм для формирования такого рода систем. В этом смысле Ближний Восток остается одним из самых отсталых районов мира.

Существуют разные варианты изменения геополитических параметров региона. На наш взгляд, два из них заслуживают внимания. Первый вариант — включение региона в уже существующие внерегиональные системы безопасности и военно-политические структуры. Речь здесь может идти, прежде всего, о подключении в том или ином объеме к деятельности НАТО, что в практическом плане будет означать вхождение в сферу влияния США. Следует сразу оговориться, что особняком здесь стоит Турция как член НАТО, Израиль, имеющий «особые отношения» с лидером НАТО США, а также Иран и Сирия, отвергающие любое сотрудничество с этим блоком в любой форме.

В большинстве арабских стран НАТО рассматривается как наиболее успешно функционирующая военно-политическая межгосударственная структура. Военные кризисы последних лет в регионе показали, что в противостоянии силе многое решает ответное применение силы, и здесь военно-политические группировки могут оказаться подходящим инструментом для практической реализации линии на подавление агрессии. В арабских странах довольно широкое распространение получило представление о том, что прочная система региональной безопасности может быть создана только при гибком решении вопроса о внешних гарантах. На сегодняшний день таковыми могут выступать США, ряд других крупных государств. В будущем вполне возможно появление коллективного гаранта, в первую очередь в лице НАТО.

Предлагаемый вариант имеет и ряд недостатков. В региональную систему безопасности будет включен не весь Ближний Восток, а только часть его территории. Страны же, не вошедшие под «американский зонтик», будут вынуждены в больших объемах наращивать свое вооружение, в том числе и за счет ядерных технологий. Они также будут поставлены перед необходимостью поиска своих «внешних гарантов», которыми могут выступить крупные государства, например, Китай, Россия или Индия, также обладающие ядерным оружием. Иными словами, если система безопасности и будет создана, то она будет отличаться крайней нестабильностью. Это в конечном итоге полностью не решит проблему.

Второй возможный вариант организации региональной безопасности — это создание блоковой системы сдержек и противовесов. По сути, движение в этом направлении ведется уже давно. Так, в апреле 1950 г. под эгидой Лиги арабских государств семь стран подписали соглашение о совместной обороне. В феврале

1981 г. был образован Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), в рамках которого были созданы объединенные вооруженные силы «Щит полуострова». В феврале 1989 г. был создан Союз арабского Магриба (САМ), в положении о создании которого оговорено, что агрессия против любого из членов договора расценивается как агрессия против всего союза. Пример последних лет — заключение в 1996 г. двустороннего соглашения в военной области между Израилем и Турцией.

Несмотря на такое значительное количество «осей», «треугольников» и прочих фигур, приходится констатировать, что крупных достижений, кардинально меняющих состояние безопасности на Ближнем Востоке эти блоки пока не дали.

Библиографический список

1. *Панин В.Н.* Стратегический энергетический эллипс — новая геополитическая конструкция Евразии // Вестник ПГАУ. 2003. № 1.
2. *Burrowes R.* Oil Strike and Leadership Struggle in South Yemen: 1986 and beyond // *The Middle East Journal*. Washington, 1989. Vol. 3.
3. *Forsythe R.* The Politics of Oil in the Caucasus and Central Asia: Adelphi Paper 350. L.: The International Institute for Strategic Studies, 1996.
4. *Panin V.* Russia, Islam and the North Caucasus // *Islam and Central Asia* / Eds. Roald Sagdeev and Susan Eisenhower. Washington: Center for Political and Strategic Studies Press, 2000.

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИСТИКИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

.....

А. В. Баранов*

Политическая регионалистика — сравнительно молодая отрасль политической науки. В странах Западной Европы и США эта сфера исследований первоначально (в 1960–1970-х гг.) стала объектом «региональной науки» (regional science). Территориальность как системное качество общества проявляется во всех взаимосвязанных сферах жизни. Один из создателей региональной науки У. Изард писал, что «такая теория должна вскрыть и обобщить взаимозависимости между системой и ее подразделениями... Она должна выйти за пределы ортодоксальных теорий социальных наук и сделать акцент на таких основных взаимодействиях политических, социальных и экономических факторов, которыми до сих пор пренебрегали» [11, с. 29]. Следовательно, политическая регионалистика является компонентом системы знаний о социуме на субнациональном уровне его организации, применительно к политической сфере данного сообщества.

Политическая регионалистика по определению междисциплинарна, так как она исследует субнациональный (внутригосударственный) уровень политического пространства в его развитии и структурной организации, во взаимодействиях с иными уровнями пространства [20; 22; 44; 46, с. 169–219]. Р.Ф. Туровский резонно отмечает, что комплексное знание о развитии политического процесса в регионе может дать только использование и интеграция знаний экономики, правоведения, этнологии, культурологии и других дисциплин. Ведь политика в регионе определяется многообразными, разнородными факторами [43, с.138].

Актуальность политической регионалистики объясняется прежде всего неоднородностью политического пространства, присущей большинству стран мира [7, с. 149–158; 31, с. 219–244; 43, с. 138–156]. Глобализация усугубляет

* Баранов Андрей Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: baranovandrew@mail.ru.

территориальные диспропорции, порождая одновременно диалектически противоположные процессы глобализации и регионализации. Формирование глобального информационного общества обернулось возможностями фрагментации элементов общественной системы на основе их автономии и субсидиарности. С особой силой территориальные противоречия «центр – периферия» проявляются именно в постсоветской России. Особенно злободневны такие вопросы, как мера централизации власти, нахождение баланса интересов акторов политики в регионах, выбор моделей федерализма и административно-территориального устройства, цели и методы региональной политики. В конечном счете от решения этих вопросов во многом зависит роль России в глобализируемом мире.

Российская традиция политико-региональных исследований находится на стадии становления [2; 27; 32; 33; 37]. Быстро растет число эмпирических узкоспециализированных работ, тогда как теоретические вопросы регионалистики редко привлекают внимание. Вероятно, научное сообщество уже может поставить перед собой цель критической саморефлексии пройденного пути, чтобы наметить контуры развития отрасли знания, обозначить определенные «академические» критерии научного знания.

Цель работы — аргументировать авторское понимание политической регионалистики как отрасли политической науки, её дисциплинарной структуры и основных направлений. В статье сделана попытка решить ряд взаимосвязанных задач:

- сформулировать объект политической регионалистики в контексте сложившихся дискуссионных точек зрения;
- сравнить трактовки политической регионалистики, формирующиеся в российском научном сообществе;
- исследовать варианты предметного поля и структурного строения курса политической регионалистики в научной литературе.

Политическая регионалистика формировалась и развивалась как отрасль исследований на стыке ряда наук: политической географии, конституционного права, экономики, социологии, этнологии, сравнительной политологии. Разработка прикладных рекомендаций и «плотных» эмпирических описаний отдельных регионов превалировала над концептуальным осмыслением территориальности. В России политическая регионалистика по общественным идеологическим причинам была признана только в период «перестройки», а ее институционализация происходила, скорее, синхронно с распадом СССР. Поэтому российская научная школа во многом подражательна по отношению к исходной западной. В постсоветской России политическая регионалистика была официально признана как отрасль научных знаний и учебная дисциплина профессиональной подготовки политологов [5; 10, с. 156–164; 34, с. 102–111;

36; 35; 24, с. 330–384], что выразилось в бурном росте исследовательских проектов и организационных структур начала 1990-х гг.

На наш взгляд, объект политической регионалистики — регион как политическое территориальное сообщество на субнациональном уровне в единстве своих институциональных, поведенческих и ментальных аспектов. Регион в данном случае есть политическое пространство, формировавшееся исторически на протяжении длительного времени. Вследствие своих свойств регион имеет способность к самовоспроизводству и саморазвитию. Регион складывается на основе взаимодействия ряда факторов: территории, природных условий, общности истории и культуры, демографических и социальных показателей, экономической, политической и правовой систем.

Регионы являются наиболее обширными подсистемами внутри государств либо транснациональных ареалов. Они играют роль макросистемы для локальных (местных) сообществ: городов, сельских районов и т.п. Поэтому объект регионалистики неизбежно включает в себя взаимодействия уровней пространства: глобального, межгосударственного, национально-государственного, регионального и местного.

Границы между регионами складываются в итоге долгосрочных политических процессов самоорганизации. Важнейшим индикатором региональной принадлежности является территориальная идентичность населения как черта региональной политической культуры. Остальные индикаторы, как правило, носят подчиненный (в рамках политического анализа) характер. Это понимание региона отражено в Статусе Комитета регионов Европейского сообщества: «...территория, представляющая очевидную общность с географической точки зрения, или такая территориальная общность, где есть преемственность и чье население разделяет определенные общие ценности и стремления сохранить и развить свою самобытность» в целях прогресса [29, с. 60].

Границы регионов в политологическом понимании не связаны жестко с административно-территориальным делением государства. Они определяются более всего региональными политическими культурами и складываются на протяжении долгосрочных исторических циклов. По определению С.А. Гомаюнова, границы бывают различного типа: природно-географические, социокультурные (цивилизационные и субцивилизационные), границы социальной активности сообщества [16, с. 61, 57]. Политические регионы могут объединять части территорий различных государств или ряд административных единиц одной страны либо существовать внутри более обширных административных образований.

Кроме названного применяются иные методологические определения региона, что влечёт за собой переосмысление всей отрасли знаний.

Экономико-географические определения. Регион как крупная часть экономической системы государства, отличающийся от других природными ресурсами и отраслевой специализацией экономики, способностью к самообследованию (субсидиарности). Данный подход преобладал в советский период, определял принципы и методы районирования пространства [11]. Вероятно, сам термин «политическая регионалистика» был сконструирован в 1992–1993 гг. создателями Государственного образовательного стандарта по аналогии с экономической регионалистикой, признанной еще в советский период.

Социологический подход. Регион считается социально-территориальной общностью, объединением индивидов на основе единства экономической, политической и духовной жизни. В рамках социологии давно признана субдисциплина — социология территориальных общностей, наиболее близкая к regional science [20, с. 12–13, 27–30].

Историко-культурный подход. Регион признаётся итогом, «плодом» длительной самоорганизации общества, воспроизводящего из поколения в поколение устойчивые пространственные взаимосвязи [17]. В трактовке историков часто смешиваются, не разделяются категории «регион» и «местность». Например, в современной европейской историографии интенсивно развивается школа «new local history». Но по содержанию речь идёт именно о региональном уровне общества [30].

Регион в исследованиях международных отношений воспринимается как группа государств либо трансграничный ареал, имеющие сходные признаки и роль в мировой политике [39, с. 172–184]. На этой основе применяется термин «региональная система политических отношений», приемлемый и в изучении внутригосударственных ареалов. Глобализация быстро размывает различия внутренних, трансграничных и международных регионов. Но остается принципиальное различие «масштабов» территорий, анализируемых в мировой политике и политической регионалистике.

Государственно-правовой подход. Регион отождествляется с субъектом федерации либо административной единицей унитарного государства. Границы региона определяются в данном случае формально-юридически, как и его признаки. Типично мнение Ассамблеи европейских регионов — неправительственной организации. Регион определён в её Уставе как уровень «правительства, следующего сразу после центрального, с политическим представительством, гарантированным существованием выборного регионального совета или, при его отсутствии, ассоциацией или органом, учреждённым на региональном уровне местными властями на следующем за ними более низком уровне» [45, с. 43].

Комментируя эту часто цитируемую трактовку, некоторые исследователи (А.П. Овчинников, Н.П. Медведев, авторы пособия под редакцией В.Г. Игнатова) [28, с. 8; 32, с. 20–33; 37, с. 10] ставят знак равенства между политическим ре-

гионом и субъектом федерации. Напротив, мы полагаем, что такого равенства не может быть даже в идеальной демократии. Противоречие трактовок региона не случайно, а вызвано коренными различиями в методологии. Упомянутые авторы подходят к региону с позиций государственной политики и нормативно-правового регулирования. Речь же должна идти совсем об ином — *о пространстве реального взаимодействия акторов политики*, в том числе элит, групп интересов, партий, неинституциональных общностей и многих других. То есть, сказывается различие научных традиций и категориального аппарата конституционного права и политической науки. Кстати, в авторитарных режимах регионы не исчезают и не теряют своего значения [47, с. 225–259]. Никакое государственное регулирование не может надолго «упразднить» естественную неоднородность территории. Авторитарные режимы создают иной «формат» и ресурсы влияния региональных сообществ, но не более того.

Итак, политико-культурный подход к определению региона наиболее системен и плодотворен, так как именно политика обеспечивает всестороннее целостное управление региональными процессами. Именно региональное сообщество людей, способное к выражению своего территориального самосознания и интересов, способное к самоорганизации и саморегуляции, обеспечивает преемственность региона. В рамках комплекса признаков региона может временно выдвигаться на первый план любой — экономический, правовой, ментальный, социальный и т.д. Но понятие «регион» эти признаки образуют только в системном взаимодействии, на что указывали В.А. Ковалёв, Р.Ф. Туровский, Е.В. Морозова, А.В. Дахин и другие исследователи [23, с. 4–5; 29, с. 60–63; 42, с. 64–86; 19, с. 87–122; 1, с. 4–6].

Существуют и другие определения объекта дисциплины. На наш взгляд, они недостаточны, чрезмерно узки. Так, Р.Ф. Туровский в своем учебном пособии (1999 г.) считает политическую регионалистику одной из отраслей политической географии, использующей географический метод в изучении политических процессов. В важной теоретической статье (2001 г.) [43]. Р.Ф. Туровский значительно корректирует свой взгляд на объект исследований. Он полагает, что политическая регионалистика — комплексное направление, «изучающее региональные аспекты политических институтов, процессов, партий, элит и пр. в рамках некоего государства» [43, с. 138]. Регионалистика использует географические методы для выработки системных знаний о политическом процессе в регионе. Р.Ф. Туровский выделяет в политической регионалистике две основные сферы анализа: 1) отношения между центром и регионами, политику государства в отношении регионов; 2) политическую среду на уровне собственно регионов.

С данным алгоритмом и структурой дисциплины можно согласиться.

По мнению В.Я. Гельмана и С.И. Рыженкова, изучению подлежат «три составные части» политической регионалистики: региональные электоральные

процессы, региональные элиты и федеративные отношения [10, с. 138–146]. В таком случае остаются без внимания иные субъекты политики, иные типы политических процессов, роль регионов в международных отношениях, политические культуры и т. д. Н.П. Медведев в структуре объекта исследования делает акцент прежде всего на региональной политике и федерализме, что придает авторской трактовке односторонне юридический оттенок [27].

Опыт развития политической регионалистики в России невелик — лишь 15 лет. Поэтому объект и предмет дисциплины остаются дискуссионными, как и ее основные разделы, и трактовка базовых терминов. Конечно, уже выпущен ряд учебных пособий, но они адресованы в первую очередь географам («Регионоведение», «Политическая география») [21; 11; 15; 25] либо менеджерам государственного управления (учебник «Политическая регионалистика» Н.П. Медведева, пособие под редакцией В.Г. Игнатова). Относительно полно отражен политический ракурс регионалистики в пособиях И.М. Бусыгиной, Р.Ф. Туровского и Д.В. Доленко, но и они не оптимальны по содержанию и ракурсу осмысления реальности [6; 42; 43; 44; 20].

В прикладном аспекте первоначальными «точками роста» регионалистики стали: группа «Меркатор», Московский центр Карнеги, Институт гуманитарно-политических исследований и др.

На наш взгляд, эволюция политической регионалистики в России достигла такой стадии, когда состоялась первичная институционализация научной отрасли, вырисовались контуры проблематики и методик анализа.

В профессиональном сообществе известен ряд учебных программ: В.И. Каваленко, Д.В. Бадовского и Р.В. Михайлова (МГУ); И.М. Бусыгиной (МГИМО (У) МИД РФ), В.Я. Гельмана (Европейский университет в Санкт-Петербурге), коллектива кафедры политологии и политического управления РАГС; В.Н. Рябцева (Ростовский госуниверситет), Н.В. Борисова (Пермский госуниверситет), А.В. Баранова (Кубанский госуниверситет) и др. Поэтому назрела необходимость определить базовые черты концепций преподавания политической регионалистики [24, с. 330–384; 5; 9, с. 156–164; 34, с. 102–111; 41; 3; 35; 38, с. 167–183].

Прежде всего, подчеркнем недопустимость бюрократической единообразной схемы в преподавании, неправомерность претензий кого бы то ни было из российских исследователей на «классичность» своего опыта. Напротив, надо перейти к самоорганизации и плюрализму концепций политической регионалистики, максимально учесть вариативный опыт, накопленный в различных вузах и исследовательских центрах страны. В равной мере неприемлемы две крайности: абсолютизация российского своеобразия дисциплины либо копирование зарубежных концепций и методик. Необходим творческий синтез достижений различных школ исследований в условиях российской социокультурной парадигмы.

Вместе с тем полезно сосредоточить внимание на «болезнях роста» политической регионалистики в России, на дискуссионных аспектах её предмета и направлений.

Различные направления политической регионалистики развиты в России неравномерно. Причины этого — молодость самой науки, увлечение прибыльными прикладными проектами узкой тематики. Р.Ф. Туровский и другие авторы отмечают несоразмерное преобладание работ о геополитике, электрографической географии России, географии межэтнических конфликтов и территориальных споров. К этому перечню можно добавить бесчисленные эмпирические описания региональных элит и федерализма. Явно недостаточно внимание политологов к сравнительному анализу региональных процессов в России и за рубежом (особенно в странах «третьего мира»), региональных культур и идеологий. Сохраняется обособленность когорты исследователей с правовыми, историческими, географическими и иными традициями, слабость диалога между научными школами, в том числе между региональными университетами и подразделениями РАН.

Государственный образовательный стандарт по специальности «Политология» (2000 г.) указывает следующие дидактические единицы политической регионалистики: 1) предмет и методы; 2) субъекты региональной политики; 3) федерализм (типология, принципы, национальные особенности); 4) отраслевой и территориальный принципы управления и их отражение в политических системах; 5) территориальные движения современности; 6) подсистемы региональной политики: экономическую, демографическую, эко-, этно- и геополитику; 7) политическую регионалистику в российском измерении.

На наш взгляд, действующий текст Госстандарта, не менявшийся с 1994 г. (с добавлением расплывчатого раздела «политическая регионалистика в российском измерении»), достаточно противоречив. Он носит зримые черты концептуального эклектизма и робости начала 1990-х гг., сочетает преобладающие подходы экономической географии и государственного управления. В итоге многие исследователи делают акцент на изучении федерализма и региональной политики, что обедняет предметное поле регионалистики. Госстандарт вместе с тем не предлагает в качестве единиц изучения акторы политики, а также региональные политические процессы. Напротив, опыт преподавания дисциплины в МГИМО, МГУ, других ведущих вузах России доказывает методологическую близость регионалистики и сравнительной политологии. Элементы же заимствований из экономической географии, государственного и муниципального управления смотрятся чужеродно, превращают регионалистику в некую громоздкую метадисциплину — заменитель конституционного права, географии, Public Administration и прочего в одном лице.

15-летний опыт региональных исследований в России доказал, что инновационные работы создаются прежде всего в поле межтерриториальных и кросс-

темпоральных сравнений, с применением социологических и математических процедур анализа. Таковы монография под редакцией В.Я. Гельмана, С.И. Рыженкова и С. Бри, серия статей Г.В. Голосова, А.Ю. Глубоцкого и А.В. Кынева; исследования региональных элит О.В. Гаман-Голутвиной, А.Е. Чириковой, Н.Ю. Лапиной [40; 14, с. 359–380; 13, с. 124–142; 12, с. 71–83; 8, с. 6–19, 22–23; 26].

Предложим своё понимание предмета и структуры политической регионалистики.

Предмет политической регионалистики — закономерности политического воспроизводства, функционирования и развития регионов. Он включает в себя исследование взаимодействий государства и его регионов, а также региональных политических институтов и процессов, неинституциональных проявлений территориальности (региональных политических культур, идеологий и т.д.).

Основные научные направления в русле политической регионалистики, судя по публикациям, таковы:

- политико-территориальная организация общества, ее строение и развитие;
- формы государственного устройства (в особенности федерализм);
- региональная политика;
- факторы и ресурсы территориальной неоднородности государств;
- акторы политики на уровне региональных сообществ (элиты и группы интересов, партии и политические движения, этносы и религиозные организации, лидеры, органы государственной власти и местного самоуправления);
- региональные политические режимы;
- региональные политические культуры, идентичность, идеологии;
- региональные политические процессы;
- «внутренняя» геополитика во взаимовлиянии с «внешней» геополитикой государства.

Политическая регионалистика применяет ряд общенаучных принципов и подходов: системный, структурно-функциональный, компаративный, и др. На уровне специально-научных методов можно выделить центр-периферийный подход, функционализм и эволюционизм, теорию диффузий инноваций, геополитический подход. Количественные методы сформировались в рамках политической географии и социологии территориальных различий, будучи затем адаптированы к специфике объектов анализа.

Предлагаем следующий вариант структуры политической регионалистики: 1) предмет, методология и методы, основные школы политической регионалистики; 2) политические регионы в системе центр-периферийных отношений на уровне государств: региональная политика и ее подсистемы, федерализм и иные формы государственного устройства; 3) региональный политический процесс: основные акторы, институциональная и социокультурная динамика;

типология политических процессов. Данная структура реализуется в нашем курсе лекций, читаемом на факультете управления Кубанского государственного университета с 1995 г.

Библиографический список

1. *Баранов А.В.* Акторы региональных политических процессов в постсоветской России. М.; Краснодар: КубГУ, 2005.
2. *Баранов А.В., Вартумян А.А.* Политическая регионалистика: Курс лекций: В 5 вып. М.: Союз, 2003–2005.
3. *Борисова Н.В.* Программа дисциплины «Политическая регионалистика» // <http://www.polit.psu.ru>.
4. *Боярченко В.В.* Историки-федералисты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.
5. *Бусыгина И.М.* Политическая регионалистика: Тематическая разработка семинарских занятий по курсу. (Рукопись любезно предоставлена автору статьи в апреле 2000 г.)
6. *Бусыгина И.М.* Политическая регионалистика: Учеб. пособие. М.: РОССПЭН, 2006.
7. *Бусыгина И.М.* Судьба географических знаний в политической науке и образовании // Полис. 2003. № 1.
8. *Гаман-Голутвина О.В.* Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // Полис. 2004. № 2, 3.
9. *Гельман В.Я.* Введение в политическую регионалистику // Граждане и власть: Проблемы и подходы: Сб. учеб. материалов по курсу «Политическая регионалистика». М.; СПб.: Летний сад, 2001.
10. *Гельман В.Я., Рыженков С.И.* Политическая регионалистика: от общественного интереса к отрасли знания? // Социальные исследования в России: Немецко-российский мониторинг. Берлин; М.: Полис, 1998.
11. *Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И.* Регионоведение. М.: Гардарики, 2002.
12. *Глубоцкий А.Ю., Кынев А.В.* Партийная составляющая законодательных собраний российских регионов // Полис. 2003. № 6.
13. *Глубоцкий А.Ю., Кынев А.В.* Опыт смешанных выборов в российских регионах // Полис. 2003. № 2.
14. *Голосов Г.В.* Электоральная инженерия и партийное развитие в регионах России: политические предпосылки и пределы // Принципы и практика политических исследований. М.: РОССПЭН, 2002.
15. *Голубчик М.М.* Политическая география мира. Смоленск: Изд-во Смолен. гуманитар. ун-та, 1998.
16. *Гомаянов С.А.* Местная история в контексте россиеведения // Общественные науки и современность. 1996. № 1.
17. *Градовский А.Д.* Сочинения. СПб.: Наука, 2001.
18. *Гражданское общество: мировой опыт и Россия / Отв. ред. В.Г. Хорос.* М.: УРСС, 1998.

19. *Дахин А.В.* Региональная стратификация политического пространства России: Новые подходы и тенденции // Политическая наука. 2003. № 3.
20. *Доленко Д.В.* Политика и территория: Основы политического регионоведения. Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 2000.
21. *Игнатов В.Г., Бутов В.И.* Регионоведение. М., Ростов н/Д: Изд. центр «Март», 2004.
22. *Изард У.* Методы регионального анализа (введение в науку о регионах). М.: Прогресс, 1966.
23. *Ковалёв В.А.* Политическая регионалистика как новое направление исследований в российском обществоведении. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 1999.
24. *Коваленко В.И., Бадовский Д.В., Михайлов Р.В.* Программа курса «Политическая регионалистика» // Политологическое образование в России: традиции и инновационный поиск. М.: Университетский гуманитарный лицей, 2004.
25. *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. М.: Аспект пресс, 2005.
26. *Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е.* Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. М.: ИНИОН РАН, 1999.
27. *Медведев Н.П.* Политическая регионалистика. М.: Гардарика, 2002.
28. *Медведев Н.П.* Политическая регионалистика: Учеб. пособие. М.: Альфа-М, 2005.
29. *Морозова Е.В.* Региональная политическая культура. Краснодар: КубГУ, 1998.
30. Новая локальная история / Редкол. Т.А. Булыгина и др. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2004. Вып. 2.
31. *Овчинников А.П.* К понятию политического региона // Принципы и направления политических исследований. М.: РОССПЭН, 2002.
32. Овчинников А.П. Политическая регионалистика: три уровня власти в региональном измерении. Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та, 2002.
33. Политическая регионалистика (на материалах Южного федерального округа): Учеб. пособие / Под ред. В.Г. Игнатова. Ростов н/Д: СКАГС, 2003.
34. Политическая регионалистика // Политология: Методические материалы для слушателей по специальности «Политология». М.: РАГС, 2001.
35. Политическая регионалистика: Метод. рекомендации для студентов / Авт.-сост. А.В. Баранов. Краснодар: КубГУ, 2000.
36. Программа дисциплины «Политическая регионалистика» / Сост. Н.В. Борисова // <http://www.polit.psu.ru>.
37. Регионоведение: социально-политический аспект: Учеб. пособие / Н.П. Распопов, Е.И. Кильсеев, П.А. Розанов и др. Новгород: Изд-во Верхневолж. акад. гос. службы, 2000.
38. *Рогалева Е.А.* Политическая регионалистика // Методические материалы и программы к специализированным курсам по политологическим дисциплинам. Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та, 2003.
39. *Рознау Дж.* К исследованию взаимопересечения внутривнутриполитической и международной систем // Теория международных отношений: Хрестоматия. М.: Гардарика, 2002.

40. Россия регионов: трансформация политических режимов / Под ред. В. Гельмана, С. Рыженкова и С. Бри. М.: Весь мир, 2000.
41. *Рябцев В.Н.* Политическая регионалистика: Программа учебного курса. Ростов н/Д: РГУ, 2001.
42. *Туровский Р.Ф.* Динамика регионального политического процесса в России // Политическая наука. 2003. № 3.
43. *Туровский Р.Ф.* Основы и перспективы региональных политических исследований // Полис. 2001. № 1.
44. *Туровский Р.Ф.* Политическая география. М.; Смоленск: Изд-во Смолен. гос. ун-та, 1999.
45. *Федоров Ю.И.* Ассамблея европейских регионов // Регионология (Саранск). 1995. №1.
46. *Хартшорн Р.* Политическая география // Американская география: Современное состояние и перспективы. М.: Инлитиздат, 1957.
47. *Чешков М.А.* Глобальный контекст постсоветской России. М.: Центр конвертируемого образования МОНФ; Изд. центр науч. и учеб. программ, 1999.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ: ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ

.....

А. И. Кольба*

Способность государства справляться с конфликтами путем их признания и регулирования и брать под свой контроль ритм истории, о чем писал в свое время Р. Дарендорф [15, р. 139–140], является одним из залогов успешного развития многих сфер общественной жизни. В России, где роль государственного регулирования общественно значимых процессов традиционно высока и порою весьма специфична, создание механизмов эффективного управления конфликтами, в том числе региональными, в современных условиях представляется необходимым.

В данном случае понятие регионального конфликта рассматривается в двух аспектах. Первый касается локализации регионального конфликта. На наш взгляд, региональными можно считать конфликты, развертывание которых затрагивает важные общественные процессы и отношения на уровне субъекта Федерации. При этом вовсе не обязательно распространение конфликта на всю территорию субъекта. Он может быть локализован в отдельных, но ключевых точках географического и социального пространства. Конфликты на территории субъекта, не отличающиеся такими характеристиками, следует отнести к местным.

Чтобы проиллюстрировать данную позицию, обратимся к примерам конфликтных ситуаций на территории Краснодарского края. В 2000–2006 гг. администрация края обращала большое внимание на проблемы взаимодействия с органами местного самоуправления, что, в частности, привело к смене многих глав муниципальных образований. В ряде случаев действия краевой администрации по лоббированию и продвижению новых кандидатов на пост главы приводили к возникновению конфликтных ситуаций. Чаще всего подобные

* Кольба Алексей Иванович – кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: alivka2000@mail.ru.

конфликты не оказывали существенного влияния на ситуацию за пределами конкретных муниципальных образований и довольно быстро завершались. Их можно назвать конфликтами местного уровня.

Однако несколько конфликтов между администрацией и органами МСУ (а также политическими лидерами местных сообществ) явно выделяются из этого ряда. Речь идет о ситуациях в Новороссийске, Сочи, Краснодаре. Не затрагивая в данном случае сущностную и событийную стороны противоборств, которые были освещены нами в других публикациях [8–10], остановимся на признаках, позволяющих говорить об их выходе на более высокий уровень:

- конфликты затронули наиболее крупные и экономически значимые муниципальные образования Краснодарского края;
- в указанных конфликтах приняли непосредственное участие политические деятели регионального уровня, имеющие также выход на федеральные структуры власти;
- в ходе конфликтов разрешались вопросы о контроле над ресурсами, имеющими большое значение для всего региона;
- конфликтные ситуации широко освещались региональными, а также федеральными СМИ, затрагивались в публичных выступлениях региональных лидеров;
- данные конфликты можно рассматривать как индикаторы, а также важные этапы трансформации системы политических и управленческих отношений в регионе.

В качестве примера можно привести и конфликтные ситуации, возникающие в связи с проживанием на территории края так называемых новых диаспор (курдов, турок-месхетинцев). Несмотря на то, что они локализованы в нескольких районах, нельзя охарактеризовать ситуацию как проблему местного значения. Социально-бытовые конфликты между представителями диаспор и старожильческим населением, криминальные случаи, проблемы интеграции диаспор в принимающее сообщество привлекли внимание краевых и федеральных органов власти, правозащитных организаций, вызывают резонанс в СМИ. В урегулирование проблемы вовлечены государственные органы других стран (Грузии, США), международные институты (Международная организация по миграции, Совет Европы) (см. подробнее: [13]). Наличие подобных характеристик позволяет говорить о проблеме регионального значения, имеющей общегосударственные и международные аспекты.

В тех случаях, когда речь идет о конфликтах, напрямую затрагивающих интересы нескольких субъектов (например, южнороссийских), возможно, есть смысл ввести понятие «макрорегиональный конфликт». Потенциально конфликты такого рода могут быть вызваны, к примеру, попытками объединения субъектов Федерации, предпринятыми без должной подготовки. Так, начи-

ная с 2004 г. активно пропагандируется идея слияния Краснодарского края и Республики Адыгея. Само ее выдвижение вызвало определенный рост напряженности в республике. В апреле–мае 2006 г. произошел своеобразный «смотр сил», продемонстрировавший, что сторонники и противники объединения с краем имеют достаточно большой потенциал [7]. Властям Адыгеи удалось добиться «заморозки» процесса. Комментируя ситуацию, эксперт Центра политической конъюнктуры О. Гончаренко утверждает: «Республика в связи с возможностью объединения с Краснодарским краем находится в неустойчивом положении, активность национальных элит достаточно высока и мобилизация населения на этнической почве тоже. Очевидно, что в этом случае выход ситуации из-под контроля грозит нарушением стабильности, а последствия могут быть выражены в виде нового этнического конфликта» (цит. по: [7]).

Наконец, региональные и макрорегиональные конфликты выходят на общегосударственный уровень, если они затрагивают базовые вопросы существования и развития государства, угрожают его безопасности и стабильности. Таковы чеченский, в определенной степени – осетино-ингушский конфликты.

Таким образом, региональными мы называем конфликты, локализованные в рамках одного субъекта Федерации, чье развитие так или иначе воздействует на ситуацию в масштабе всего субъекта и привлекает внимание его органов власти. Подобные конфликты в процессе своего развертывания могут приобретать новые качества, взаимодействовать с конфликтами других уровней.

Второй аспект изучаемой проблематики касается сущности конфликтов данного вида. Представляется не совсем обоснованным отождествление «регионального конфликта» с «конфликтом этнополитическим». В его основе могут лежать причины экономического, политического, административно-управленческого, правового характера. Другое дело, что в полиэтничных регионах подобные конфликты, затрагивая хоть в малейшей степени интересы этнических общин, приобретают соответствующую окраску. Однако можно привести примеры, когда этнический компонент был в них выражен незначительно.

Уже упоминавшаяся проблема «новых диаспор» имеет прежде всего этническую окраску, хотя и включает в себя хозяйственные, правовые и другие аспекты. В то же время конфликты в крупнейших муниципальных образованиях края не имели отчетливо выраженного этнического содержания, несмотря на полиэтничный состав населения и весьма существенное влияние этнических групп на различные стороны жизни местных сообществ.

Исходя из изложенного, нельзя ставить знак равенства между указанными понятиями. Этнополитические конфликты не всегда разворачиваются исключительно на региональном уровне, региональные конфликты не всегда имеют ярко выраженный этнический характер. Подобное различие понятий позволит нам избегать терминологической путаницы и более точно определять предмет исследований.

Следует также остановиться на понятии государственного управления конфликтами. Сам термин «управление конфликтом» неоднозначно трактуется в современной конфликтологической литературе. Р. Дарендорф в своих работах предпочитает использовать понятие регулирования. Он отмечает, что «конфликты не исчезают посредством их регулирования; они не обязательно становятся сразу менее интенсивными, но в такой мере, в какой их удастся регулировать, они становятся контролируемыми, и их творческая сила ставится на службу постепенному развитию социальных структур» [3, с. 145–146]. По мнению А.К. Зайцева, данное понятие в современной литературе используется в широком и узком понимании. Используя этот термин в широком смысле, мы говорим о любом воздействии на конфликт в целях изменения его в целом или в частных его проявлениях. Управление в узком смысле обеспечивает разрешение конфликта или его эпизодов. То есть некоторые организации и структуры могут или даже вынуждены стимулировать конфликты для решения тех или иных задач [5, с. 167–168]. А.Н. Чумиков видит суть управления в «позитивном воздействии на конфликт» [14, с. 19–26].

А.Р. Аклаев проводит определенное различие между понятиями «регулирование» и «управление», считая первое из них более широким. Регулирование конфликта, по его мнению, происходит на макрополитическом уровне и предполагает организацию в рамках политической системы определенных институтов, осуществление процедур и практик регуляции повторяющихся конфликтов. Оно включает в себя также деятельность по предотвращению деструктивных форм проявления конфликтов. Управление конфликтом данный автор рассматривает в духе теории Й. Галтунга, как умение поддерживать отношения ниже уровня, на котором возможна угроза для системы в целом. Оно направлено на конкретную ситуацию конфликта. Кроме того, А.Р. Аклаев использует понятия «смягчение конфликта» и «контроль над конфликтом» [1, с. 322–323].

На наш взгляд, можно согласиться с А.К. Зайцевым относительно необходимости двух трактовок понятия управления. В первом случае его нужно рассматривать как совокупность различных способов воздействия на конфликты, закрепленных в политической системе (к примеру, не только его ослабления, но в некоторых случаях и инициации). В данном случае вполне допустимо использование понятия «регулирование», обладающего нейтральной окраской, т.е. не дающего указания на определенную направленность регулирующих мер. Управление может также осуществляться по отношению к конкретному конфликту (и тоже как регулирование, позволяющее ограничить развитие конфликта, удержать его на определенном уровне). Важно закрепление таких интерпретаций данного понятия в научной и общественно-политической среде, поскольку именно они в наибольшей степени соответствуют восприятию конфликта в качестве нормального и неотъемлемого компонента общественной жизни, в частности, политических процессов.

Основной проблемой в сфере управления региональными конфликтами, на наш взгляд, является его концептуализация, выбор определенной стратегии развития.

Ориентируясь на предложенные определения, можно утверждать, что государственное управление конфликтами на региональном уровне предполагает не только урегулирование тех или иных конфликтов, но и создание определенной среды их протекания. Задача государственного управления – создать условия эффективного использования позитивных функций конфликтов при минимизации их отрицательных последствий. Тем самым достигается встраивание конфликтов в процесс общественного развития. Провозглашая курс на развитие конкуренции, демократии, гражданского общества, государственные органы России декларируют, хотя и не напрямую, подобный подход. При этом чаще всего наблюдается разрыв между декларациями и практикой государственной деятельности. Возрастает роль теневых механизмов политики. Не случайно подобные процессы отмечены О.В. Гаман-Голутвиной в числе основных тенденций развития «России регионов» [2, с. 30–31].

На наш взгляд, ключом для понимания подобного раздвоения служит высказанная Ю.А. Левадой идея об имитационном характере российских общественно-политических практик: «Имитация — ключевое слово при анализе действий и оценок в различных сферах и на разных уровнях жизни страны» [11, с. 6]. Как отмечает Т.И. Заславская, «новые базовые институты России носят, по мнению многих ученых, квазидемократический, квазилиберальный и квазиконституционный характер. <...> Преобладает политическое манипулирование обществом, а также правовое, экономическое и физическое насилие, попирающее права и свободы человека» [6, с. 339]. Защита интересов конкретных политико-финансовых группировок – более логичное продолжение подобного подхода, нежели выстраивание системы управления конфликтами в описанном формате.

«Идеальная модель» государственного регулирования конфликтов предполагает участие государственных органов как беспристрастного арбитра, руководствующегося высшими общественными интересами. Конечно, в реальности исключить влияние корпоративных, групповых, личностных факторов на принятие государственных решений невозможно. Однако в российской политической практике государственные органы широко используют административные ресурсы для поддержки тех или иных конфликтующих субъектов либо в открытую принимают их сторону. При этом путем использования медиа-ресурсов обеспечивается поддержка со стороны общественного мнения, наличие которой призвано служить свидетельством соответствия подобных действий общественным интересам. Результатом такой политики зачастую становится утрата четких представлений о реальных проблемах и интересах общества, невозможность их соотнесения с позициями политических лидеров. Зачастую

органы власти узнают о существовании каких-либо противоречий уже в тот период, когда конфликт становится очевидным.

Например, анализируя итоги муниципальных выборов 2005 г., вице-губернатор Краснодарского края Г. Золина отметила наличие «всплесков» протестного голосования в отдельных сельских поселениях различных районов Кубани (Крыловском, Отрадненском, Выселковском, Гулькевичском), признав, что оно свидетельствует о наличии неразрешенных проблем. С целью установления обратной связи с населением указанных районов краевая администрация запланировала проведение ряда встреч с недовольными жителями [4]. Таким образом, только наличие институализированного конфликта (выборов) позволило диагностировать проблемы. (Отметим, что после законодательной отмены графы «против всех» в бюллетенях для голосования выполнение подобной функции затрудняется.) В других же случаях конфликт перерастает в открытое насилие и только после этого становится предметом публичного обсуждения и регулирования.

Как уже говорилось, концепция управления конфликтами подразумевает признание их естественного характера, необходимости научиться жить в условиях регулируемого конфликта. Однако региональные органы власти, зачастую ставя знак равенства между стабильностью и бесконфликтностью, стремятся привести региональный социум именно к последнему состоянию. Преобладание среди методов урегулирования конфликта административного и силового давления искажает реальную картину региональных процессов. Нам трудно судить о наличии и потенциале реальных угроз, хуже того, не могут этого делать и сами властные органы. При этом, «отменив» конфликты в официальных отношениях, нельзя столь же успешно сделать это в общественной практике. С течением времени их развитие может приобрести деструктивный, конфронтационный характер. В этом плане характерен пример событий в карельском городе Кондопоге.

Органы государственной власти поддаются соблазну получения, в общем-то, кратковременных эффектов и преимуществ «бесконфликтного» социального пространства. Однако нельзя постоянно откладывать решение вопросов о том, что стратегически важнее: модернизация социальной структуры или высокие рейтинги региональных лидеров, развитие политического участия граждан или жесткая властная иерархия и т.д. Ответы в данном случае не кажутся риторическими. Выбор определенного типа политического развития государства неизбежно влечет формирование определенной же системы управления региональными конфликтами. Нам следует либо начать построение демократических моделей регулирования (не исключающих, впрочем, жестких государственных решений), либо признать, что ни федеральный центр, ни региональные политики пока что не в силах выйти за рамки традиционной модели «государства-гегемона».

Библиографический список

1. *Акляев А.Р.* Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент. М.: Дело, 2005.
2. *Гаман-Голутвина О.В.* Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (II) // Полис. 2004. № 3.
3. *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. № 5.
4. *Догадаев В.* Против всех – это за кого? // Вольная Кубань. 2005. 1 нояб.
5. *Зайцев А.К.* Социальный конфликт. М.: Academia, 2000.
6. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.
7. *Казенин К.* «Союз» против «Конгресса»: ситуация в Адыгее перед окончанием полномочий главы республики // Информационное агентство REGNUM, <http://www.regnum.ru/news/694395.html>.
8. *Кольба А.И.* Технологии урегулирования конфликтов в системе взаимодействия государственных и муниципальных органов власти Краснодарского края // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество: Сб. тез. выступлений на Междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д; Горячий Ключ: СКАГС, 2006.
9. *Кольба А.И., Кольба Н.В.* Протестное голосование и «административный ресурс» на местных выборах // Муниципальные выборы 2005 года: итоги, проблемы, уроки: Матер. круглого стола. Краснодар, 2005.
10. *Кольба А.И., Кольба Н.В.* Трансформация политической системы Краснодарского края: тенденции и механизмы // Российские регионы в условиях трансформации современного общества: Матер. Всерос. науч. конф. Волгоград, 2006.
11. *Левада Ю.А.* Стабильность в нестабильности // Общественные науки и современность. 2003. №3.

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ:
САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА**
.....

Л. А. Фадеева*

Важную роль в процессе передачи политической культуры от поколения к поколению, равно как и в ее трансформации, должна играть и играет социальная категория, называемая интеллектуалами, интеллигенцией, «образованным классом». Исследователи политической культуры, уделяющие внимание восприятию политических систем как комплексов реальных и идеальных культурных образцов, отмечают возрастание ответственности интеллектуалов: и как интерпретаторов чужеземных культур, исследование которых сродни переводческой работе, и как людей, формирующих и формулирующих важные компоненты национальной политической культуры своей страны.

На протяжении значительной части истории интеллектуалы выступали в качестве властителей дум, предлагающих обществу разные варианты осмысления действительности и различные модели общественно-политического обустройства. Ничего удивительного, что эти задачи обусловили политическую гетерогенность интеллигенции в плане ее ценностей, идеалов, идей. Еще одно обстоятельство, существенно усложняющее исследовательскую задачу, — это множество дефиниций интеллигенции. В свое время (1920-е гг.) российский литературовед П.Н. Сакулин писал: «Мы все говорим об интеллигенции и никак не можем наговориться. По сути, это вопрос нашего самоопределения» (цит. по: [17, с. 29]). Это объясняет остроту полемики, равно как и стремление записать политических оппонентов в антиинтеллигентский список («отделить овец от козлищ», говорил П. Струве). Заметим, что схожая ситуация (длительность и оживленность дискуссий, разнообразие дефиниций, эмоциональность ценностных оценок и суждений) наблюдается и в отношении таких категорий, как «интеллектуалы», «профессиональный класс» [8; 19–23; 31]. Мы знакомы с

* Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой политических наук Пермского государственного университета. Электронная почта: lfadeeva@perm.ru.

этим не только по литературе, но и по многочисленным дискуссиям, посвященным анализу данных категорий и проходивших с равным накалом страстей в Москве, Петербурге, Перми, Екатеринбурге, Лондоне и Оксфорде. Признаемся также, что наша позиция нередко встречала активную критику со стороны дискутирующих, прежде всего тех, кто абсолютно убежден в оригинальности и неповторимости русских интеллигентов или английских интеллектуалов и в отсутствии между ними каких-либо схожих черт.

Можно предположить, что наших оппонентов ужаснул бы замысел данной статьи, который заключается в том, чтобы вычленив базовые элементы политической культуры интеллектуалов, интеллигенции. На наш взгляд, эта политическая культура формируется, развивается, трансформируется в контексте национальной истории, но в то же время обусловлена еще и спецификой интеллектуальной деятельности, степенью ее свободы, востребованностью обществом и т.п.

Понятия «интеллигенция», «интеллектуалы», «профессионалы» (англосаксонские *professionals*) появляются в словарях и разговорном языке в разных странах приблизительно в одно время — в последней трети XIX в. Языковые нововведения (Н.К. Михайловский считал слово «интеллигенция» непривычным и «неуклюжим на русское ухо») отразили формирование относительно массовой категории людей, которые профессионально занимались умственным трудом, как правило, не будучи наемными работниками и оставаясь людьми «свободных профессий» (*liberal professions*), и по образу жизни и системе ценностей отличались как от высших, так и от низших классов. Специфика ценностных ориентаций была связана с характером профессиональной деятельности, определением своей миссии в обществе, утверждением автономной позиции по отношению к государству.

В разных странах внутри данной категории была своя референтная группа: в англосаксонских странах — юристы и врачи, во Франции, как и в России, — литераторы. Однако повсеместно численное увеличение данной группы сопровождалось становлением таких профессиональных институтов, как профессиональная периодика, формирование профессиональных ассоциаций, выработка профессиональной этики.

По-разному складывались отношения с государством — от автономии британских профессиональных ассоциаций до перманентного фрондирования французских интеллектуалов и sporadической террористической деятельности радикальных российских интеллигентов. Кстати, в разных странах многие исследователи выделяют в качестве особой группы интеллектуалов на рубеже веков еврейскую интеллигенцию, которая была лишена возможности полноценной профессиональной деятельности в силу антисемитской политики и потому нередко выступала как радикальная интеллигенция, наиболее поли-

тизированная и настроенная на разрушение несправедливого общественного устройства [30].

Т. Вихавайнен считает, что антибуржуазность и всякого рода радикализм были симптомом всеобщей болезни интеллектуалов, только по политико-общественным причинам в России интеллигенция политизировалась рано и почти поголовно [3].

Вследствие специфики социально-политического развития России наиболее заметным в стране оказался тип интеллигента-идеолога. По выражению Д.Н. Овсяннико-Куликовского, русская интеллигенция «застряла» в идеологическом фазисе [14, с. 385].

Вопрос о ценностных ориентациях российской интеллигенции, особенно интеллигенции рубежа XIX–XX вв., поднимался во всех дискуссиях XX в.: «веховской» (1909–1910), советской (1925–1927), перестроечной и постперестроечной (вторая половина 1980-х — начало 1990-х гг.). Обращение к этому вопросу объясняется кризисом идентичности, поиском оснований самоидентификации интеллигенции, новых «социальных семафоров». Интеллигентский миф включает представление об интеллигенции как морально-этической категории, существовавшей только в России.

Известный специалист по проблеме интеллигенции Л. Гудков утверждает: «Ничего похожего на нашу интеллигенцию на Западе нет, если не считать маргиналов левого толка, но они как раз и не делают погоды» [4, с. 392]. Между тем еще в дискуссии середины XX в. британский историк Д. Роуч трактовал интеллигенцию как «особый класс образованных людей, который определял характер национального мнения по политическим, религиозным и культурным вопросам и который может быть назван национальной интеллигенцией» [28, р. 134].

Аналогичный подход к анализу интеллигенции предпринимал в России начала XX в. Д.Н. Овсяннико-Куликовский, который видел в интеллигенции мыслящую среду, где вырабатываются умственные блага — «духовные ценности» [14, с. 385]. В этом определении упор делается на группу, а не на отдельных индивидов. Именно группа являлась носителем системы ценностей и стремилась распространить их в обществе. Напомню в этой связи предложенное Г.Г. Дилигенским понимание механизма взаимодействия индивидуальной и социальной психологии: макросоциальные или идеологические ценности являются своего рода «социальным семафором», с помощью которого одни ценности поощряются и поддерживаются, а другие — запрещаются или воспринимаются нейтрально [6, с. 167]. В данном контексте интеллигенцию можно рассматривать, как социальный семафор, как особый идеал, который вполне сопоставим с идеалом «образованного класса» других стран.

«Вряд ли можно найти более органичное выражение активности интеллигенции, чем создание школ, — считает исследователь гражданского общества в период «великих реформ» в России XIX в. Э. Кимбелл. — Оно точно так же, как литературная, публицистическая, издательская деятельность, давало выход самым естественным профессиональным интересам пробуждающейся интеллигенции» [10, с. 267]. Интересы интеллигенции как особой социальной группы, ее взаимоотношения с другими слоями общества, ее роль в экономических и культурных процессах в значительной степени определялись ее профессиональной деятельностью. В связи с этим социальная история интеллигенции тесно связана со становлением профессиональных категорий и групп.

Традиционными для профессионального класса западных стран являются категории медиков и юристов. Эти профессиональные группы определяли принципы доступа к профессии, профессиональные стандарты, позиции своей категории как среди «образованного класса», так и в обществе в целом. В России возникновение данных профессиональных категорий связано с реформами 1860–1870-х гг. Институционализация интеллигенции как совокупности профессиональных групп сопровождалась становлением и ростом профессиональной периодики. Журналы «Образование», «Врач», «Земская медицина», «Право» ставили серьезные социальные и профессиональные проблемы.

Обзор российской прессы последней трети XIX – начала XX в. показывает, что интеллигенция не чуждалась обсуждения профессиональных вопросов, была в курсе аналогичных проблем западного «образованного класса». Подобно тому как в борьбе за свободу слова и конституцию она апеллировала к западному парламентаризму, в профессиональном плане интеллигенты брали за образец англосаксонские профессиональные ассоциации, добившиеся автономии, контроля за доступом в профессию и за уровнем профессионального образования и квалификации. Это проходило в то время, когда во всей России власти стремились «обуздать» так называемый третий элемент (так охарактеризовал один из губернаторов земских служащих — врачей, учителей, агрономов) и отстранить их от решения государственных вопросов, оставив это право прерогативой первых двух элементов — администрации и дворянства.

На разных этапах дискуссии об интеллигенции на первом плане оказывались разные ее группы, разные аспекты их жизнедеятельности. «Веховцы» сосредоточили внимание на радикальной интеллигенции, В. Ленин и Н. Бухарин критиковали и поносили либеральную интеллигенцию как в канун революции, так и в первые годы Советской власти. Р. Иванов-Разумник и Д. Овсянников-Куликовский писали преимущественно о художественной интеллигенции, А. Изгоев и П. Сакулин — о профессиональных группах внутри интеллигенции, прежде всего об учителях и врачах. Соответственно, объект и предмет анализа определяли и акцентирование внимания на системе иерархии ценностных ориентаций, присущих той или иной группе. Безусловно, не нужно сбрасы-

вать со счетов и проблему объективности исследователя, аналитика, критика. Пристрастия и предпочтения, наличие собственной системы ценностей в немалой степени определяют оценочные суждения. Вот почему анализ интеллигенции со времен Р. Иванова-Разумника и П. Струве тяготеет к попыткам «отделить овец от козлищ».

Представляется, что только тщательный анализ поможет исследователю определить, какие «социальные семафоры» в системе ценностей интеллигенции, образно говоря, стояли на магистральном пути ее развития, а какие — на запасных. Характеристика ценностных ориентаций российской интеллигенции рубежа XIX–XX вв. свидетельствует о сложном композиционном составе системы ценностей, набор которых у разных групп интеллигенции был схожим, а вот их удельный вес и приоритеты различались.

Часть европейских интеллектуалов с начала XX в. стала именовать себя интеллигенцией, взяв кальку с русского языка. Это в немалой степени было следствием влияния русской культуры на Западную Европу. «Русское искусство прокатилось по Европе с неотвратимостью эпидемии гриппа, — писал С. Моэм. — Вошла в моду новая манера говорить и чувствовать, бросались в глаза новые сочетания цветов; “высоколобые” говорили о себе (после минутного раздумья), что они — представители интеллигенции. Это русское слово было трудно написать, но легко произнести» [13, с. 167].

«Высоколобые», или «высокобровые» (high-brow), — это несколько ироничное обозначение английских интеллектуалов начала XX в., о которых Д. Мирский говорил, что они высоко поднимали брови, демонстрируя свое презрение к обывателю и филистеру [27]. Западные исследователи испытывают значительные трудности в поиске дефиниции интеллектуалов, которая бы устраивала всех. Э. Шилз определяет интеллигентов как гомогенный интеллектуальный класс, закрытый для центров политической и социальной власти [29]. Английский историк Т. Хейк считает, что интеллектуалами можно назвать особую группу людей, обладающих общим самосознанием и чувством превосходства, отчужденности и обособленности [26].

Немаловажное место отводится в анализе интеллектуалов и их общественной роли: их умению генерировать идеи, влиять на общественное мнение, способствовать распространению новых идеалов и ценностей. В суждениях относительно функций и статуса западных интеллектуалов, их места и роли в жизни общества существует такой же широкий разброс мнений, как и в отношении к интеллигенции в России.

Одни считают интеллектуалов цветом нации, другие характеризуют их как людей опасных, не полезных для общества, паразитов. К. Мангейм объяснял это так: «Люди, которые бы хотели верить в то, что все в нашей жизни может быть урегулировано в рамках привычного заведенного порядка, чувствуют раздражение, когда узнают о наличии в обществе групп людей, желающих

выйти за рамки этого порядка. Они не понимают, что маленькие кружки интеллигенции, несмотря на многие присущие им недостатки, являются, благодаря своей позиции аутсайдера в обществе, основным источником вдохновения и динамичного воображения» [12, с. 450–451]. Он применяет к этой части интеллигенции предложенное Альфредом Вебером выражение «свободно парящая в обществе интеллигенция».

На рубеже XIX–XX вв. интеллектуалы разных стран с тревогой отмечали, что в обществе распространяется дух Мамоны, алчности и погони за успехом; причем специфика духовной ситуации того времени заключалась в том, что наступление новых, «торгашеских» тенденций сопровождалось ослаблением аристократических идеалов, немало осмеянных самими интеллектуалами, но в свете их заката казавшихся невыразимо прекрасными.

В Британии, как, впрочем, и в США, референтной группой в образованном классе являлись отнюдь не интеллектуалы, не «высоколобые» (брит.), или «яйцеголовые» (амер.), а те, кого в обеих странах называют *professionals*.

Английский ученый Н. Аннан выдвинул теорию «интеллектуальной аристократии», к отличительным особенностям относились предпочтение стабильности, склонность к постепенным преобразованиям существующих институтов и одновременно ее нежелание смешивать, идентифицировать себя с аристократией или плутократией, умение найти свое место в обществе, убеждение в необходимости честных методов в политике, сильный моральный импульс [18].

Концепция интеллектуальной аристократии соединяет анализ интеллектуалов и профессионалов. Основу последних исторически составляли юристы, врачи, священники. К 1870-м гг. в их состав также входили инженеры, преподаватели, учителя и т.п. Каждая группа имела свои профессиональные ассоциации, периодические издания. Одним из первых идеологов профессионализма был юрист Г. Томпсон, который утверждал: «Важность профессии и профессионального класса вряд ли может быть переоценена. Именно профессии представляют собой авангард великого английского среднего класса, устанавливая характер его независимости, определяют моральные стандарты и направляют его ум» [33, р. 16].

Среди английских профессий элементы профессиональной идеологии появляются и начинают распространяться во второй половине XIX в. Ее составными компонентами стали специализация, состязательность и ориентация на профессиональную карьеру, профессионализм, компетентность, чувство долга перед клиентом, осознание значимости профессионального образования. В обосновании превосходства своих идеалов, образа жизни, характера деятельности значимую роль был призван сыграть идеал общественной службы и общественного доверия. Кроме того, идеал общественной службы и общественного доверия должен был возвысить профессионалов над другими классами.

Профессионалы обвиняли буржуазию в эгоизме и неумении заботиться об общественном благе, противопоставляя этим недостаткам достоинства интеллигентных профессий, чьи этические принципы, по их мнению, были, несомненно, выше. В их среде было распространено чувство «социального стыда» [34, р. 179]. Результатом стали «хождения в народ» в форме сеттльментского движения в Англии, США, Германии, когда представители образованного класса создавали центры культуры в рабочих кварталах, открытие школ для взрослых и рабочих университетов. Другой стороной деятельности стало движение за реформы в социальной сфере.

Идеологи профессионализма стремились противопоставить профессии и социальным классам, и партийным группам. Они доказывали, что профессиональная идеология имеет существенные преимущества по сравнению с партийными доктринами.

В целом, образованный класс проявлял склонность к социальной и политической стабильности, сохранению определенной иерархии и уважения к сложившемуся порядку вещей. Причем он не просто принимал придуманные кем-то или иницилируемые высшими классами правила и нормы, но активно способствовал утверждению в общественном сознании легитимности существующего порядка, а также моральных и этических ценностей.

В то же время образованный класс выполнял не только исследовательскую и просветительскую функции, опосредованно влияя на мир политики, но и осуществлял непосредственную связь с этим миром — в парламенте и партийных ассоциациях, на уровне личного общения и в ходе деятельности различных организаций. Для характеристики сплава аристократии, политиков и ученых некоторые исследователи используют выражение «административная интеллигенция» [24; 25].

Н. Аннан описывает парадокс интеллигенции, существующей скорее для того, чтобы подчиняться, нежели для того, чтобы восставать против остального общества. Интеллектуалы видели свое предназначение в том, чтобы «работать в существующих институтах, модифицировать их для удовлетворения социальных нужд только тогда, когда эти нужды доказаны» [18].

Во Франции с эпохи Просвещения творческая, художественная интеллигенция заняла место референтной группы для французского образованного класса, а французские интеллектуалы в немалой степени стали определять существенные тенденции в развитии политической культуры французов. С тех далеких времен французская интеллигенция тщательно оберегала свой особый статус стража демократии, блюстителя справедливости и свободы, высшего судьи в делах морали и права. Сложилась даже своеобразная «диктатура интеллектуалов», направлявших общественное мнение страны. После Второй мировой войны такого рода влиянием обладал Жан-Поль Сартр. Политические деятели не только не оспаривали, но по-своему поддерживали эту традицию. Для при-

дания большего веса и авторитета своей личности они и сами были не прочь обзавестись репутацией интеллектуала. «Диктатура интеллектуалов» выражается во Франции отнюдь не в одних политических стереотипах, вследствие которых «Франция мыслит по-левому», хотя нередко «голосует по-правому» [1, с. 25]. Уважение к интеллектуальной деятельности, убежденность в ее необходимости и функциональности для общества также входят в национальные традиции.

Применительно к французской интеллигенции, как и к интеллигенции русской, правомерен вопрос об ее ответственности за социальные и политические катаклизмы. Полярность французской политической культуры, дух разобщенности и бацилла нетерпимости во многом связаны с политической дифференциацией французских интеллектуалов. Каждая из субкультур имеет своих интеллектуальных кумиров: де Местр, де Бональд, Шарль Моррас по одну сторону баррикад, Вольтер, Руссо, Жорес, Сартр — по другую. Представители противоположных субкультур тяготеют к тому, чтобы отказать оппонентам в праве называться интеллектуалами.

Прошлый опыт всегда сказывается на содержательных характеристиках интеллектуального класса, который впитывает опыт прошлого своей страны. В то же время эти специфические характеристики влияют на становление стереотипов массового сознания и образцов поведения, т. е. на структуры политической культуры.

Тревоги современной интеллигенции связаны с антиинтеллектуализмом и массовизацией культуры. Сама интеллигенция стала со второй половины XX в. массовым феноменом. Она утратила многие черты элитарности, столкнулась с проблемами безработицы, профессиональные ассоциации вынуждены были включить в качестве целей борьбу за повышение заработной платы и за социальные программы. Возник вопрос о том, в какой степени можно говорить о сохранении социально-профессионального феномена интеллигенции или интеллигентных профессий.

В то же время исследователи новых социальных движений (экологического, женского и др.) зафиксировали, что их актив и костяк составили представители именно этих категорий. В их системе ценностей заметно преобладание постматериализма: в экономике — общественный интерес, безопасность, равенство, в политике — участие, отрицание иерархии, в общественной сфере — небольшие децентрализованные гибкие структуры, в отношении к природе — сбалансированность и гармония, в отношении к знаниям — понимание пределов науки, рациональности целей, интеграции фактов и ценностей, мысли и чувств [32]. По-прежнему актуальна проблема ответственности интеллектуалов. «Наука имеет свои законы, которым интеллектуал обязан подчиняться, но, не забывая об обществе, не становясь сознательно эзотеричным», — такова одна из любимых идей Р. Дарендорфа [5, с. 127].

В России эйфория периода перестройки сопровождалась представлением о новой роли интеллигенции в обществе, о том, что «интеллигенция — это не просто образованные люди, это не профессионалы, а революционеры, перестройщики» (Ю. Бородай) [9]. Вместе с тем в оценке интеллигенции и ее роли в российской истории общество разделилось на два полюса. Те, на чей взгляд интеллигенция озабочена общим благом и несет это благо, давали следующие определения интеллигенции: «Интеллигент — душа и ум мира» (А. Бузгалин), «особого рода партия образованных людей, объединенных общим умонастроением» (В. Межуев) [9]. Те, кто считал интеллигенцию виновной в революционных бедах России, склонны характеризовать ее как «общественно инфантильный нарцисс, замкнутый, самодостаточный “орден”» (М. Колеров), «явно мистифицированную группу не профессионалов, самозванных учителей жизни, неприкаянных строителей общественного благоденствия» (А. Быстрицкий), «образованные классы», которым присущи «идеализм, социальный утопизм, иррационализм в помыслах и действиях» (А. Кива) [11].

На наш взгляд, и той, и другой позиции присущи максимализм и миссионерский взгляд на интеллигенцию. Как известно, у интеллигенции в советскую эпоху посредством разнообразных методов поддерживался своеобразный комплекс неполноценности. Промежуточное положение интеллигенции (прослойка) объясняло ее второстепенный статус в советском обществе. Утрата интеллигенцией образовательного превосходства, социальной привлекательности, морального авторитета для других социальных групп, по мнению Б. Дубина, подтолкнули к поиску психологической компенсации, например, в «миссионерской легенде» интеллигенции [7, с. 42–43]. Представление об особой миссии интеллигенции в России включало радикализм «вечных» вопросов, сосредоточенность на идеализации прошлого в сочетании с отрицательным отношением к политическому действию и практической политике, демонстрацией идеологической ангажированности в противопоставлении себя власти [7, с. 41–42]. Во всяком случае, здесь читается стремление свести феномен интеллигенции к морально-этической категории, да еще и на основе собственных политических предпочтений.

Другая линия дискуссии: сохранилась ли, в принципе, интеллигенция в России или же она трансформировалась в «образованщину». Кстати, солженицынское выражение «образованщина» имеет свой прообраз в веховской «интеллигентщине». Все же значительная часть исследователей считает, что культурная традиция не была полностью прервана и определенная преемственность сохранилась.

С нашей точки зрения, некоторая диффамация профессиональных ценностей, происходившая в среде советской интеллигенции в 1950–1970-е гг., не стала все же ни тотальной, ни фатальной. Профессиональные принципы продолжали сохранять свое значение в силу специфики самой профессиональной

деятельности. Действовали формальные процедуры, поддерживавшие значимость этих принципов: регулярные аттестации, присвоение категорий, определенную роль играло и соцсоревнование. Мы солидарны с Б. Дубиным в том, что обращение к профессиональным ценностям и стандартам — оптимальный способ нормализации статуса интеллигенции и ее объективной самоидентификации в современной России [7].

В последние годы предпринимаются активные попытки институционализации профессиональных интересов, возрождения традиционных для интеллигентных профессий принципов и ценностей, пересмотра отношений между профессиями и государственной властью. Очевидно, что российская интеллигенция вступила в новый этап своей истории. Противоречивость этого этапа отражает общую противоречивость переходного периода, когда продвижение к демократии, установление формальных демократических институтов сочетается с доминированием патрон-клиентарных отношений, неформальных институтов, укоренившихся в российском обществе на протяжении длительного исторического развития.

Ю. Поляков вслед за К. Арсеньевым и П. Сакулиным утверждает, что интеллигенция «по самой своей сути многолика, многоцветна, многопартийна». «Ядро интеллигенции всегда составляли представители разных, порою противоположных политических направлений... Бывает преобладание тех или иных политических влияний, но единства — никогда» [16, с. 18]. Нам также чрезвычайно импонирует мысль автора о том, что «важно исследовать позицию отдельных групп, слоев, профессий и даже отдельных деятелей, определяя степень их влияния и взаимовлияния» [16, с. 19].

Современные социологи относят российскую интеллигенцию к среднему классу, но продолжают отличать ее внутри этого класса как особую социально-профессиональную группу, разделяющую специфическую систему ценностных ориентаций, где значимое место занимают ценности образования, личной профессиональной квалификации и уважения [2, с. 83].

Е. Басина провела сравнительный анализ двух групп среднего класса — менеджеров и интеллигенции — и пришла к выводу, что первая группа исповедует такой крайний индивидуализм, что он парализует не только способность ставить и обсуждать проблему общего блага (без чего невозможно участие в политике), но даже сам интерес к политической деятельности. Это ставит под сомнение политический потенциал и перспективы влияния менеджеров как социальной группы. Интеллигенция же по-прежнему сохраняет широкий интерес к социально-политическим проблемам, способность обсуждать сложные вопросы на понятном народу языке, «оставаясь при этом в круге близких основной массе населения символов и понятий» [2, с. 84].

Библиографический список

1. Айвазова С.Г. Французы и политическая власть // Франция глазами французских социологов. М.: Наука, 1990.
2. Андреев А.Л. Социальное ядро нации. Средние слои в современном российском обществе // Общественные науки и современность. 2003. № 3.
3. Вихавайнен Т. Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. СПб.: Коло, 2004.
4. Гудков Л. Интеллигенты и интеллектуалы // Знамя. 1992. № 3/4.
5. Дарендорф Р. После 1989. Размышления о революции в Европе. М.: Ad Marginem, 1998.
6. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994.
7. Дубин Б. Интеллигенция и профессионализация // Свободная мысль. 1995. № 10.
8. Иванов-Разумник Р.В. Об интеллигенции. СПб., 1910.
9. Интеллигенция и власть: Дискуссия в клубе «Свободное слово» // Полис. 1992. №3.
10. Кимбелл Э. Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху великих реформ. 1859–1863 // Великие реформы в России / Под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М.: МГУ, 1992.
11. Колеров М. Самоанализ интеллигенции как политическая философия. Наследство и наследники «Вех» // Новый мир. 1994. № 8.
12. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юристъ, 1994.
13. Моэм С. Рассказы об Эшендене // Иностранная литература. 1992. № 7.
14. Овсянко-Куликовский Д.Н. Психология русской интеллигенции // Вехи: Интеллигенция в России. М.: Молодая гвардия, 1991.
15. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991.
16. Поляков Ю. Зачинщица или жертва: Интеллигенция в эпохи смуты // Свободная мысль. 1996. № 2.
17. Судьбы русской интеллигенции. Материалы научной дискуссии. 1923–1925 гг. Новосибирск: Наука, 1991.
18. Annan N. The Intellectual Aristocracy // Studies in Social History / Ed. by J.H. Plumb. L.: Longmans, N.Y.: Green, 1955.
19. Burrage M. Introduction: the Professions in Sociology and History // Professions in Theory and History: Rethinking the Study of the Professions / Ed. by M. Burrage, R. Torstendahl. L.; Newbury Park: Sage, 1990.
20. Burrage M. Revolution and the Collective Action of the French, American and English Legal Professions // Law and Social Inquiry. 1988. Vol. 13. № 2.
21. Debray R. Teachers, Writers, Celebrities. L.: NLB, 1981.
22. Fyvell T. Intellectuals Today. N.Y.: Schocken Books, 1968.
23. Gella A. An Introduction to the Sociology of the Intelligentsia // The Intelligentsia and the Intellectuals: Theory, Method, and Case Study / Ed. by A. Gella. Beverly Hills: Sage, 1976.
24. Goldman L. Dons and Workers. Oxford: Clarendon; N.Y.: Oxford Univ. Press, 1995.

25. *Goldman L.* The Social Science Association, 1857–1886: a Contest for Mid-Victorian Liberalism // *English Historical Review*. 1986. Vol. 101. № 398.
26. *Heyck T.W.* The Transformation of Intellectual Life in Victorian England. N.Y.: St. Martin's Press, 1982.
27. *Mirsky D.* *Intelligentsia of Great Britain*. L.: V. Gollancz, 1935.
28. *Roach J.* University and the National Intelligentsia // *Victorian Studies*. 1959. December.
29. *Shils E.* *The intellectuals and the powers, and other essays*. Chicago: University of Chicago Press, 1972.
30. *Socialism and Intelligentsia: 1880–1914* / Ed. by C. Levy. L.: Routledge; N.Y.: Kegan Paul, 1987.
31. *The Mythmakers: Intellectuals and the Intelligentsia in Perspective* / Ed. by R. Mohan. N.Y.: Greenwood Press, 1987.
32. *The Social Movements Reader: Cases and Concepts* / Ed. by J. Goodwin and J.M. Jasper. N.Y.: Blackwell, 2001.
33. *Thomson H.* *The Choice of a Profession*. L.: Chapman and Hall, 1857.
34. *Webb B.* *My Apprenticeship*. N.Y.; L.: Longmans, Green and Co, 1926.

ЖИЗНЕННЫЕ ИДЕАЛЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОЛИТИКЕ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛЫ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ

.....

Е. В. Морозова*

Двадцать лет назад, работая над кандидатской диссертацией по истории, в одном из архивных дел я обнаружила ссылку на исследования П.Н. Колотинского. Статья упомянутого автора была найдена в сборнике трудов Краснодарского педагогического института [2], но о нем самом тогда практически ничего не удалось узнать. Материалы были использованы в диссертационном исследовании, а затем ксерокопия статьи перекочевала в личный архив. Вернуться к ней довелось в конце 1990-х и в 2006 г., когда вместе со студентами и аспирантами-политологами проводился опрос старшеклассников по проблемам формирования политической культуры¹. Тогда и было решено частично повторить вопросы анкеты П.Н. Колотинского.

Петр Николаевич Колотинский родился в 1876 г. в Вятке. Окончил факультет словесности Казанской духовной академии, филологический факультет Казанского университета и курсы экспериментальной психологии в Санкт-Петербурге. Работал учителем в гимназиях Яранска, Майкопа, Екатеринодара. В личном деле, хранящемся в архиве Кубанского государственного университета, рукой самого Петра Николаевича сделана запись: «принимал участие в экспериментах по психологии и педагогике, работал под научным руководством проф. А.П. Нечаева».

Анкетирование учащихся П.Н. Колотинский начинает еще в гимназиях Вятской губернии, а в Екатеринодаре (Краснодаре) он осуществил четыре (в

* Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: morozova_e@inbox.ru.

¹ Автор выражает глубокую благодарность И.В. Самаркиной и Ю.В. Комаровой, которые анкетировали школьников в 1997 г., а также С.Н. Бородиной, проведшей опрос в 2006 г. В обоих случаях опрашивались учащиеся выпускных классов краснодарской гимназии № 36, которую можно считать правопреемницей той школы, в которой проводил исследования П.Н. Колотинский.

1913, 1916, 1921 и 1926 гг.) опроса учащихся выпускных классов одного и того же учебного заведения. Сначала это была женская гимназия, затем советская трудовая школа, основанная на базе гимназии.

П.Н. Колотинский в статье, которая, как оказалось, подводит итоги его опросов, не преувеличивал возможности строго сравнения данных разных волн. Он пишет: «Когда я начинал данную работу, я не имел в виду, что судьба пошлет мне такие, непохожие друг на друга, разнообразные, полные внутренним содержанием и в то же время характерные для переживаемого времени годы» [2, с. 94].

А.Ю. Рожков выяснил, что в 1929 г. П.Н. Колотинский проводил пятую волну, но опубликовать результаты ему не удалось: «Трудно сказать определенно, почему не вышла новая статья. Возможно, еще накапливался материал, и требовалось время для осмысления результатов новых наблюдений. Наиболее вероятной представляется другая версия. В 1928 г. П.Н. Колотинский попадает в поле зрения ОГПУ, фигурируя в материалах следственного дела по так называемому „антипартийному комитету“. До этого он был лишен избирательного права как бывший министр народного просвещения в составе 5-го и 6-го Краевого правительства... Не имея достаточно компромата, ОГПУ в обзоре по психологическому кружку при пединституте смогло вменить в вину П.Н. Колотинскому лишь то, что он, пользуясь доверчивым отношением к себе со стороны молодежи, стремился выявить ее настроения, идеалы и политические убеждения для последующей „соответствующей“ обработки» [3, с. 266–267].

Анкета была достаточно объемной. Исследователь стремился получить глубокие, а не формальные ответы. Обычно он зачитывал анкету всему классу, давал время на обдумывание. Каждый раз в анкету добавлялись новые вопросы, диктуемые конкретным периодом ее проведения. К примеру, в 1916 г. в анкете появились вопросы: «Как я смотрю на войну?», «Как я смотрю на общественную деятельность женщины?», «Что я думаю о самоубийстве?» [2, с. 95].

Вопросы автор объединил в три группы:

- 1) вопросы на выяснение идеалов (о любимых книгах, писателях, героях исторических, литературных и современных, о собственном жизненном девизе и др.);
- 2) вопросы об отношении к школе, о любимых предметах, увлечениях;
- 3) мировоззренческие вопросы (о смысле жизни, отношении к религии, войне и т.д.).

Хотя количество анкетных вопросов, касающихся непосредственно общественно-политических аспектов жизни учащихся, невелико, полные и развернутые ответы, а также комментарии самого автора позволяют получить представление о политических ценностях выпускников. Политика проявляется в ответах на вопросы, далеких от нее самой. Один из учащихся, отвечая в 1926 г.

на вопрос о любимой книге, написал: «Хочу, чтобы была (любимой). — Е.М.) книга «Капитал» Маркса, но пока немного в ней понимаю» [2, с. 116].

Состав опрошенных представлен в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Состав опрошенных учащихся в 1913–1926 гг., чел.

Характеристики респондентов	1913 г.	1916 г.	1921 г.	1926 г.
Всего	46	41	38	46
Пол:				
девушки	46	41*	21	35
юноши			17	11
Социальное происхождение:				
чиновники и дворяне	16	16**		
советские служащие			21	17
купцы	13	10		
духовенство	4	2		
мещане	10	11		
крестьяне	3	3	4	8
рабочие			12	17
прочие			1	5

* Сумма не сходится у автора, см. [1].

** Только чиновники.

Очевидно изменение социально-классового состава учащихся, произошедшее после революции: появилась значительная по количеству группа детей рабочих. Впрочем, автор исследования сомневался в правильности данных 1921 г., полагая, что ответы, по крайней мере, некоторых школьников вызваны защитной реакцией в период, непосредственно следовавший за Гражданской войной, когда вопрос о социальном происхождении напрямую был связан с вопросом о жизни и смерти. Сам П.Н. Колотинский охарактеризовал социальное происхождение опрошенных учеников как мелкобуржуазное [2, с. 96].

Отсюда можно сделать вывод, что к 1921 г. бывшая женская гимназия, превратившаяся в советскую трудовую школу, своего элитарного статуса не утратила.

Разумеется, о корректном сравнении социального состава учащихся 1910–1920-х и 1990–2000-х гг. речи не идет, однако нестрогое сопоставление делать все-таки можно, поскольку отмеченная в 1920-е гг. П.Н. Колотинским «мелкобуржуазность» контингента сохранилась. В последних волнах преобладают учащиеся из семей специалистов (профессионалов) и предпринимателей, т. е. из тех слоев российского общества, которых с большим правом можно отно-

Таблица 2

Состав опрошенных учащихся в 1997 и 2006 гг., чел.

Характеристики респондентов	1997 г.	2006 г.
Всего	36	41
Пол:		
девушки	23	22
юноши	13	19
Социальное происхождение		
<i>Специалисты и предприниматели:</i>	29	32
специалисты государственного управления	3	0
юристы, экономисты, менеджеры	3	11
врачи	7	7
инженеры	8	6
работники высшей и средней школы	5	1
предприниматели	3	7
<i>Остальные:</i>	7	9
военные и работники силовых структур	1	4
работники сферы торговли и услуг	0	1
рабочие	1	0
пенсионеры, безработные	2	0
нет ответа	3	4

силь к среднему классу. Кроме того, в 1997 г. 93 % родителей (отцов и матерей) опрошенных школьников имели высшее образование, 7 % — среднее специальное; в 2006 г. все родители, кроме одного, имели высшее образование.

Современная гимназия привлекает родителей, стремящихся дать своим детям качественное школьное образование и по возможности включить их как можно раньше в социальные сети, которые зачастую оказывают поддержку на протяжении всей жизни. Заметим, что и 30–40 лет назад эта школа считалась элитной, одним из маркеров чего была школьная одежда: когда все школьницы носили немислимо скучные коричневые формы с черными передниками, ученицы 36-й школы щеголяли в темно-синих платьицах в белый горох.

На роль школы как социального лифта обращал внимание и П.Н. Колотинский: «Особенно заметно было это в Кубанской области, где мне пришлось работать в 1909 г. Здесь тоже было много средних учебных заведений по уездным (отдельским) городам и станицам. Также в учебных заведениях много было детей крестьян и мещан. Но здесь еще заметнее было нивелирующее влияние школы. Школа для учащихся в ней создавала в мнении среды привилегированное положение. Гимназист, реалист, гимназистка были уже *паньчи* — бу-

душие паны — самим фактом поступления в среднюю школу, так сказать, порывающие с прежней — низкой уже теперь для них — средой» [2, с. 89].

Предметом своего исследования П.Н. Колотинский считал изучение детских идеалов, их связь со средой, политической и общественной жизнью, со школой, предметами обучения и со всей господствующей системой воспитания [2, с. 91]. Годы проведения опросов весьма знаменательны: 1913-й — последний год процветания империи, канун Первой мировой войны; 1916-й — преддверие революций; 1921-й — первый мирный год после Гражданской войны; 1926-й — апогей нэпа. Мы не стремились приурочить анкетирование школьников к каким-либо памятным событиям, но 1997 и 2006 гг. весьма характерны для президентств Б.Н. Ельцина и В.В. Путина.

П.Н. Колотинский придавал особое значение вопросу о любимых героях школьников. «Герой, будет ли то из литературы, из истории или из современности, это тот идеал, который воплощает в себе все стремления, все лучшее, чем живет человек» [2, с. 103].

Кого же из литературных персонажей школьники считают героем? Ответ на этот вопрос по годам дает табл. 3.

Очевидно, что значение литературы в формировании жизненных ценностей школьников уменьшается: количество названных литературных героев сократилось за столетие в два раза. Старшеклассников начала XX и начала XXI в. объединяет знание русской классики — среди любимых литературных героев столь разных эпох упомянуты Болконский, Базаров, Печорин, Чацкий; причем три последних персонажа — «лишние», или «не нашедшие себя в среде» люди.

Однако историческое время диктует свои ориентиры. Школьники 1910–1920-х гг. читали произведения В.В. Вересаева, С.М. Степняка-Кравчинского, практически не знакомые современным подросткам. Зато в героях у последних оказываются булгаковские Маргарита и Воланд, а также Гарри Поттер и Скарлетт О’Хара. В 1997 г. среди любимых литературных героев был назван Остап Бендер, органично вписывающийся в настроения эпохи транзитивного периода.

Надо сказать, что интерпретировать ответы на, казалось бы, простой вопрос, не так-то легко. Например, П.Н. Колотинский так комментирует выбор своих воспитанников: «Какой бы год мы ни взяли, идеалы — убожество в полном смысле этого слова... большая часть указаний на героев слабых, безвольных, безыдейных...» [2, с. 103]. И тут же пишет, что большинство опрошенных довольствуются тем, что дает школа. Значит ли это, что именно школа (и русская классическая литература?) дает образцы слабых, безвольных, безыдейных? Может значить, если гуманистический заряд русской классической литературы вырвать и без поправок перенести в иной контекст, например, в кон-

Таблица 3

Любимые герои литературных произведений, чел.

Авторы и герои произведений	1913	1916	1921	1926	1997	2006
И.С. Тургенев:						
Базаров	3	1		9	2	1
Инсаров	2	3	4	3	1	
Рудин	4	1	4			
Лаврецкий	1	2				
Л.Н. Толстой:						
А. Болконский	4	4	8	7	2	3
Неклюдов	3	1				
П. Безухов	1		2	2		
Левин	2	2	1			
Вронский	2					
Ростов	1		1			
Ф.М. Достоевский: Раскольников	3		1	1		1
А.С. Пушкин: Онегин	1	7	1		1	
М.Ю. Лермонтов: Печорин	2	3	4	2		1
А.С. Грибоедов: Чацкий	4	3	1		2	1
И.А. Гончаров: Райский	2	1		1		
Е. Чириков: Тарханов		2				
В.В. Вересаев: Чеканов		2				
С.М. Степняк-Кравчинский: Кожухов	1			4		
Н.Г. Чернышевский: Лопухов				2		
М.А. Булгаков:						
Воланд					5	2
Маргарита						2
И. Ильф и Е. Петров: О. Бендер					3	
У. Шекспир: Гамлет	1				2	
М.А. Шолохов: Г. Мелехов					1	1
Дж. Роулинг: Гарри Поттер						3
М. Митчел: Скарлетт О'Хара					4	2
Другие, упомянутые по одному разу	9	2	1	5	11	8
Не указано	13	10	6	4	4	13
Нет таких	10	3	4	12	1	3

текст прагматично жестких рыночных отношений или в контекст решительной борьбы с самодержавием.

Очевидно, что опросы помогли П.Н. Колотинскому зафиксировать разломы, проходившие и сквозь классы женской гимназии, и сквозь классы смешанной советской трудовой школы, потому что рядом с утверждением об убожестве и рабском следовании школьной программе находим признание, которое противоречит утверждению об убожестве: «Развиваются учащиеся гораздо более быстрым темпом, чем прежде, и школа не поспевает за их развитием» [2, с. 103].

Следы отставания школы от развития «недорослей» можно увидеть в том, что в разные годы значительное число учащихся элитного (!) учебного заведения либо вообще не указывали любимых литературных героев (1913, 1916, 2006 гг.), либо прямо отрицали наличие таковых (1913, 1926 гг.). Гарри Поттер и Скарлетт О'Хара в обязательную программу не входят. О том, что вполне развитые и идеалистически устремленные гимназисты могли (могут) находить идеалы не в классике, а в жизни, на дневниковом и автобиографическом материале показано, например, в прошлом номере журнала [1], а также далее в настоящей статье.

Исторических персонажей, которых школьники называли своими героями, П.Н. Колотинский отнес к трем группам: 1) цари и полководцы; 2) деятели ума и науки; 3) люди борьбы против строя, гнета, носители идей, основатели религий. Он был удручен тем, что учащиеся представляют только «внешнюю историю» — историю войн, смены царей и пр. «Историю развития общества, общественной и политической жизни, науки и пр. (школа) почти не затрагивала» [2, с. 107]. Общие данные по всем волнам исследования приведены в табл. 4. Указаны все персонажи, упоминавшиеся более одного раза.

Как видим, Петр I, Екатерина II, А.В. Суворов, Наполеон, Александр Македонский представляют разные исторические эпохи. Поразительно, но даже в советские годы Маркса упоминали лишь единожды, в 1926 г., Ленина — ни разу, зато Сталин оказался любимым героем для четырех современных школьников. Косвенно данные табл. 4 свидетельствуют о постоянном снижении личностного интереса к истории у старшеклассников. Если в 1916 г. было названо 75 исторических лиц (в том числе Гуттенберг, Жанна Д'Арк, Мария Стюарт), то в 2006 г. — всего 10, наименьшее за все волны исследования количество персонажей.

Кого из современников Вы могли бы назвать героем? П.Н. Колотинский возлагал большие надежды на этот вопрос, «ответ на который мог бы дать громадный и очень важный материал для выводов о направленности идеалов учащейся молодежи» [2, с. 107]. Мог, но не дал, — констатирует ученый. Объяснения этому он ищет для каждой волны исследования отдельно. В 1913 г., по его мнению, «жизнь школы шла вне даже той убогой общественной жизни, какая тогда

Таблица 4

Любимые исторические герои по годам, чел.

Герой	1913	1916	1921	1926	1997	2006
Петр I	12	14	14	15	9	10
Наполеон	18	19	4	1	4	
А.В. Суворов	3	3	2			2
М.И. Кутузов			1		1	1
Александр II		3				
Иван Сусанин		2				
Александр Македонский	1	1	3		2	1
Нерон	1		1			
Желябов		2		3		
Гуттенберг	1	1	2			
Жанна Д'Арк	11	15	4			
Екатерина II	9	6	2	2		1
Мария Стюарт	4	4				
Клеопатра				2		1
И.В. Сталин					2	2
Нет	2	3	3	3	1	
Не указаны	16	25	20	23	9	23

была» [2, с. 108]. Многие учащиеся даже не поняли вопроса и ответили, что они не читают современной литературы. 60 % гимназисток так и не назвали никого из современных героев. Указаны были Лев Толстов (10 раз), Горький (2), Арцыбашев, Куприн, великая княгиня Елизавета Федоровна, Эдисон (по разу).

В 1916 г., как пишет П.Н. Колотинский, «с войной школе пришлось выйти из замкнутого состояния. Учащиеся приняли участие в общественной жизни, в учреждениях, вызванных к жизни войной; учащиеся тоже были допущены к участию, правда, в очень скромных размерах, в общественной жизни. Все участвовали в политической жизни, поскольку война касалась всех» [2, с. 109]. Героями-современниками были названы великий князь Николай Николаевич (5), император Николай II (3), генерал Рузский (1), генерал Иванов (1), всякий рядовой солдат (3), Римма Ивановна (сестра милосердия из Севастополя) (2), граф Игнатъев (1), Арцыбашев (1), Толстой (1), Монтессори (1). Из 19 указаний 15 имеют непосредственное отношение к войне.

Опрос 1921 г. продемонстрировал известную политическую дифференциацию учащихся. Героями первой группы стали генерал Корнилов (7), генерал Алексеев (2), деятель Кубанской Рады Калабухов (1), представители второй группы назвали Ленина (3), Луначарского (2), Троцкого (2). Как отмечает ав-

тор, «симпатии к старому и новому делят класс на две почти равных части» [2, с. 109]. Героями-современниками также указаны не имеющие отношения к политике изобретатель Т. Эдисон (1) и Э. Келлер (слепоглухонемая американка, которой удалось достичь успеха в жизни.) Вместе с тем никакого ответа на поставленный вопрос не дали 74 % учащихся. Объяснения умолчания сводятся в основном к двум: отсутствие героев в современной жизни («Теперь все герои, значит, в современной жизни героев нет») и боязнь дать откровенный ответ («Современный герой — уста молчат», «Героев из современности назвать не смею — боюсь попасть кой-куда») [2, с. 109].

Лишь 15 из 46 учащихся в 1926 г. указали на героев-современников. Данные анкет подтверждают эффективность сложившейся к тому времени системы политической социализации в трудовой советской школе: школьники назвали имена Ленина (7), Луначарского (2), Крупской (2), Фрунзе (1), Плеханова (1), Фигнер (2), Горького (1).

Современные школьники выпускных классов далеко не всегда называют героев из числа современников. И в 1997, и в 2006 гг. более 60 % респондентов не назвали ни одного имени. Объяснения таковы: «степень героизма определяется временем», «сейчас люди ищут только личную выгоды и не делают героических поступков», «благородные и честные люди не в почете». Среди героев появляются известные и близкие подросткам люди: мама — «я чувствую себя защищенной, она — мой друг», учителя и врачи — «они помогают». Героями считают целые группы людей: «всех людей, которые пережили Великую Отечественную войну», «никто героического ничего не сделал, кроме несчастных мальчишек в Чечне». Среди названных имен больше всего политиков. В 1997 г. это К. Илюмжинов («добился успеха благодаря незаурядным способностям»), Р. Аушев («смелый, открытый, уважаемый народом, почитает традиции, не отказывается от новшеств») и А. Лебедь. В 2006 г. героями названы В.В. Путин («страну потихоньку вытягивает, стабилизировал экономику, поднял авторитет страны»), С. Шойгу («делает больше, чем говорит») и В. Жириновский. Помимо политиков, школьники указали С. Бодрова, Земфиру, Шумахера (по одному упоминанию).

П.Н. Колотинский ввел в анкету вопрос о жизненном девизе, который, по его мнению, должен характеризовать идеалы учащихся. «Я не скрывал от себя, что возможны случаи, когда учащийся просто укажет изречение, почему-то произведшее на него впечатление, — такие случаи действительно есть, — и то, что иногда названо девизом, характера девиза не имеет. Но мне казалось, что в общем здесь может проявиться со всей обнаженностью, быть может, иногда совершенно невольно, вся физиономия человека» [2, с. 112]. Более половины учащихся ответили на этот вопрос, назвав известные девизы и афоризмы и собственные изречения. Автор свел их к 4 рубрикам:

– альтруистические: «жить для других», «учить народ»;

- эгоистические: «быть богатой», «бери от жизни все»;
- прогрессивные: «вперед без страха», «не падай духом»;
- неопределенные: «все к лучшему», «не все то золото, что блестит».

Соотношения девизов в разные годы представлены в табл. 5.

Таблица 5

Характер жизненных девизов школьников по годам, % от числа респондентов

Девизы	1913	1916	1921	1926	1997	2006
Альтруистические	28	41	27	15	6	7
Эгоистические	18	14	13	26	25	5
Прогрессивные	15	7	32	30	32	40
Неопределенные					20	9

* В данных по 1913–1926 гг., приведенных по [2], доли неопределенных девизов отсутствуют.

При всей условности категоризации девизов (например, девиз «быть счастливым» отнесен к разряду эгоистических) нельзя не увидеть, что П.Н. Колотинский осторожно, ссылаясь на других авторов, высказывает мысль о том, что альтруистические устремления молодежи заглушаются эгоистическими. Но, уточняет он, «понижение альтруистических девизов идет не только за счет увеличения эгоистических девизов, но и за счет увеличения прогрессивных девизов. Вернее будет сказать, что каждое время... имеет свои характерные особенности, которые и сказались на выборе девиза учащимися» [2, с. 113]. Поскольку мы не имеем возможности просмотреть все сформулированные участниками опросов девизы, приведем наиболее интересные, из приведенных в статье П.Н. Колотинского: «Жить надо, в крайнем случае, из любопытства» (1913 г.), «Где трудно дышится, где горе слышится, будь первый там» (1916 г.), «Жить для жизни, а не для могилы» (1921 г.), «Бей сороку и ворону, не зевай» (1921 г.), «Будь за всеми, со всеми, как все» (1926 г.), «Счастлив тот, кто умеет быть одиноким» (1926 г.), «Будь готов, но не в пионерском смысле» (1926 г.)

В опросах 1997 и 2006 гг. жизненные девизы назвали большинство юношей (83 %) и девушек (61 %). Хотя предложенная нашим предшественником классификация девизов не учитывает всю гамму жизненных кредо, мы решили не отступать от нее, чтобы иметь возможность сравнения.

Как видим, альтруистов среди краснодарских старшеклассников рубежа XX–XXI вв. остались единицы, но они есть и формулируют следующие жизненные девизы: «Жить не только для себя, но и для других», «Учиться, помогать другим», «Ничего кроме справедливости». Всплеск эгоистических девизов в 1997 г. не может удивить. Выставленные на публику атрибуты больших состояний пленяют подростков, и, отвечая на вопрос о жизненном кредо, они пишут: «Бриллианты — лучшие друзья девушек», «Бриллианты никогда не бывают

большими», «Бороться и искать, найти и перепрятать», «Если я не за себя, то зачем же я?».

Количество прогрессивных девизов остается стабильно высоким, большинство их включает понятие цели: «Поставить цель и идти до последнего за ней», «Добиваться целей, не искать легких путей». В формулировках звучат прежде всего возрастные характеристики — максимализм, вера в будущее и свои силы: «Быстрее, выше, сильнее», «Упал, вставай, иди!», «Не отступать, а напролом», «Никогда не сдаваться», «Нет ничего невозможного», «Не унывать и никого не бояться». В разряд неопределенных мы отнесли в основном девизы двух категорий: отражающие настроения или увлечения («Наша крыша — небо голубое», «С музыкой по жизни», «А мне летать охота») и нравственные ценности («Как можно меньше лгать», «Уж лучше голодать, чем что попало есть, и лучше одному, чем вместе с кем попало»). В целом старшеклассники, в сравнении со своими сверстниками начала XX в., чаще выбирают девизы, носящие инструментальный, а не ценностный характер. Поскольку эта тенденция наметилась уже в 1926 г., то можно связать ее не столько с конкретными политическими условиями того или иного периода, сколько с начавшимся в тот период демографическим сдвигом, утверждением стиля жизни, свойственного индустриальной эпохе. Но на современных школьников влияет, видимо, и тот ценностный вакуум, в котором проходит их социализация. «Упал, вставай, иди!» — это кредо деятельного человека, нет сомнения. Куда идти — каждый решает сам.

П.Н. Колотинский не задавал своим воспитанникам вопросов, напрямую касающихся политики и отношения к ней. Мы же использовали проективную методику — просили школьников продолжить фразу «Люди становятся политиками, потому что...», которая позволила выделить следующие мотивы политической деятельности (табл. 6):

Таблица 6

Мотивы участия в политической деятельности в представлении школьников,
% от числа респондентов

Мотивы	1997 г.	2006 г.
Идеалистические	31	32
Прагматические	25	63
Компенсаторные	8	2
Самореализации	33	15

– идеалистические («хотят решать проблемы страны», «хотят что-то изменить в стране и мире», «хотят доказать: вот они только воруют, а я сделаю страну лучше», «хотят справедливости»);

- прагматические («им нужна крыша», «хотят денег и власти», «хотят хорошо кушать», «заплатят кому надо», «нуждаются в неприкосновенности», «у них есть связи»);
- компенсаторные («больше никуда не взяли», «им больше делать нечего»);
- мотивы самореализации, самоутверждения («хотят чего-то достичь, самоутвердиться», «их интересует политика», «им это интересно»).

Очевидно, что большинство старшеклассников «реалистично» представляют мотивы профессионального участия в политике. Именно профессионального, поскольку идея активного участия граждан в политике поддержки не находит (табл. 7). Гражданская доблесть не слишком обременительна и ограничивается соблюдением общепринятых правил общежития и законов. Даже голосование гражданской обязанностью посчитало меньшинство, а на необходимость активно участвовать в политике указали единицы, что отражает уровень политической активности по стране, фиксируемый массовыми опросами.

Таблица 7

Ответы на вопрос «Что, по Вашему мнению, означает быть гражданином?»,
% от числа респондентов

Категории ответов	1997 г.	2006 г.
Просто быть честным и порядочным человеком, не вмешиваться в политику	34	32
Не нарушать закон	17	34
Исполнять обязанности, указанные в Конституции	11	39
Голосовать на выборах	0	17
Участвовать в деятельности партий, общественно-политических объединений	3	2
Другое	36	10

В категорию «Другое» были отнесены самые разные ответы: альтруистической (патриотической) направленности — «быть патриотом», «защищать свою страну»; либеральной, индивидуалистической — «знать свои права». Кто-то написал, что выражение «быть гражданином» для него вообще ничего не значит, кто-то понимает гражданство как «простое подчинение», кто-то — как «умение нарушать закон, но так, чтобы никому не мешать». В последнем случае можно видеть реализацию известной максимы «живи, и дай жить другим».

Вопросы о влиянии, которое на политику оказывают родители и которое будут оказывать сами школьники в будущем, ставились в открытой форме. Это дало возможность учесть не только общий смысл ответов (таблица 8), но и пояснения к ним, среди которых встретились и категорические «нет» («там и без них все уже решено»), и категорические «да» («хочу стать губернатором Кубани»).

Таблица 8

Оценка влияния на политику, % от числа респондентов

Есть ли влияние на политику	Влияние родителей		Свое влияние в будущем	
	1997 г.	2006 г.	1997 г.	2006 г.
Есть	17	10	17	10
Скорее есть	6	3	28	17
Скорее нет	17	3	14	24
Нет	58	68	33	42
Нет ответа	3	17	3	7

Мы видим, сколь велик разрыв между идеалистическими представлениями о том, что значит быть гражданином, и достаточно пессимистической оценкой влияния своих родителей и своего в будущем влияния на деятельность властей и на политику. Правда, школьники считают, что сами они на политику будут влиять все-таки больше, чем их родители.

Отношение к политике опрошенных выпускников одного из старейших учебных заведений Екатеринодара-Краснодара противоречивое. С одной стороны, выпускники считают предназначением политики согласование различных общественных интересов (именно так написано в учебнике по обществознанию), а с другой — большинство полагают, что политиками становятся, преследуя собственные интересы. Представления об обязанностях гражданина сводятся к необходимости соблюдать закон и самые общие правила общежития, но при этом лишь треть выпускников уверены, что в будущем они смогут влиять на политику.

Наблюдения показывают, что политический рынок середины 1990-х гг. был более открыт для конкуренции, тогда как в 2006 г. он принял олигополистический характер, и вхождение в него требует несоизмеримо больших ресурсов. Неудивительно, что современные подростки политику начинают воспринимать как закрытую сферу профессиональной деятельности, требующей определенной мотивации, специальной подготовки и не предполагающей широкого публичного участия.

Разумеется, все наблюдения и гипотезы ограничиваются рамками конкретной гимназии, одной из самых престижных и известных в городе. Возможно, анкетирование учащихся в обычной общеобразовательной школе позволило бы скорректировать наши оценки.

Подводя итоги своего исследования, П.Н. Колотинский пишет: «Наиболее подходящее слово для выражения общего состояния идеалов и интересов нашей молодежи, вообще ее мировоззрения — хаос. Можно взять почти любую анкету из какого угодно года, чтобы убедиться в этом» [2, с. 154]. Объяснения этим противоречиям автор находит в следующем: во-первых, молодость —

время формирования идеалов, поиска собственного Я; во-вторых, школа «совершенно отступилась от руководства учащимися», «школа стоит еще на распутье, когда старое поломано, но еще окончательно не изжито, а новое еще только создается» [2, с. 89]. Наконец, «среда и школа не идут рука об руку» [2, с. 154], результаты стихийной социализации и целенаправленного школьного воспитания нередко ведут к полярным результатам.

Сравнение данных П.Н. Колотинского и современных опросов показывает, что нынешние выпускники меньше разделяют альтруистические ценности, они более прагматичны и целеустремленны. У поколений, разделенных столетием, разные герои, при том, что нынешнее поколение часто не находит своих героев ни в литературе, ни в истории, ни в современной жизни. Можно ли назвать состояние идеалов и интересов современных школьников хаосом? По данным анкетирования столь серьезные выводы едва ли возможны.

В заключение приведем выдержки из нескольких современных анкет, которые представляются очень показательными.

Юноша, 17 лет. Мать — преподаватель, отец — предприниматель. Любимый литературный герой — Воланд, исторический — Александр Македонский. Могли бы Вы назвать героем кого-либо из наших современников? — «Никто. Мир погряз в грязи». Жизненное кредо: «Ничего, кроме справедливости». В чем Вы видите цель Вашей жизни? — «Оставить что-то после себя». Какой из афоризмов более точно отражает Ваше отношение к власти и политике? — «Моя хата с краю». Что, по-вашему, означает быть гражданином? — «Просто быть честным и порядочным человеком, не вмешиваясь в политику». Люди становятся политиками, когда «заплатят, кому надо».

Юноша, 16 лет. Родители — юристы. Любимый исторический герой — Александр Македонский. Жизненное кредо — «Быть всегда первым». В чем Вы видите цель Вашей жизни? — «Любыми средствами постараться получить хоть частичную власть и кучу денег». Какой из афоризмов более точно отражает Ваше отношение к власти и политике? — «Дайте человеку власть, чтобы узнать, кто он на самом деле». Что, по-вашему, означает быть гражданином? — «Исполнять обязанности, указанные в Конституции». Люди становятся политиками, потому что «не хотят оставаться в стороне, хотят сами вершить судьбу страны».

Девушка, 16 лет. Мама — домохозяйка, отец — наладчик ЭВМ. Любимый литературный герой — отец Скарлетт О'Хара, исторический герой — отец Марина Мнишек. Героя-современника назвать затруднилась. Жизненное кредо: «Бороться и искать, найти и перепрятать», «Как можно меньше лгать». В чем Вы видите цель Вашей жизни? отец «Получить образование, найти работу, отблагодарить своих родителей за все, что у меня есть». Какой из афоризмов более точно отражает Ваше отношение к власти и политике? — «А судьбы кто?» Что, по-вашему, означает быть гражданином? — «Исполнять обязанности, ука-

занные в Конституции, если это не противоречит Вашим моральным принципам». Люди становятся политиками, потому что «хотят власти и денег, за редким исключением — помочь улучшить состояние государства». Какой вопрос, на Ваш взгляд, следует добавить в анкету? — «Верите ли Вы, что существующая система изменится к лучшему? Ответ: Я — да!»

Библиографический список

1. *Бушмаков А.В.* Повседневность провинциального гимназиста в начале XX века // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3.
2. *Колотинский П.Н.* Опыт длительного изучения мировоззрения учащихся выпускных классов // Труды Кубанского педагогического института. Краснодар, 1929. Т. 2–3.
3. *Рожков А.Ю.* Изучение читательских интересов кубанских школьников 1910–1920-х годов: опыт П.Н. Колотинского // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Краснодар, 2005. Вып. 3.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ: АКТУАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ИССЛЕДОВАНИЯ

.....

И. В. Самаркина*

Политическая система устроена так, что для сохранения внутреннего равновесия вынуждена постоянно «воспроизводить» лояльных граждан. Невыполнение этой функции ведет к сбою, конфликтам и кризису системы. Процесс политической социализации уже давно находится в центре научного интереса политологов: с середины XX в. — зарубежных и почти два десятилетия — отечественных. К настоящему моменту в зарубежных и российских исследованиях довольно подробно описаны теоретические аспекты проблемы (модель, механизмы, условия, институты и агенты, типы политической социализации); исследованы особенности этого процесса, различные аспекты деятельности институтов и агентов политической социализации в постсоветском обществе. Подавляющее большинство исследований фокусируется на политической социализации детей и молодежи.

Создается впечатление, что старшие поколения остались вне поля интереса отечественных ученых. Вместе с тем очевидно, что при изменении типа политической системы именно старшие поколения сталкиваются с необходимостью адаптации к новым политическим реалиям, новым ценностям, декларируемым властью, новым нормам и правилам политической игры. Этот процесс внутриличностных политических изменений чрезвычайно болезнен, сопровождается психологическим стрессом и, как правило, протекает на фоне общего социального кризиса. Хотя и в разной степени, но он охватывает практически все взрослое население страны.

Цель данной статьи — не столько показать актуальность изучения процессов политической ресоциализации в современной России (вряд ли существу-

* Самаркина Ирина Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления КубГУ. Электронная почта: smrkn@mail.ru.

Автор выражает искреннюю признательность доктору Зви Гительману (Мичиганский университет, США) за любезно предоставленные материалы и ценные замечания.

ет необходимость в доказательстве очевидного), сколько описать проблемное поле исследований политической ресоциализации и сформулировать актуальные исследовательские вопросы. Очевидно, что сегодня в этом поле больше вопросов, чем ответов. Будем исходить из того, что обозначить проблему — значит сделать первый шаг к ее решению.

Первый вопрос, находящийся в поле изучения политической ресоциализации, — о содержательном наполнении терминов «ресоциализация» и «политическая ресоциализация». Проблемы при интерпретации понятия возникают из-за того, что термин «ресоциализация» (наряду с терминами «социализация» и «десоциализация») используется различными социально-гуманитарными дисциплинами (юриспруденцией, социальной психологией, педагогикой, социологией, политической наукой), при этом смысловое наполнение термина зачастую имеет заметные отличия.

Приставка *ре-* в переводе с латинского может иметь несколько значений:

а) возобновление или повторение какого-либо действия, в этом смысле ресоциализация может пониматься как повторная социализация;

б) противоположное действие или противодействие, тогда ресоциализацию можно рассматривать как «усвоение ценностей и норм, противоположных тем, что были усвоены ранее» [2, с. 1536].

Наиболее общее определение термина «ресоциализация» — усвоение новых ценностей, ролей, навыков взамен прежних, неправильно усвоенных, устаревших, или же в связи с переходом в принципиально иные социальные условия.

В *психологию* термин «ресоциализация» впервые был введен американскими социальными психологами А. Кеннеди и Д. Кербером для обозначения процесса *вторичного* вхождения индивида в социокультурную среду в результате *дефектов* предшествующей социализации (ресоциализация освобожденных из мест лишения свободы) или в результате смены социокультурного окружения (ресоциализация мигрантов). Сегодня этот термин в социальной психологии понимается достаточно широко и вне специфики субъектов процесса — как осознанное изменение поведения человека в ситуации очевидного социального неуспеха [2, с. 31].

Психолого-педагогический подход предполагает понимание ресоциализации как «целенаправленной, комплексной, педагогически ориентированной системы воспитательного воздействия, направленной на преодоление у социально-неадаптивной личности асоциальных и создание социально-нравственных установок поведения и деятельности» [5]. В рамках этого подхода процесс ресоциализации аналогичен процессу социализации личности, в которой последняя выступает как действующий субъект. В итоге ресоциализация понимается не только как процесс, но и как результат.

В *социальной и культурной антропологии* трактовка термина «ресоциализация» близка по содержанию термину «адаптация». Ресоциализация рассматривается как процесс освоения новой социокультурной среды, который предполагает интеграцию в систему общественных отношений, удовлетворенность субъекта своим материальным положением, чувство эмоционального комфорта [26, р. 46]. При этом подчеркивается длительность этого процесса и его стадийность: от этапа «медового месяца» через «культурный шок» к восстановлению и налаживанию контактов в новой социокультурной среде и возвращение в состояние эмоционального комфорта [24, р. 6].

Социологи предлагают рассматривать ресоциализацию как одну из сторон взрослого этапа социализации. При этом отучение от старых ценностей, норм, ролей и правил поведения называется десоциализацией. Следующий за ним этап обучения новым ценностям, нормам, ролям и правилам поведения взамен старых называется ресоциализацией [8, с. 23]. Ресоциализация, таким образом, выступает как коррекция отклоняющегося от нормы процесса социализации [7, с. 14].

В *юридических науках* ресоциализация понимается как процесс повторного вживания бывшего преступника в систему представлений о ценностях, существующих в обществе.

В *политической науке*, как уже отмечалось, традиционно делается акцент на изучении политической социализации молодого поколения. Ресоциализация понимается как синоним «обратной социализации». Этот процесс играет ключевую роль на этапе вторичной политической социализации, т. е. на таком этапе деятельности человека, когда он, освоив приемы переработки информации и осуществления ролей, способен противостоять групповому давлению и в индивидуальном порядке пересматривать идеологические позиции, производить переоценку культурных норм и традиций [14, с. 392].

В *политико-психологических* исследованиях ресоциализация трактуется не просто как процесс освоения новых социальных ниш, а как процесс переучивания того, что было прочно усвоено в детстве и юности и что составляло фундамент личности [16, с. 274].

Обзор подходов к определению термина «ресоциализация» в разных социально-гуманитарных науках позволяет выявить различия в трактовках и специфику политологического взгляда.

В социальной педагогике и юриспруденции ресоциализация понимается как переход от асоциального состояния к состоянию социальной адаптации. При этом теоретические и практические задачи исследований связываются с поиском институтов и агентов, которые бы позволили этот процесс максимально оптимизировать. Например, в центре педагогической концепции А.С. Макаренко находится коллектив, осуществляющий процесс социальной реа-

билитации трудных подростков, т. е. выступающий основным институтом ресоциализации [3]. В этом контексте субъект выступает носителем асоциальных норм, чье поведение так или иначе угрожает социуму. Рассматривая политическую ресоциализацию, вряд ли уместно говорить об «асоциальности» и даже об «аполитичности» субъекта.

Если политическая социализация (на уровне индивида) представляет собой «перевод» требований системы в структуру личности, интериоризацию ее основных политико-культурных компонентов [17, с. 178] — когнитивного, аффективного и оценочного, то необходимость повторного «перевода» — необходимость политической ресоциализации — возникает при изменении внешней (для субъекта) среды, т. е. в первую очередь при изменении политической системы. Возникает вопрос: как трактовать изменение идеологических и партийных предпочтений человека от выборов к выборам? Как результат политической ресоциализации или как отражение динамики политического сознания?

Таким образом, мы понимаем *политическую ресоциализацию как процесс и результат интериоризации изменившихся норм и ценностей политической системы, повлекший за собой трансформацию базовых политических ценностей личности, усвоенных в период ранней политической социализации.*

Ответ на вопрос о содержательном наполнении термина влечет за собой цепочку новых вопросов. Прежде всего, вопрос о базовых политических представлениях личности, к которым происходит возврат в случаях дисфункций системы, затрудняющих передачу политических ценностей новым поколениям и дезориентирующих уже сложившихся граждан [21]. Какие именно политические представления и установки считать базовыми?

Как измерить (определить) степень эффективности (успешности) политической ресоциализации? Можно ли говорить о завершенности политической ресоциализации и при каких условиях? Один из возможных ответов предлагает З. Гительман [22], изучавший процессы политической ресоциализации иммигрантов и предложивший использовать индекс интеграции иммигрантов в общество для прогнозирования их поведенческих моделей. На коэффициент интеграции в его исследовании влияли такие переменные, как язык, имеющийся опыт (background), возраст, социальная идентификация. Насколько применим этот подход к исследованию политической ресоциализации в России? Какие факторы и агенты влияют на процесс политической ресоциализации? Есть ли отличия в механизмах их влияния по сравнению с ранней социализацией? О. Брим указывает на существенные отличия в характере отношений между социализирующим и социализирующимся: связь между ребенком и агентом социализации более эмоциональна, и агент имеет больше возможностей использовать свою власть, тогда как агент ресоциализации (социализации взрослых)

обычно апеллирует к разуму, а не к эмоциям и использует власть только в крайнем случае [20, p. 558].

Подобно процессу политической социализации, политическая ресоциализация может рассматриваться на трех уровнях: на уровне индивида, на уровне социальной группы и на уровне общества, что влечет за собой новые вопросы. Может ли (способна ли) личность пережить несколько волн политической ресоциализации? Если да, то какой слой ценностей остается неизменным? Какие личностные характеристики значимо влияют на политическую ресоциализацию? Какова степень рациональной/нерациональной «инвентаризации» убеждений?

Еще вопрос: какова глубина процессов политической ресоциализации в разных возрастных когортах? Социология поколений [9] позволяет зафиксировать эти отличия, но не позволяет зафиксировать глубину внутриличностных изменений.

Какие факторы и механизмы влияют на процесс политической ресоциализации на уровне социальной общности? Какие социальные общности в первую очередь могут или должны стать объектом научного анализа?

Объектом научного анализа становятся социальные группы, которые влияют на социальную стабильность общества. Зарубежные исследования социализации взрослых, как правило, посвящены политической ресоциализации иммигрантов, т. е. людей, для которых внешняя среда кардинально изменилась в связи со сменой места жительства. Работы, в которых анализируется процесс политической ресоциализации иммигрантов из Советского Союза или стран социалистического лагеря в США, Канаду, Скандинавские страны, представляют особый интерес [19; 22; 23].

Доказано, что иммигранты действительно переживают процесс политической ресоциализации. Пребывание в новой социально-политической системе приводит к изменению системы взглядов на политику: сильнее всего меняется отношение к отдельным политическим вопросам и проблемам, в меньшей степени — отношение к абстрактным политическим идеям и еще в меньшей степени — фундаментальные ориентации относительно мира политики. Самыми устойчивыми составляющими личности оказались властные установки. Выявлено, что в разных социальных группах значимыми оказываются разные агенты политической социализации. Опыт, полученный в иной политической системе (background), долгое время (от 3 до 7 лет) оказывает влияние на восприятие политики и политическое поведение [25, p. 18].

Канадским исследователям [19] удалось установить зависимость между несколькими переменными: страной (а точнее, типом политического режима: демократическим или недемократическим) исхода, временем, прошедшим с момента иммиграции, и уровнем доверия к политическим институтам прини-

мающей страны. Всплеск доверия и высокая удовлетворенность тем, как действуют политические институты в новой стране пребывания, характерные для иммигрантов, живущих в стране не более 5 лет, были названы исследователями «эффектом медового месяца» (honeymoon effect). Этот эффект характерен для иммигрантов из стран с недемократическим режимом. Описана также динамика изменения отношения к политическим институтам, позволяющая проследить процесс политической ресоциализации в рамках системного анализа политики.

В политической жизни постсоветской России ввиду объективных изменений системы политических ценностей несколько поколений граждан оказались «иммигрантами из прошлой системы». Поэтому в фокусе внимания исследователей могут находиться процессы политической ресоциализации представителей разных возрастных когорт, а также отдельных социальных групп, значимо влияющих на стабильность политической системы.

В современном российском обществе одной из таких социальных групп являются педагоги, школьные учителя и преподаватели вузов, поскольку именно они, по словам К. Маркса, «обрабатывают человеческие головы» [11, с. 517].

Обучение социальным и политическим нормам и передача ценностей не может быть изолированным процессом или предметом, который проходят каждый день по расписанию. Процесс политической социализации, в частности, усвоение взаимоотношений между субъектом и объектом властных отношений в школе, связан практически со всем, что делают учащиеся: они учатся на том, как с ними общаются учителя, как учителя общаются друг с другом. Они учатся на отношениях школьной администрации и учителей. Они учатся на тех видах деятельности, в которых участвуют, на тех обязанностях, которые возлагаются на них. Учащиеся учатся на свободе, которая им предоставляется, и на ограничивающих их правах [6, с. 45].

Осуществляя функцию агента политической социализации, учитель выступает в нескольких ролях: как организатор учебного процесса, как предметник, как классный руководитель. Реализация этих ролей лежит в основе того влияния, которое ценностные ориентации педагогов и их взгляды на политику оказывают на школьников. Исследования показывают, что учителя стабильно интересуются политикой. Например, в 1989 г. интерес к политике проявляли 96 % учителей Петербурга, в 1993 г. — 93, в 1994 г. — 90 % [15, с. 205]. И в этом смысле их влияние на политические ориентации учащихся может быть весьма существенным. Однако общеизвестным фактом считается лояльность большинства учителей политической системе. «В этом смысле учительская страта была, есть и будет консервативно настроенной по отношению к любым революционным изменениям» [15, с. 203]. При переходе к новой социально-политической системе в стране средняя общеобразовательная школа по-прежнему транслировала систему традиционалистских советских ценностей. Именно они и состав-

ляют то ценностное ядро, которое в итоге определяет политические взгляды выпускников современных российских школ [13, с. 251].

Интерес современной политической науки к процессам социализации детей и молодежи оправдан и объясним. Тем более что «вводят» младшее поколение в политическую систему (действуют как агенты политической социализации) те самые переживающие «внутриличностные политические изменения» учителя, преподаватели, активисты и партийные функционеры, бюрократы, журналисты и т.п. Уже только этот аспект проблемы, на наш взгляд, говорит о ее актуальности, о необходимости создавать эффективную систему адаптации граждан и их политической ресоциализации.

Изучение механизма, самого процесса и результатов политической ресоциализации старших поколений поможет пролить свет на многие проблемы современной политической теории и политической практики. Одна из таких проблем состоит в том, что большая часть агентов политической социализации, осуществляющих этот процесс целенаправленно в рамках системы образования (учителя средних школ, преподаватели средних и высших профессиональных учебных заведений), являются «продуктами» политической ресоциализации. В этом, возможно, истоки «негармоничной политической социализации» в постсоветской России. Задача государства — формирование непротиворечивой картины мира у людей, которые, по словам К. Мангейма, «создают для общества интерпретацию мира» [10, с. 15], в том числе мира политики для молодого поколения.

Изучение политической ресоциализации на уровне общества также предполагает и ответы на ряд вопросов. Эти ответы может дать изучение социально-политической трансформации в разное время и в разных политических системах. История демонстрирует нам широкий спектр разных по жесткости механизмов массовой ресоциализации граждан. В послереволюционной Советской России, когда поддержка политической системы не могла быть сформирована в краткие (установленные системой) сроки, государство принимало решение о физическом уничтожении класса (слоя, группы, личности). Со временем сложилась более мягкая система формирования политической поддержки взрослых — система политического и идеологического просвещения СССР. Как отмечалось, многие страны, переживающие массовые наплывы иммигрантов, создают государственные программы их адаптации, которые выполняют и функцию политической ресоциализации.

Отдельно в этом ряду кейсов стоит группа работ, описывающая «экстремальные» формы политической ресоциализации в немецких концентрационных лагерях, приводившие заключенных к необратимым личностным деформациям (см., например, [4]).

И, пожалуй, самым интересным для исследователя является вопрос о практическом значении изучения политической ресоциализации. Зачем это нужно с

точки зрения реальной политики? Насколько обоснованны упреки некоторых авторов о том, что «разговоры о политической социализации, которые ведутся в рамках современного обществоведения, из-за своей оторванности от реалий политической жизни мало влияют на политическую культуру населения» [1, с. 125]? Очевидно, что в связи с массовым характером процессов политической ресоциализации в постсоветской России возникла необходимость построения эффективно работающей системы соответствующих институтов, которая, по словам А.И. Щербинина, в России находится еще в эмбриональном состоянии [18, с. 16].

Библиографический список

1. *Ануфриев Е.А.* Политическая педагогика в гуманитарном образовании современной России // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2001. № 4.
2. *Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.В.* Социальная психология личности. М.: Аспект пресс, 2001.
3. *Беличева С.А.* Ресоциализация как организованный социально-педагогический процесс // <http://www.ergeal.ru/txt/archive/psy/book1/IV5.htm>
4. *Беттельхейм Б.* Люди в концлагере // Психология господства и подчинения. Минск: Харвест, 1998 (<http://vapp.ru/docs/psygosp/bettel/>).
5. *Гостунская Я.И.* К вопросу о содержании термина «ресоциализация» // Материалы IV региональной научно-технической конференции «Вузовская наука — Северо-Кавказскому региону». Ставрополь: СевКавГТУ, 2002 (<http://www.nestu.ru>).
6. Гражданское образование: содержание и активные методы обучения / Под ред. С. Шехнера и Н. Вознесенской. М.: Учительская газета, 1997.
7. *Ковалева А.И.* Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социс. 2003. №3.
8. *Кравченко А.И.* Культурология: Учеб. пособие для вузов. 3-е изд. М.: Академический проект, 2001.
9. Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: НЛО, 2005.
10. *Манхейм К.* Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23.
12. Ре... // БСЭ. М., 1975. Т. 21.
13. *Собкин В.С.* Старшеклассник в мире политики: Эмпирическое исследование. М.: Центр социологии образования РАО, 1997.
14. *Соловьев А.И.* Политология: Политические теории и политические технологии. М.: Аспект пресс, 2002.
15. Учитель. Школа. Общество. Социологический очерк 90-х гг. СПб.: СПбГУПМ, 1995.
16. *Шестопал Е.Б.* Политическая психология: Учебник для вузов. М.: ИНФРА-М, 2002.

17. *Шестопал Е.Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х.: Теоретические и прикладные аспекты политической психологии. М.: РОССПЭН, 2000.
18. *Щербинин А.И.* Политическое образование. М.: Весь мир, 2005.
19. *Bilodeau A.* Political Trust for a New Regime. The Case of Immigrants from Non-Democratic Countries in Canada: Paper prepared for delivery at 2003 Annual Meeting of the Canadian Political Science Association at Halifax, May 30th (<http://www.cpsa-acsp.ca/paper-2003/bilodeau.pdf>).
20. *Brim O.* Adult Socialization // International Encyclopedia of the Social Science / Ed. by D.L. Sills. L.: Macmillan; N.Y.: The Free Press, 1968. Vol. 1.
21. *Easton D., Dennis J.* Children in Political System. N.Y.: McGraw-Hill, 1969.
22. *Gitelman Z.* Becoming Israelis: Political Resocialization of Soviet and American Immigrants. N.Y.: Praeger, 1982.
23. *Hammar T.* Political Resocialization of Immigrants. Stockholm: Stockholm University, 1976.
24. *Richardson A.* A Theory and a Method for Psychological Study of Assimilation // International Migration Review. 1967. Vol. 2. № 1 (Fall).
25. *Shuval J., Markus E., Dotan J.* Patterns of Integration over Time: Soviet Immigrants in Israel. Jerusalem: Israel Institute of Applied Social Research, 1975.
26. *Taft R.* From Stranger to Citizen. L.: Tavistok Publication, 1966.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ: СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И УРОВНИ СУБЪЕКТНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП В ПОЛИТИКЕ

.....

И. В. Мирошниченко*

Социальные субъекты выступают одновременно носителями качественных (содержательных) характеристик политической культуры и агентами ее формирования, воспроизводства и изменения. Тривиальное теоретическое различие индивидуальных и коллективных социальных субъектов приводит к постановке нетривиальной задачи: дать теоретически релевантное описание процесса, в ходе которого из отдельных индивидов формируется коллективный субъект политического действия. Очевидно, что в интеракционистской парадигме процесс формирования коллективного субъекта можно одновременно осмысливать и как формирование политической (суб)культуры, и как процесс политической социализации разделяющих ее индивидов. В процессе формирования коллективного субъекта мы выделили три этапа [18, гл. 1].

Первый этап *освоения* человеком политической культуры и соприкосновения с политической жизнью происходит через политическую повседневность. Условно этот этап можно обозначить как латентный. Содержанием политической повседневности служит набор ситуативных социальных ролей, в которых протекает общественно-политическая жизнь индивида. Данный набор представлен поведенческими стандартами, которые являются необходимым условием социализации индивида в качестве гражданина. Человек осознает себя гражданином государства, будучи налогоплательщиком, избирателем, военно-обязанным и т.д., при этом он выполняет стандартные поведенческие процедуры, не особенно задумываясь над их назначением. По мнению В.Ю. Шпака и А.И. Пономаренко, «такие стандарты содержат в себе определенную апел-

* Мирошниченко Инна Валерьевна — канд. полит. наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: mirinna78@mail.ru.

ляцию к латентным представлениям о политической сфере жизни общества». Следуя поведенческим стандартам, индивид опирается на свои представления о том, зачем нужно платить налоги, голосовать на выборах, служить в армии [29, с. 32]. Тем самым он формирует свое первичное отношение к политической системе общества. Изначально такое отношение носит в большинстве случаев неререфлективный характер, т. е. не осознается индивидом в ясной понятийной форме, однако отчетливо фиксирует оценочные «позитивные» или «негативные» ориентации.

Второй этап *включения и позиционирования* в политику связан с существованием различных социальных общностей и позиционированием по отношению к ним индивида. Политическая культура, по сравнению с другими видами культур, имеет более ограниченные возможности для индивидуализации. Человек активно вовлекается в общественную жизнь и в политику не в качестве изолированного индивида, но путем установления формальных и неформальных, социально-психологических связей с другими людьми, с группой. Он позиционирует себя, определяет, какое место в обществе занимает, усваивает набор социальных ролей, связанный с таким местом, формирует нормативно-оценочное отношение к своему положению.

Представления человека о себе, о своем месте в мире формируют модели индивидуального и группового поведения. Они определяют не только социальное позиционирование индивида, но и особенности политических институтов и структур гражданского общества, механизмы представительства интересов и характер политического участия, т.е. в конечном счете социальный климат в обществе. Основным же механизмом социальной идентификации — соотнесение личных интересов, ценностей и моделей поведения с интересами различных общностей, которые могут быть либо «своими», либо «чужими», либо проблематичными по своему характеру. Причем ввиду множественности социальных ролей, в которых выступает один и тот же человек, система самоидентификации всегда носит иерархический характер, и принципиальное значение имеет вопрос о том, в какой последовательности соотносят себя люди с различными общностями.

По мнению В.А. Ядова, с середины 1990-х гг. отмечается стабильное доминирование самоидентификаций с первичными группами и общностями над вторичными, отражающее уход людей в приватную жизнь, в насущные, повседневные заботы. Под первичными группами автор понимает группы повседневных практик, к которым он относит семью, друзей, представителей одного поколения или одной профессии, товарищей по работе. Под вторичными (воображаемыми или конструируемыми) общностями подразумеваются такие общности или группы, которые созданы в сознании людей средствами СМИ или межгрупповой коммуникацией. Вторичные общности составляют люди,

имеющие тот же достаток, национальность, взгляды, ориентации, интересы [30, с. 167–168].

В постсоветском российском обществе профессиональная идентификация, как показывают исследования, занимает одно из лидирующих мест [6, с. 78] на фоне утраты географических и гражданских статусов социальной идентичности россиян. Это объясняется стремлением человека в периоды острого кризиса восстановить свой жизненный мир сопричастностью близким, «своим». По социологическим данным, которые приводит Е.Н. Данилова, такая структура иерархии социальных идентификаций сохраняется и в 2000-е гг. [7, с. 361].

Формирование профессиональной идентичности тесно связано с профессиональной деятельностью и профессиональной социализацией человека, который большую часть общего времени в зрелом возрасте проводит на работе. Как показывают проведенные нами исследования, для большинства членов социально-профессиональных групп трудовой коллектив является «второй семьей», где обсуждаются и решаются не только профессиональные вопросы, но и личные, бытовые проблемы. Согласно данным опроса, полученным в результате реализации проекта «Томская инициатива», в 2001 г. работа по степени важности у россиян уступала лишь семье и дому среди различных сфер жизнедеятельности человека (см. таблицу) [2, с. 168].

Оценка важности различных сфер жизнедеятельности, %

Сферы жизнедеятельности	Очень важно
Семья, дом	87,5
Работа	72,9
Образование	59,2
Друзья и знакомые (круг общения)	57,8
Досуг, отдых, развлечения, спорт	36,3
Карьера	18,4

В процессе профессионального становления «происходит накопление фиксированных знаний и социальных регуляторов в данном профессиональном сообществе» [9, с. 184], что значительно влияет на восприятие и познание человеком мира, в том числе и политического [19]. Любая профессия, любая специальность как вид деятельности предъявляют к личности человека определенные требования, накладывают свой отпечаток на образ жизни работника и его облик. Особенности профессиональной деятельности ставят перед человеком одни и те же повторяющиеся задачи. Их ежедневное решение на протяжении длительного периода формируют не только определенные профессиональные знания, умения и навыки, но и профессиональные привычки, определенный склад мышления, столь же определенные качества личности [15, с. 115].

Кроме того, в каждой профессии особое значение придается различным личностным качествам, в том числе и моральным. Так, например, Р. Рюттингер [24] считает, что в качестве нормативных личностных характеристик в торговле рассматриваются высокая активность, дружелюбие, обаяние, коллективизм, решительность, чувство юмора. В бюрократической культуре (которая характерна для крупных стабильных фирм, некоторых банков и страховых фирм) общение носит церемониально-субординационный характер, соблюдаются правила и порядок, отношения формализованы и конформны. Сотрудники общаются друг с другом с осторожностью, бывают придирчивы и педантичны, проявляют покорность и адаптивность. В культуре инвестиций (присуща компаниям, ориентированным на будущее) во взаимоотношениях между сотрудниками ценится основательность, терпеливость, верность слову, большое значение придается профессионализму, опыту, творчеству.

Глубокое усвоение профессиональных нормативов и стереотипов дифференцирует и упорядочивает образ мира человека, определяет стиль его жизни. Речь идет о механизмах социального познания, суть которого заключается в построении человеком определенной картины мира, чьей частью осознает себя человек, где он живет и действует. Такого рода конструирование картины мира и процессы профессиональной социализации — необходимое условие для формирования профессиональных субкультур в обществе.

Формирование профессиональной субкультуры проецируется и на политический мир. Результатом этой проекции становятся формирование мировоззрения и усвоение типичных для данной среды нормативно-ценностных схем (образцов) поведения в сфере политики. Сами же схемы такого рода определяются механизмами идентификации и социализации, через которые индивид встраивается в политическую культуру существующего общества и тем самым включается в другой пласт — *институциональный*, в котором также осуществляется и неформальная институционализация субкультурных поведенческих образцов. В этой точке начинается третий этап формирования политической субкультуры.

Важно, что латентный этап и этап позиционирования предполагают субъективацию объективного в политике и политической культуре, т. е. усвоение человеком политического опыта, тогда как формально-институциональный этап формирования политической культуры предполагает, по словам Н.Н. Седых, «опредмечивание (объективизацию) субъективного (политического сознания) в определенных типах политического поведения и участия в реальных политических процессах» [25, с. 33]. Таким образом, интегрирование личности в *формально-институциональный пласт политической культуры общества* уже происходит в виде группового субъекта политики и непосредственно связано с его качественными характеристиками и уровнями реализации данной субъектности.

В контексте данной работы наибольший интерес в связи с групповым субъектом в политике представляет подход, основанный на профессиональном критерии, формирующий группировки людей по виду и характеру труда, профессиональному образованию и уровню квалификации. Как подтверждают результаты социологического мониторинга, проводимого Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСиНП) в период 1994–1999 гг., это обусловлено устойчивой стабильностью в российском обществе факторов социальной стратификации, которые связаны с местом работы и особенностями рыночной позиции актора, включая тип собственности предприятия, где он работает, и социально-профессиональную принадлежность [28].

Далее рассмотрим третий этап — производство политической субкультуры, который предполагает сформированность группового субъекта, проявляющуюся: 1) *в наличии устойчивых политических ориентаций и схем поведения у членов данной общности* и 2) *в групповых действиях в сфере политики*.

Устойчивые во времени политические ориентации и модели политического поведения, отличающиеся относительной однородностью среди членов социальной общности, ведут к институционализации субкультурных образований. Здесь «субкультура становится своего рода медиатором, посредником между индивидом и обществом и в таком виде представляет собой канал социализации, альтернативный традиционным институтам — семье, школе, церкви, — но не заменяющий их полностью» [27, с. 56]. Кроме того, субкультурная общность может являться потенциальным субъектом политики, которая обладает определенными ресурсами (капиталами), сформулированными потребностями и интересами, но не имеет внутренних (мобилизационного потенциала) или внешних оснований (условий, обстоятельств), которые могли бы способствовать политическим действиям. Действия социальных общностей в сфере политики способствуют превращению совокупности социальных агентов из *потенциального в реальный политический субъект*.

Теоретико-методологической посылкой данного утверждения является концепция габитуса П. Бурдьё. Габитус — это присущий каждому классу особый принцип конструирования социального пространства, который отличает его от других классов. П. Бурдьё трактует габитус как ансамбль схем классификации, позволяющий социальному агенту найти сходных с ним и отличающихся от него агентов, как чувство своей и чужой социальной позиции, позволяющее людям ориентироваться в социальной действительности. В то же время габитус как система усвоенных индивидуальными и коллективными агентами динамических стереотипов мышления и действия способствует освоению и преобразованию определенной социальной позиции. Ученый называет габитус «системой предрасположенностей» и «порождающей способностью» к производству схем восприятия, мышления и действия [5, с. 16, 20].

П. Бурдьё считает, что класс формируется благодаря образованию габитуса — сближению схем восприятия, оценки и действия у различных социальных агентов, занимающих сходную позицию в социальном пространстве на основе сходных условий жизни. Далее, габитус способствует превращению совокупности социальных агентов из потенциального в реальный класс. Чтобы близкие по условиям жизни агенты смогли образовать реальный класс, они должны не просто занять соответствующую позицию, но и мобилизоваться для борьбы за свои групповые интересы на основе определенной стратегии коллективного поведения. Мобилизация группы людей, объективно занимающих определенную позицию в социальном пространстве, зависит от степени их идентификации с этой позицией. Французский социолог отмечает, что недостаточно построить теоретическую (претендующую на объективность) классификацию действующих социальных агентов, нужно сопоставить ее с «классификацией, которую сами агенты производят непрерывно в их будничном существовании, с помощью чего они стремятся изменить свою позицию в объективной классификации или даже заменить сами принципы, согласно которым эта классификация осуществляется». Важно также учитывать социальную траекторию агента — «эволюцию его свойств во времени», которая «лежит в основе субъективных представлений об объективно занимаемой позиции» [4, с. 143]. Подход П. Бурдьё позволяет нам воспроизвести в политической теории то единство объективного (действий в сфере политики) и субъективного (политических установок), которое существует в политической практике.

Рассмотрев становление политических субкультур и формирование внутренних оснований для политической активности, переходим к становлению коллективного субъекта политического действия.

Действия социальной общности в сфере политики охватывают *партиципационный уровень (уровень участия и политических действий)* в формально-институциональном пласте политической культуры общества. Данный уровень характеризуется процессом становления социально-профессиональных групп в качестве активного субъекта политики. Становление ее реальным, действующим субъектом политических отношений, практически использующим свои ресурсы, чтобы внести изменения в характер функционирования государственной власти и управления, представляет собой длительный и сложный процесс, который зависит от многих внутренних и внешних для группы причин. К внутренним причинам можно отнести сплоченность группы, способность к ее самоорганизации, социальному сближению ее членов; наличие в ней лидеров, способных объединить группу для решения определенных задач; наличие у группы многих нерешенных проблем; преобразование исходящих от принадлежащих к группе граждан социальных эмоций и ожиданий в четкие и определенные политические цели и требования (процесс артикуляции). В качестве примера такого субъектообразования рассмотрим шахтерское движе-

ние в Кузбассе в 1980-х гг. Принято считать, что шахтерские волнения этого периода носили стихийный характер: шахтеры протестовали против низких заработков, тяжелых условий труда и т.д. Однако внимательный анализ хода событий того времени в Кузбассе показывает, что это было хорошо организованное рабочее движение.

Первый секретарь Кемеровского обкома КПСС А.Г. Мельников, оценивая предзабастовочное состояние в Кузбассе, писал, что «лишенные материальной поддержки из госбюджета шахты дошли до „ручки“, не хватало элементарных полотенец, мыла, стирального порошка» [8, с. 332]. В таком состоянии находились многие шахты, но забастовки начинаются и на вполне благополучных Междуреченских угольных предприятиях в г. Осинники, поскольку там нашлись лидеры, способные организовать шахтеров для отстаивания своих интересов. Первые требования, которые предъявили рабочие своему руководству, касались увеличения расценок за выемку угля, оплаты в полном объеме работы в вечерние и ночные часы, увеличение размера премий и сокращение на 40 % управленческого персонала. Причем обращает на себя внимание упорное желание сократить численность инженерно-технических работников. Г.Т. Девяткин связывает это с тем, что у шахтерской массы был сформирован первичный образ врага в виде инженерно-технического состава. В шахтеры, наиболее отстающие в интеллектуальном и профессиональном плане слои рабочего класса, в течение многих десятилетий в значительной степени рекрутировались бывшие заключенные, Кузбасс долгое время был местом расселения заключенных [8, с. 332–333]. Поэтому образ врага через интеллигенцию отождествлялся и с существующей властью.

Весенние забастовки 1989 г. были своеобразной проверкой эффективности существования властей разного уровня. В этих условиях в июле 1989 г. была организована новая волна забастовок, более организованных и напористых. Результатом такого движения стало подписание Протокола о согласованных мерах между региональным забастовочным комитетом Кузбасса и комиссией ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС. Забастовки постепенно прекращаются, но появляется решение о переименовании регионального забастовочного комитета Кузбасса в Совет рабочих комитетов Кузбасса. То есть ставится задача постоянного давления на власть со стороны подобных образований. Конечным итогом политической активности шахтерского движения стало проведение своих депутатов в представительные органы власти в 1990 г. В областном Совете Кузбасса их оказалось 57 из 187 человек и 10 из 20 народных депутатов РСФСР от Кузбасса [8, с. 333].

К внешним причинам, оказывающим влияние на процесс становления социально-профессиональной группы как субъекта политических отношений, можно отнести: угрозы существования данной группы; политический кризис, который обостряет нерешенные проблемы в социуме; активность других (кон-

курентных, оппозиционных) социальных групп; избирательный процесс в государстве, регионе; международную обстановку и пр. Так, появлению и институционализации в США во второй половине XX в. социально-профессиональной группы политических консультантов способствовало снижение роли партий и усложнение механизмов взаимодействия между кандидатами и населением [17, с. 71]. А огромный интерес всей международной общественности к летним Олимпийским играм в Афинах (август 2004 г.) спровоцировал проведение массовых акций протеста греческими полицейскими, которые обеспечивали правопорядок в период подготовки и проведения спортивных мероприятий. Примечательно, что в течение 2003 г. весьма активны в действиях по организации забастовок были профессора греческих университетов и технологических институтов, которые предъявляли требования по увеличению заработной платы. Однако в период Олимпийских игр активизировались именно работники полиции, от которых зависела не только безопасность, но и престиж всего государства.

Деятельность социально-профессиональных групп может проявляться не только в представительстве политических партий и движений и идентификации с ними, но и посредством участия в избирательном процессе, в представительных органах государственной власти и местного самоуправления, а также в деятельности различного рода профсоюзов, лоббистских группировок, акциях протеста и абсентеизма. Возникает, выражаясь словами Д.А. Авдиенко, субполитика [1, с. 8]. Проявления подобного рода многообразны, например корпоративное вступление государственных служащих в ряды партии власти (объединение «Наш дом – Россия» и «Единая Россия») или отраслевое лоббирование бюджета, которое является инструментом в корпоративной, клановой борьбе отраслей и ведомств — шахтеры против металлургов, металлурги против энергетиков и т.д. Так, на одном из февральских 1994 г. совещаний Российской трехсторонней комиссии сидящие за одним столом лидер профсоюзов машиностроителей требовал снижения цен на продукты, а лидер аграрного профсоюза настаивал на снижении цен на продукцию машиностроения. Это явилось ярким примером совместной борьбы профсоюзов не за интересы рабочих, а за льготные условия своего существования [20, с. 34].

Особый случай субполитики — становление профессиональной группы лоббистов, которая формируется в России из публичных «политиков-отставников». При этом, по утверждению Е.В. Бельцевой, «с одной стороны, уходящие в отставку чиновники создают собственные лоббистские конторы (вероятно, именно такую контору намерен создать бывший премьер М. Касьянов, заявивший об организации собственной консалтинговой фирмы). С другой стороны, уже существующие конторы приглашают к себе на постоянную работу либо привлекают в качестве экспертов бывших чиновников или депутатов» [3, с. 41]. Например, «ради связей в высоких политических кругах» на рабо-

ту в «Газпром» приглашается бывший советник президента и вице-премьер В. Илюшин, в «Альфа-Банк» — бывший вице-премьер О. Сысуев, в международную фармацевтическую корпорацию ICN — бывший министр иностранных дел А. Козырев, в Монтажспецбанк — бывший председатель Госснаба СССР Л. Воронин [14, с. 345].

Таким образом, формы политического участия и политических действий достаточно разнообразны в своих проявлениях. Однако все многообразие на партиципационном уровне или уровне формирования субъекта политики можно объединить в два подуровня: *мобилизационный* и *политической институционализации субъекта политики*. *Мобилизационный подуровень* характеризуется *ситуативным* действием группового субъекта в определенных обстоятельствах для защиты собственных интересов или под внешним воздействием другого субъекта политики (*реактивная политизация*). *Подуровень политической институционализации группового субъекта* предполагает, во-первых, *формирование особых политических институтов и механизмов*, выражающих интересы субъекта, во-вторых, их *постоянную активность в сфере политики (постоянная политизация)*.

Мобилизационный подуровень связан с таким понятием, как политическая мобилизация. Мобилизация социально-профессиональных групп в первую очередь является реактивной политизацией на возникновение какой-либо проблемы. С цепной реакцией сравнима серия забастовок, охватившая Международное сообщество авиадиспетчеров в последнее десятилетие, хотя стартовые условия и объективное положение работников в разных странах были различны. Так, 31 мая 1996 г. объявили забастовку авиадиспетчеры Словении. Спустя несколько часов правительство страны выступило с заявлением, в котором согласилось выполнить требования диспетчеров и повысить им зарплату на 25 %. 29 сентября 1997 г. в России была объявлена всеобщая забастовка авиадиспетчеров. Спустя час правительство согласилось погасить все задолженности по зарплате и проиндексировать выплаты авиадиспетчерам. 28 сентября 1999 г. прекратили работу авиадиспетчеры Чехии, протестуя против большого количества сверхурочных. Конфликт был улажен четыре дня спустя, после того как чешское Управление авиасообщения пообещало провести с каждым из авиадиспетчеров переговоры об улучшении условий труда. 1 февраля 1999 г. 250 авиадиспетчеров Финляндии потребовали от властей повышения зарплаты на 26 %, сократив обслуживание международных рейсов до 70 % и внутренних рейсов до 20 %. Забастовка продлилась пять недель и окончилась лишь после того, как департамент авиасообщения согласился повысить зарплату диспетчерам на 13 %. В декабре 1999 г. 23 авиадиспетчера 5 аэропортов Шотландии объявили о намерении начать забастовку, потребовав повышения зарплаты. 12 января 2000 г. руководство аэропортов согласилось на рекордное для Шотландии повышение зарплаты авиадиспетчерам — на 36 % [13].

Однако забастовки авиадиспетчеров касались удовлетворения не только экономических требований, но и затрагивали политические интересы. 19 июня 2002 г. воздушное сообщение над Европой оказалось парализованным, было отменено в общей сложности 1 100 рейсов, в забастовке приняли участие авиадиспетчеры Франции, Греции, Италии, Португалии, Испании и Венгрии. Бастующие выражали свое несогласие с проектом Евросоюза «Единое небо», цель которого — модернизация контроля за европейским пространством и унификация правил, регулирующих воздушное сообщение над Европой. Этот проект, по заявлению ЕС, позволил бы ежегодно экономить до 5 млрд евро. Между тем он неизбежно привел бы к сокращению числа рабочих мест и массовым увольнением авиадиспетчеров [10].

Мобилизация и структурирование социальных интересов социально-профессиональных групп в условиях нынешней российской действительности практически всегда носит протестный и защитный характер, а его требования адресованы в первую очередь государству. Очаговый протест на уровне группы предприятий, региона, отрасли может достичь высокого накала и трансформироваться в протест политический. Именно по такому сценарию развивались протестные акции российских горняков и работников оборонной промышленности в середине 1998 г. Последние в ходе манифестаций перед зданием Минобороны РФ потребовали не только выплаты задолженности по зарплате и реформы отрасли, но и смены курса реформ и всех представителей властных структур, являющихся вдохновителем этих реформ. Вместе с тем возможности выхода за рамки предприятия, региона, отрасли и перерастания в общенациональные движения на основе общих требований (невыплаты зарплат и пенсий, оспаривания результатов приватизации, возврата средств обманутым вкладчикам и т.п.) оставались нереализованными, в том числе в силу локального характера протеста, слабой политико-правовой проработки платформ протеста [21, с. 148].

Политическая активность защитного плана посредством мобилизации социально-профессиональных групп представляет собой преодоление «*порога необходимости*»¹ в формировании группового субъекта в политике, когда происходит осознание интересов и преодоление барьеров по их осуществлению [31, р. 53].

Процессы политического оформления и выдвижения (презентации) групповых интересов в сферу публичной власти, обуславливающие формирование особых институтов и механизмов, которые способны оказывать постоянное воздействие на государство в целях соответствующего общеколлективным потребностям перераспределения социальных статусов и ресурсов, составля-

¹ Термины «порог необходимости» и «порог зрелости» впервые были введены И.В. Пузыревым [23]. Мы в эти понятия вкладываем другой смысл и видим в них прежде всего институциональные характеристики.

ют содержание системы социального представительства. Основными элементами такой системы являются: источники и причины политического участия; процесс групповой самоорганизации; формирование представительных структур и их взаимодействие с властью. Последние представляют собой *подуровень политической институционализации группового субъекта*, которые в свою очередь преодолевают «порог зрелости».

Одним из элементов системы представительства социально-профессиональных групп, преодолевших «порог зрелости», является институт профсоюза. Мировой опыт представляет огромное разнообразие форм взаимодействия профсоюзов и государственной власти. Непосредственное участие профсоюзов и профлидеров в парламентской деятельности распространено в азиатских странах, например, в Сингапуре в парламент входят 16 профсоюзных представителей. В последние годы практика прямого участия профсоюзов в выборах и деятельности парламента прослеживается в некоторых странах Восточной Европы (Венгрии, Польше). Профдвижение Великобритании как коллективный член лейбористской партии имеет 40 % голосов при выдвижении его кандидатов на парламентских выборах. Во фракции затем создается особая профсоюзная группа. Похожие формы работы с парламентариями существуют и в странах, исторически связанных с Британией. В 1961 г. профсоюзы Канады создали Новую демократическую партию, в которую вступили союзы. Партия и сейчас пользуется поддержкой как на федеральном уровне, так и в провинциях. В Австралии, Новой Зеландии, Ирландии, Мальте используют различные формы работы с депутатами парламента, заимствованные у британцев. В США профсоюзы входят в систему прямого лоббирования. В Вашингтоне примерно треть всех официально зарегистрированных при конгрессе профессиональных лоббистов представляют профсоюзные органы различного уровня [22].

Современное профсоюзное движение в России, выражающее широкий круг интересов — интересов работников наемного труда, характеризуется синтезом «старого» и «нового». Особенности его нынешнего развития во многом предопределило отсутствие разрыва или даже размежевания с наследием советского прошлого. К положительным сторонам «наследия» относятся организационные структуры «старых» профсоюзов и огромная профсоюзная собственность. Однако разрушение властной вертикали дезориентировало бюрократическое профсоюзное руководство, в результате чего процесс интеграции профсоюзов в систему организованных интересов на макроуровне и в производственные отношения на микроуровне принял затяжной и болезненный характер.

В начале перестройки стали появляться альтернативные Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) профобъединения, организовавшиеся на отраслевой основе. Их число достигло, по некоторым оценкам, двухсот, при этом наиболее заметные позиции занимали Соцпроф (250 тыс. членов), Независимый профсоюз горняков (55 тыс. членов), Профсоюз авиадиспетче-

ров (5 тыс.), Ассоциация летного состава (30 тыс. членов). Отрасли и предприятия, где в той или иной мере смогли утвердиться альтернативные профсоюзы, характеризует «ярко выраженная профессиональная ценностная ориентация и специфическое положение в сфере производства (наличие технологических возможностей давления на другие производства)» [12, с. 54].

Тенденция формирования отраслевого или социально-профессионального представительства сохраняется и на уровне предпринимательских ассоциаций России. Уже в 1990-х гг. возникает ряд отраслевых союзов: Ассоциация российских банков, Лига содействия оборонным предприятиям, Международный союз металлургов. Международный союз строителей, Российская ассоциация промышленно-строительных банков, Российская гильдия риэлторов, Союз промышленников и лесозэкспортеров, Лазерная ассоциация, Союз нефтепромышленников, Ассоциация книгоиздателей и др.

Наиболее активно стали заявлять о себе ассоциации либо тех отраслей, которые объединяли наиболее крупные и влиятельные структуры — Союз нефтепромышленников, Ассоциация российских банков, либо тех, кто оказался в трудном положении и нуждался в коллективных действиях ради защиты интересов отрасли и ее ведущих структур, — Лига содействия оборонным предприятиям, Лазерная ассоциация [21, с. 131]. Например, Лазерная ассоциация взяла на себя обязанности по организации производства лазерной техники на государственном уровне. Особенно плодотворной оказалась деятельность ассоциации по налаживанию связей, в том числе с разработчиками и производителями лазерной техники и технологий дальнего зарубежья. Кроме того, Лазерная ассоциация активно взаимодействует с Министерством науки и технологии, Минобороны, а также с министерствами и ведомствами аналогичного профиля в странах СНГ [16, с. 6–7].

В целом же партисипационный уровень формально-институционального пласта политической культуры общества представлен множеством форм проявления политической субъектности, которые сводимы к определению: политические субъекты — это силы, принимающие активное и целенаправленное участие в политике, вызывающие своей деятельностью объективирующие последствия. Однако, как писал В.С. Соловьев, субъектом развития не может быть ни безусловно простая субстанция, ни механическое внешнее соединение элементов, им может быть «только единое существо, содержащее в себе множественность элементов, внутренне между собой связанных» [26, с. 141]. Основой для формирования группового субъекта в политике выступают субкультурные образования, образующие поля-структуры не только в общественном порядке страны, но и в ее политической системе. Как считает М. Кафельс, в мире сохраняется стремление людей к локальным жизненным интересам, социально-профессиональным, этническим и иным коллективным формам привязанностей, производящих ценности групповой солидарности и пытающихся при этом со-

хранить как прежние социокультурные традиции (например, тягу к обособлению и самоутверждению), так и новые аналогичные настроения, возникающие в процессе социальной (информационной, политической и иной) стратификации социума [11, с. 13]. Политические субкультуры адаптируют локальный мир общности к политической системе общества и участвуют в воспроизводстве национальной политической культуры.

Библиографический список

1. *Авдиенко Д.А.* Политические практики в условиях российского демократического транзита // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.6. 2002. Вып.2.
2. Базовые ценности россиян: социальные установки. Жизненные стратегии, символы, мифы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003.
3. *Бельцева Е.Б.* Механизм функционирования лоббистской деятельности в политических институтах современной России // Власть. 2006. №4.
4. *Бурдые П.* Социология политики М.: Socio-Logos, 1993.
5. *Бурдые П.* Структуры. Habitus. Практики // Современная социальная теория: Бурдые. Гидденс. Хабермас. Новосибирск: НГУ, 1995.
6. *Данилова Е.Н.* Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4.
7. *Данилова Е.Н.* Социальные идентификации в трансформирующемся обществе // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М.: Флинта, 2005.
8. *Девяткин Г.Т.* Место рабочего класса Кузбасса в общественно-политических преобразованиях в конце 80–90-х гг. XX в. // Классы и социальные группы в судьбах России: Матер. 32-й Всерос. заочной науч. конф. СПб.: Нестор, 2003.
9. *Ермолаева Е.П.* Преобразующие и идентификационные аспекты профессиогенеза // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 4.
10. Известия. 2002. 22 дек.
11. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
12. *Комаровский В.* Особенности профсоюзов как общественного института // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2.
13. Коммерсант. 2002. 26 дек.
14. *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М.: Изд-во Захаров, 2005.
15. *Кукосян О.Г.* Избранные труды. Кн. 4: Проблемы психологии общения, социальной перцепции. Краснодар: КубГУ, 2002.
16. Лазер-информ. 1997. Декабрь.
17. *Марченко Г.И.* Социологический портрет политических консультантов в США // Социс. 2005. № 5.
18. *Мирошниченко И.В.* Политическая культура социально-профессиональных групп. Дис. ... канд. полит. наук. Краснодар: КубГУ, 2004.
19. *Мирошниченко И.В.* Модели политического поведения социально-профессиональных групп // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 2.

20. *Островский Д.И.* Особенности формирования групповых интересов в современной России // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1998. № 1.
21. *Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семенов И.С.* Группы интересов и Российское государство. М.: Эдиториал ЭРСС, 1999.
22. Профсоюзы. 2001. № 6.
23. *Пузырев И.В.* Российские банки как субъекты политики: Дис. ... канд. полит. наук. М., 1999.
24. *Рюттингер Р.* Культура предпринимательства. М.: Экономика, 1992.
25. *Седых Н.Н.* Динамика политической культуры: социально-философский взгляд // Власть. 2003. № 7.
26. *Соловьев В.С.* Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2.
27. *Тавашев В.А.* Политическая субкультура: Дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1996.
28. *Тихонова Н.Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999.
29. *Шпак В.Ю., Пономаренко А.И.* Социальные механизмы и уровни самореализации личности в политике // Философия права. 2001. № 2.
30. *Ядов В.А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3/4.
31. *Tilly Ch.* From Mobilization to Revolution. Reading: Addison-Wesley, 1978.

ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

.....

В. С. Колесник*

Процесс глобализации можно представить как разрешение совокупности экологических, экономических, политических и культурных проблем-вызовов, но в реальности они органически взаимосвязаны, взаимопроникают друг в друга. В целом отношение к глобализму как понятию неоднозначно. В науке и публицистике этот феномен, как правило, рассматривается в идеологическом ракурсе. Идеологической трактовке глобализации противостоит прагматическая, характерная для большинства зарубежных авторов, а в России развиваемая В.Л. Иноземцевым. Он подчеркивает объективную и закономерную реальность глобализации и не считает возможным давать ей какую-либо эмоциональную оценку. При этом антиглобалистское движение он характеризует как тупиковое, которому «нечего предложить миру» [2, с. 44].

Между тем следует различать глобализацию как объективный процесс и ее различные субъективные интерпретации. Несмотря на разговоры о многополюсном мире, пока процесс глобализации разворачивается по сценарию доминирования развитых стран над остальным миром, т.е. мыслится как продолжение развития техногенной цивилизации без существенного изменения ее системы ценностей и мировоззренческих приоритетов. Понимание же мировых процессов с позиций разных культур оказывается совершенно разным, однако вопрос о развитии современного мира как целостной системы не снимается. Глобальные вызовы и угрозы рано или поздно заставят изменить стратегию развития, так как системная целостность современного мира требует от каждой страны не только соизмерять свои интересы с интересами других и взаимно их согласовывать, но и расширять поле поиска новых ценностей и мировоззренческих ориентаций. Глобализация, с одной стороны, нуждается в деидео-

* Колесник Валентина Сергеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: politics@kubsu.ru.

логизации, в самокритичном признании того, что ни одна из существующих цивилизаций и систем ценностей не готова сегодня предложить такой идеи мироустройства, которую приняли бы все субъекты мирового сообщества, а с другой — в объединяющих мир новых идей, которые нельзя изобрести, но можно «вывести» из осознания смысла и последствий глобальных угроз.

Такие идеи и цели обозначились в виде глобальных проблем, решение которых становится мощным интегрирующим фактором общечеловеческого развития и требует формирования новой парадигмы партнерских отношений в глобальном мире, основанной на стремлении достичь взаимопонимания, компромисса, согласия мыслей и действий. Эта парадигма утверждает ценности коммуникативного сотрудничества, предполагающего отношения равноправного партнерства, свободу и ответственность каждой из сторон.

Процесс глобализации связан с потребностью в духовной реформации. Основным препятствием на пути к духовному единству человечества является неготовность цивилизаций к общению, отсутствие доверия и незнание друг друга. Взаимонезнание и взаимонепонимание носят фундаментальный характер. Налицо всеобщее желание выдавать свою уникальность за универсальность и взаимный обмен упреками в «порочности», когда западные цивилизации винят восточные в отсталости, деспотизме, традиционализме, а те уличают Запад в культе индивидуализма и лицемерия, которым грешит демократия. Против общечеловеческих ценностей на словах не возражает никто, однако их понимание на Востоке и на Западе совершенно различно. Диалог культур в этой ситуации не только условие выработки взаимопонимания и доверия, но и поле поиска новых ценностей и мировоззренческих ориентаций.

Недоверие к глобализму, особенно в «третьем мире», имеет под собой почву и вполне конкретный адрес: это идеология прежде всего англосаксонского либерализма, призванная обеспечить свободу деятельности в общемировом масштабе главным образом англо-американским транснациональным корпорациям. Своим крайним социальным эгоизмом и агрессивностью эта идеология многих пугает и отталкивает. Поэтому научная мысль [4, с. 18] предложила заменить или дополнить понятие «глобализм» понятием «универсализм». Последний термин слишком расплывчат, но свободен от привязки к определенной идеологической системе.

Наличие культурного многообразия, безусловно, ведет к эрозии универсализма. Цивилизационное партнерство требует настройки на культурную, историческую специфику каждой из сторон взаимодействия, ориентации на «мягкие» социальные и культурные технологии. Сегодня политики и международные организации тщетно пытаются договориться на языке политического позитивизма, в то время как требуется овладеть языком диалога культур, искусством гуманитарного взаимопонимания и взаимодействия. Ценностно-нормативное содержание партнерских принципов состоит в отказе от права проектировать

чужие миры и культуры, кроить и перекраивать чужие пространства. Новая цивилизационная стратегия исходит из относительности любых известных систем отсчета, отвергает доктринальную экспансию «знания за другого» и претензию «тащить этого другого в истину». Механизм конверсии ценностей, перевода из одной цивилизации в другую явно не срабатывает, и прежде чем создавать новые глобальные ценности, человечеству предстоит выяснить, какими ценностями следует руководствоваться в самом диалоге культур.

Что-то программировать заранее здесь бесполезно, зато важно создать преграды на пути, например, обострения межрелигиозной и межнациональной вражды.

Разнообразие национальных и религиозных миров есть естественно-исторически сложившийся способ сожительства человечества с природой и людей друг с другом. Сознательно и целенаправленно внедряться в естественный синтез нужно с предельной осторожностью — и на уровне культурологического анализа, и на уровне межличностных контактов, которые, разумеется, помогают снять многие проблемы.

Одним из вариантов культурного симбиоза является пример Китая и других стран Дальнего Востока, где существует устойчивое распределение функций и сфер влияния между основными религиями. На этом фоне моноличность западноевропейского рационализма — тоже универсализм, но особого типа, малопроницаемого для инокультурной рациональности. Понадобился трагический опыт двух мировых войн и антиколониальной борьбы, чтобы Запад приблизился к осознанию правомочности других культур и образов жизни. В настоящее время наибольшую опасность для реального синтеза культур представляет насаждение «глобальной культуры» в том ее массовом варианте, который встроен в деятельность мировых транснациональных хозяйственных систем, прямо или косвенно разрушающих многообразие цивилизационных миров.

Кризис политической и идеологической биполярности мира неожиданно выдвинул взаимодействие национальных культур в центр развития современной цивилизации. Культурное многообразие рассматривается как одно из фундаментальных преимуществ Европы. Ведущим звеном здесь долгое время были национальные государства. Однако расстановка сил в сфере культуры все более и более изменяется с проявлением наднациональных структур (например, Европейский союз, Совет Европы), глобализацией, с одной стороны, и региональными и локальными уровнями — с другой. Регионализация, в свою очередь, стала последним прибежищем историко-культурной самобытности.

В поисках психологической опоры люди с помощью творческой интеллигенции стали обращаться к собственным корням — историческим и культурным традициям как «ядру» идентичности того или иного этноса, отделяющего его от соседей. В этой связи следует отметить противоречивую роль творчес-

кой интеллигенции в национальных движениях. С одной стороны, именно она формирует и поддерживает национальную идею, добивается главенствующей роли языка в национальном суверенитете. С другой стороны, постмодернистский мир создает новые разновидности космополитического творческого профессионализма, менее скованного национальными рамками и более ориентированного на мировые достижения. К ним относятся мастера культурной индустрии, аудиовизуального творчества, шоу-бизнеса и других форм и разновидностей массовой культуры.

В сегодняшнем однополярном мире происходит не вестернизация (о чем писали в 1970–1980-е гг.), а американизация, экспансия так называемой американской культуры, причем не лучших ее образцов. Но культура — это сама жизнь, ее ценности, традиции, идеалы, это связь людей. Нынешний «синтез культур» на американский манер означает не столько приобщение к «цивилизации», сколько уничтожение национальных культур.

Универсализм существует внутри культурного партикуляризма как его особое измерение и состояние. Следовательно, к осознанию ценности самого единства мира человек должен подойти через свою культуру, через разобщенность, через социокультурную идентичность. Диалог культур для того нужен, чтобы прийти к осознанию единства мира и не утратить при этом своей идентичности. Для диалога необходимы добрая воля, желание и готовность услышать ответ другого. Эти способности и качества сами собой не возникают. Они — результат большой внутренней работы, прежде всего настоящей, а не показной образованности. Наше образование — западоцентричное. Но если мы хотим вступить в диалог с другими культурами, их над изучать и знать, тем более что диалог возможен лишь при наличии самокритичности, предполагает критическое отношение к собственной традиции. Опыт диалога философов-компаративистов Востока и Запада, который идет с 1930-х гг., показал, что общие абстрактные обсуждения малорезультативны. Диалог надо вести предметно.

Однако в случае диалога конфессий соединять с помощью союза «и» культуры и религии не совсем корректно. Более того, под вопросом сама возможность межконфессионального диалога. Цель диалога конфессий не в выработке некой общей религии и даже не в инвентаризации того общего, что в них есть. Религии, как и культуры, также должны научиться сосуществовать друг с другом. Сегодня, когда противоречия на религиозной почве постоянно обостряются, особенно важен диалог не просто отдельных верующих, а руководителей различных церквей и религиозных группировок. Главная его проблема выявлена давно: что может быть предметом компромисса и где грань, отделяющая диалог от агрессивного прозелитизма.

В целом глобализация культуры связана с финансово-технологической экспансией массовой культуры, которая сделала актуальной проблему скрытого

управления духовными потребностями широких слоев населения планеты. Она несет угрозу существованию национальных культур и исторических традиций. Между тем «культура всегда, имеет национальный характер и национальные корни. В ней объективируется уникальная и неповторимая духовность народа. Она содержит в себе идеальное начало, объединяющее людей в нацию и делающее ее отличной от других этнических общностей» [1, с. 347].

Ученые бьют тревогу и говорят о наступлении эры мировой нестабильности, «самоотрицания человека». Как решить задачу неконкурентоспособности высокой культуры в век тотальной коммерциализации? Как соединить сохранение культурного наследия с поощрением растущего разнообразия культур и плюрализмом ценностей — неотъемлемой черты процесса глобализации?

Решение этих и многих других актуальных проблем культуры в настоящем и будущем сопряжено с пересмотром традиционного понимания культуры как национального достояния — концепции, которой современный процесс глобализации бросает очевидный вызов.

В ответ на вызовы глобализации возникла необходимость разработки государственной политики в сфере культуры, направленной на обеспечение доступа широких слоев общества к национальной культурной продукции, а также ее защиту от иностранной конкуренции. Поэтому в законодательстве многих стран закреплены нормы, направленные на реализацию этих целей на практике. Это своего рода протекционистская государственная политика, направленная на защиту интересов национальных производителей.

Государство гарантирует гражданам своей страны возможность потребления национальной культуры. Для решения этой задачи во Франции, Канаде, Норвегии, Польше, Венгрии и других странах применяется требование «национального содержания» [3, с. 17]. С помощью административно-правовых инструментов стимулируется «национальное присутствие» — прежде всего в радио- и телевидении, поскольку это наиболее прямой путь к национальной аудитории.

Так, во Франции еще в середине 1960-х гг. был принят закон, определяющий квоты демонстрации американских фильмов как на частных, так и на государственных телеканалах и в кинотеатрах. Превышение числа американских фильмов над национальными наказывается денежным штрафом и лишением лицензии. Целая система протекционистских мер разработана в Испании, Голландии, Италии, ФРГ и др. [3, с. 19].

В ряде стран действуют правила, регулирующие присутствие иностранного капитала в особо важных для страны секторах, в том числе и в культуре. В Канаде условием допуска иностранного инвестора в культурную индустрию является инвестирование части полученной прибыли в развитие канадской культуры.

В Польше телекомпании обязаны гарантировать по крайней мере 30 % своего ежеквартального эфирного времени для программ, изначально произведенных на польском языке. Эта обязательная правовая норма направлена на защиту и развитие родного языка в соответствии с Законом о польском языке (1993 г.).

Нет необходимости доказывать, что любой народ, любая нация могут существовать и развиваться только тогда, когда они сохраняют свою национальную культурную идентичность, когда, находясь в постоянном взаимодействии с другими народами и нациями, обмениваясь с ними культурными ценностями, они тем не менее не теряют своеобразия своей культуры.

Сохранение национального наследия и культурных памятников — это основное условие не только культурной преемственности, но и творчества, и в связи с этим можно говорить о культурном наследии как форме культурного капитала, сохранение которого — первейшая задача государства.

В заключение следует подчеркнуть, что в настоящее время в зарубежных странах усиливается тенденция преодолеть влияние активно навязываемого американского коммерческого искусства путем усиления государственной поддержки национальной культуры. Это обусловлено стремлением властных структур регулировать деятельность учреждений культуры с целью защиты национального наследия, национального языка, национальной безопасности.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994.
2. Иноземцев В.Л. О призраках и реальностях // Свободная мысль-XXI. 2003. № 4.
3. Кузнецова З. Как защитить национальную культуру // Свободная мысль-XXI. 2006. № 1/2.
4. Этнос глобального мира. Дискуссии в Горбачев-фонде / Под ред. В.И. Толстых. М.: Восточная литература, 1999.

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИКИ И МОРАЛИ В РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

.....

М. Ю. Горожанина*

Модернизация Российского государства затрагивает многие сферы. Так, в политологических кругах давно господствует стереотип о несостоятельности отечественной политической мысли и об уникальности западноевропейских и американских теорий и технологий. Неудивительно, что именно на их основе и базируется современная отечественная политология, которая ведет свое начало не с 1755 г., когда в МГУ открывается отделение нравственно-политических наук, а с развала СССР и отказа от марксистской идеологии. Повальное увлечение западными теориями нашло отражение и в развитии такой дисциплины, как «Политическая этика», в учебной литературе по данной проблематике весьма подробно представлены этические концепции Западной Европы, в то же время отечественная мысль остается без должного освещения. Исключение составляет лишь работа Е.Л. Дубко «Политическая этика», где автор предпринимает попытку рассмотреть воззрения отечественных исследователей на проблему взаимоотношения политики и морали [4, с. 289–294]. Но, к сожалению, специальных глав, посвященных анализу данного вопроса, нет и здесь. Примечательно, что освещение этических школ Европы всегда начинается с Древней Греции и Рима, что же касается русской этической мысли, то, как правило, упоминают лишь мыслителей второй половины XIX–начала XX в., тем самым оставляя без внимания все предшествующие изыскания, но именно в них наиболее полно представлена этическая концепция традиционного общества. Таким образом, изучение данной проблематики в отечественной политической мысли как никогда злободневно.

Актуальность темы исследования обусловлена двумя моментами.

* Горожанина Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета.

1. Модернизация России — не сиюминутное изменение, а весьма длительный процесс, в связи с чем особое значение имеет прогнозирование будущего. Для предотвращения негативных последствий важно знать, что собой будет представлять «новое российское общество и государство», не возникнут ли противоречия и непредвиденные трудности. Без анализа духовных ценностей традиционного общества, которые очень хорошо представлены в отечественной политической мысли, в данном случае не обойтись.

2. Реальная жизнь показала несостоятельность многих теорий Модерна. Ярким подтверждением их кризиса являются современные течения постмодернизма. В настоящее время просветительская парадигма — главная доминанта основных западных и американских теорий «трещит по швам». Как справедливо по этому поводу писал А.С. Панарин, «обе стороны просвещенческого проекта эмансипации общества от природной зависимости и эмансипации личности от давления традиций оказались чреваты тупиком. Первая обернулась тупиком глобального экологического кризиса, а вторая нравственного, состоящего в катастрофической порче человека» [9, с. 5]. Вместе с тем еще никому не удавалось доказать несостоятельность традиционного общества и его духовных оснований, в связи с чем особенно опасна искусственная вестернизация России. Слепой отказ от национальной уникальности и традиционных ценностей может привести к непредсказуемым последствиям. Сегодня, как никогда, важно изучение формирования и развития этической мысли России, тем более что многие положения, выдвинутые почти двести лет назад по-прежнему актуальны для нашего государства.

Перед рассмотрением взаимоотношений политики и морали следует дать дефиниции основных категорий. В данной работе под политикой понимается сфера деятельности, связанная с реализацией потребностей и интересов индивидов, социальных групп, классов, наций, общества в целом.

Мораль рассматривается как исторически сложившаяся на основе традиций и обычаев система требований, норм и правил поведения людей. Главный принцип морали — сохранение существующих устоев и общественного порядка, укрепление государства и служение всеобщему благу. «Быть моральным — значит быть гражданином, который соблюдает законы и обычаи, существующие в государстве, способствует его процветанию» [3, с. 484]. Следует подчеркнуть, что в настоящее время в российской политической мысли по-прежнему большинство исследователей отождествляют мораль и нравственность, рассматривая их как идентичные понятия. В связи с этим мораль выступает апологетом добра, главное условие ее существования — отказ от насилия. Такой подход заставляет исследователей искать различные уловки для обоснования взаимосвязи политики и морали, поскольку насилие как атрибут политики вступает в противоречие с моралью, которая не приемлет любое проявление зла. В отечественной философской мысли изначально выделялись два вида морали. Первая

основывалась на служении интересам общества, вторая — на духовном самосовершенствовании человека. Первоначально оба вида морали трактовались в тесной взаимосвязи, но примерно с середины XIX в. большинство мыслителей стали не только разделять их, но и противопоставлять друг другу. Показывая различия, С.А. Франк писал: «Религиозность несовместима с признанием абсолютного значения за земными, человеческими интересами. Поэтому хотя жизнь всякого верующего подчинена строгой морали, но в ней мораль имеет не самодовлеющее, а лишь опосредствованное значение; каждое моральное требование может быть в ней обосновано и выведено из конечной цели и потому само не претендует на мистический и непререкаемый смысл. И только в том случае, когда объектом стремления является благо относительное, лишенное абсолютной ценности, — а именно удовлетворение субъективных человеческих нужд и потребностей, — мораль — в силу некоторого логически неправомерного, но психологически неизбежного процесса мысли — абсолютизируется и кладется в основу всего практического мировоззрения» [12, с. 6].

Исходя из сказанного, представляется целесообразным разграничить категории морали и нравственности. В свое время на их различие указывал Гегель, однако в его трудах оно не получило завершенности.

По нашему мнению, нравственность — это высшее духовное состояние к которому должен стремиться каждый человек и представление о котором заложено в нем от рождения. Так, еще Протагор в своем известном мифе о Прометее и Эпиметее, показывая, как появились в мире разные профессии, особенно подчеркивал, что если искусства между людьми распределялись выборочно, то пониманием стыда и правды все были наделены одинаково, а вот в развитие этих качеств каждый человек имел свободу выбора.

Основное правило нравственности описывает известный императив И. Канта: «Относись к другому так, как хотел бы, чтобы относились к тебе». Нравственность базируется на любви и добре, а мораль — на защите общественных интересов и устоев [3, с. 469].

Следовательно, мораль — это нормы поведения человека, продиктованные конкретным обществом и формирующиеся под его влиянием. Нравственность — это высшее духовное состояние, основанное на всеобщей любви и всепрощении, достичь которого человек может лишь самостоятельно, посредством постоянного внутреннего самосовершенствования и борьбы с пороками и пагубными наклонностями [3, с. 460]. Мораль исторична: каждой эпохе присущи свои ценности и традиции. Нравственность универсальна: она не подвластна времени, ей не знакомы государственные границы. Наиболее полно принципы нравственности изложены в десяти христианских заповедях, соблюдать которые не так-то легко.

Анализ исторического опыта позволяет заключить, что нередко мораль вступала в конфронтацию с нравственностью. Наиболее яркий пример — дра-

матичная судьба Сократа, которого общество именно из-за его стремления следовать нравственным принципам приговорило к смерти.

Таким образом, изначально политика и мораль дополняют друг друга, а вот политика и нравственность кажутся несопоставимыми, так как атрибутом политики выступает насилие, которое не приемлет нравственность. В этом смысле интересно обратиться к духовному наследию традиционного российского общества. Решение проблемы взаимоотношения политики и морали отечественными мыслителями на каждом историческом этапе имело свою специфику. Для более глубокого понимания своеобразия этической мысли России представляется целесообразным выделить четыре этапа в ее развитии.

За основу периодизации взято два момента: изменение представления о взаимодействии политики, морали и нравственности и трансформация российского общества.

I период, XI — начало XV в. Этическая мысль этого времени представлена в основном трудами священнослужителей и правителей Русского государства. Особенно значимые работы: «Слово о законе и благодати», «Поучение Владимира Мономаха своим детям», «Задонщина». В этот период, рассматривая мораль и политику, авторы стремились показать их тесную взаимосвязь, одно взаимодополняло другое. Так мораль способствовала укреплению государства, а политика стояла на страже общественных интересов.

В этом плане особенно интересна легенда о призвании варяжских князей на русский престол. Для ее автора, как и для всех его современников, не было ничего ужасного в том, что во главе Русского государства были поставлены варяги. Этот феномен объясняется тем, что в представлении наших предков главная задача политики — охрана всеобщего блага, поэтому правитель «не господин», «не хозяин», а «слуга», который призван защищать интересы общества.

Примечательно, что уже в первом политическом трактате Руси «Слово о законе и благодати» показана неразрывная связь политики и морали, которые служат единой цели — процветанию родной земли. Особо автор акцентирует внимание на огромной роли, которую выполняет мораль в жизни правителя. Как бы указывая будущим политикам истинный путь, Иларион перечисляет качества, которыми должен обладать государь. Первое и основное из них — быть благочестивым, т.е. нравственным, а далее автор поясняет, что он подразумевает под этим: «Благочестивый князь должен защищать и умножать территорию собственного государства, заботиться о своих подданных и церкви, быть милостивым, просящим подавая, нагих одевая, голодных и жаждущих насыщая, больных всячески утешая, должников выкупая, порабощенным свободу даря» [5, с. 28].

Таким образом, Иларион, не разграничивает мораль и нравственность, а рассматривает их как составные части одного целого, тем самым не противопоставляя политику и нравственность. По его мнению, последняя не мешает, а лишь помогает первой.

Этого же принципа придерживался и русский князь Владимир Мономах. В своем «Поучении» он писал: «Прежде всего страх имейте божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Не упивайтесь властью» [10, с. 43]. По Владимиру Мономаху, истинный правитель должен на первый план ставить интересы своего народа, а не личные.

Анализ древнерусских афоризмов позволяет прийти к тому же суждению о морали, что и изучение научных трудов. В народном сознании долгие годы политик был представлен как защитник интересов общества, лучший его представитель: «Не место может украсить добродетель, а добродетель место»; «Рана от верного друга достойнее, чем поцелуй врага»; «Лучше малое имущество, добытое правдой, чем многое богатство — без правды»; «Кто хочет другими управлять, пусть сначала научится владеть собой»; «Опасно дать беснующемуся нож, а коварному власть и могущество»; «Завидуй не тому, кто большой власти добился, а тому, кто хорошо с похвалой покинул ее» [2, с. 96]; «Дурно и огорчительно, когда злые над добрыми властвуют, а глупые над умными» [2, с. 98].

Таким образом, и мораль, и народ, и элита Руси понимали политику одинаково, в отличие от Западной Европы, поэтому каких бы то ни было противоречий в этом плане не существовало.

Все это, бесспорно, накладывало отпечаток на этическую мысль, которой в это время были присущи следующие черты:

1) главной моральной ценностью выступает защита интересов общества, укрепление государства; эти же задачи решает и политика, поэтому мыслители не противопоставляют ей мораль, а, напротив, подчеркивают их неразрывную связь; на данном этапе отсутствует и разграничение морали и нравственности;

2) формируется своеобразный образ государства, который ассоциируется с символом матери; таким образом, становится понятной мотивация защиты родной земли;

3) выделяется главное качество монарха — благочестивость.

Следовательно, уже в начале формирования Российского государства были сформулированы основные моральные ценности и определена их ведущая роль в политике.

Наступление **второго периода (конец XV — начало XVIII в.)** было связано с ликвидацией монголо-татарского ига и созданием Московского государства. Это было весьма противоречивое время. С одной стороны, шел процесс объединения российского общества, собирания русских земель, результатом

которого стало укрепление и территориальное расширение Российского государства. С другой стороны, усиливались социальные противоречия и народное недовольство, что закладывало предпосылки для развития оппозиционной мысли, а также способствовало зарождению противоречий между российским обществом и властью, которые вылились в восстания И. Болотникова и С. Разина. Непродуманность церковной реформы 1654 г. спровоцировала первый духовный раскол российского общества. Все это обусловило формирование в этической мысли четырех направлений.

1. Официальное направление представлено трудами И. Пересветова, И. Грозного, Сильвестра. В своих работах, детально рассматривая реальную политику, они обращались к освещению морали как главному аргументу той или иной политической деятельности.

2. Оппозиционное направление нашло отражение в текстах А. Курбского, И.С. Хворостина, Г.К. Котошихина. Изображая в негативных красках современную политику и государственную власть, подвергая ее резкой критике, главным аргументом своей правоты мыслители считали нарушение общественной морали и несоблюдение интересов народа.

3. Народное направление прослеживается в различных сказаниях, таких, как «Шемякин суд», «Горе-злосчастье» и др., а также в легендах (в это время была особенно популярна легенда о граде Китеже, которая приобретает новое звучание: если в XIII в. причиной погружения целого города под воду было стремление сохранить независимость от иноверцев монголо-татар, то в XVI в. это желание сохранить духовную чистоту). Таким образом, впервые появляется разграничение ложной политики, основанной на лжи, и истинной, которая базируется на моральных ценностях.

4. Религиозное направление представлено в трудах Никона, Аввакума, старообрядческой литературе. Выражая свое отношение к церковной реформе, авторы затрагивали и проблемы политики и морали. По их мнению, причинами духовного раскола российского общества были: 1) отход политики от морали и как следствие — нарушение моральных установок самим государем; 2) несоблюдение властью нравственных ценностей.

Таким образом, и на этом этапе, несмотря на выделение четырех направлений, все мыслители отмечали неразрывную связь политики и морали, именно нарушение последней было главной причиной критического отношения к первой. Как и в первый период, авторы не отделяли мораль от нравственности, в то же время все чаще встречались факты конфронтации нравственных ценностей и политики. Примечательно, что данное явление, по мнению большинства мыслителей, приводило к нарушению общественных интересов. Следовательно, главным условием всеобщего блага по-прежнему выступало соблюдение моральных принципов. Вместе с тем основным качеством государя мыслители

этого периода считали не только благочестие, но и умение консолидировать общество и защищать его интересы.

Рассмотрим теперь черты, характерные для **третьего этапа (начало XVIII в. — 1861 г.)**.

1. Первая попытка модернизации России посредством проведения Петровских реформ наряду с положительными результатами имела и негативные последствия, которые в первую очередь нашли отражение в развитии религиозно-этической мысли, где образ монарха стал ассоциироваться с образом антихриста, что положило начало обособлению таких понятий, как мораль (интересы государства) и нравственность, под которой подразумевались религиозность, следование принципам добра, защита церковных устоев.

2. Формирование концепции элитарного монархизма (Петр I, Ф. Прокопович) способствовало разграничению и противопоставлению интересов общества «сиюминутных народных потребностей» и интересов страны «представленных глобальными стратегическими задачами, без которых достижения всеобщего блага невозможно», что в свою очередь закладывало предпосылки для будущих противоречий между политикой и моралью.

3. Изменение приоритетов политической деятельности привело к зарождению стереотипа о политике как грязном деле, который становится особенно популярным среди народа.

4. Отказ от сакрализации образа правителя. Мыслители по-прежнему полагали, что политика и мораль должны тесно взаимодействовать, однако они не исключали возможность прихода к власти лидера, который нарушает духовные ценности.

5. Вместе с тем мораль по-прежнему выступала главным аргументом поддержки правителя.

Особенно большой вклад в развитие этической мысли этого периода внесли просветители.

В отличие от своих западных собратьев, русские философы источником всех бед считали греховность самого человека, а не пагубность социальной среды, поэтому достаточно много внимания уделяли анализу духовных ценностей русского народа и обоснованию необходимости тесного взаимодействия политики и морали. По этому поводу Д.И. Фонвизин писал: «Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных... Без соблюдения сего правила любое государство непрочно» [11, с. 537]. Подчеркивая значимость соблюдения моральных установок правителем, этот же мыслитель замечал: «Государь — это душа правимого им общества. Слаба душа, если не умеет управлять прихотливыми стремлениями тела. Несчастно тело, над которым властвует душа безрассудная. Для отвращения гибели государства правитель должен знать во всей точности все права своего величества, дабы, первое, содер-

жать их у своих подданных в почтении и, второе, чтоб самому не преступить пределов, ознаменованных властью здравого рассудка. До первого достигает государь правотой, до второго кротостью» [11, с. 540]. Особое внимание обращал И.Д. Фонвизин на важную роль этих качеств для монарха: «Правота делает государя почтенным, но кротость, сия любезная добродетель, делает его любимым» [11, с. 543]. В отличие от Н. Макиавелли, русские просветители полагали, что для правителя лучше вызывать не страх в народе, а любовь, достигнуть которой без соблюдения морали невозможно.

Немало сделали просветители и для искоренения стереотипа, который рассматривал политику как грязное дело. По их мнению, именно несоблюдение морали породило ложную политику, которая строится на ложных ценностях и не имеет ничего общего с истинной политикой. Именно стремление восстановить справедливость и возродить истинную политику, основанную на морали, вывели 14 декабря 1825 г. на Сенатскую площадь сотни русских офицеров.

Словно предостерегая потомков от будущих потрясений, Я.П. Козельский писал: «Иные почитают искусство хитро и обманчиво поступать с людьми политикой, но в том есть погрешность, как из самого слова политики узнать можно; политика по разуму слова значит полировальную или выглаживательную науку. Политика наставляет хранить добродетель и благопристойность, быть благопристойным» [8, с. 485]. Я.П. Козельский подчеркивал важную роль нравственности в политике: «Цель политики — всеобщее благо. Достичь этого без всеобщей добродетели невозможно. Поэтому политика учит человека умерять худые качества своего темперамента» [8, с. 486].

Таким образом, как и в XI в., отечественные мыслители второй половины XVIII в., несмотря на постепенное обособление морали от нравственности, в своих трудах не только не противопоставляли нравственность и политику, но и показывали их взаимосвязь. В отличие от современных исследователей, они не видели противоречия между нравственностью и политикой, чему в немалой степени способствовала православная церковь. Дело в том, что в православии с самого момента его возникновения сложилось двойственное понимание насилия, с одной стороны, насилие — это грех, с другой — сила, применяемая для защиты Отечества, великое и святое дело. Не случайно среди русского народа бытовало представление о том, что воин, погибший за родную землю, попадает в рай. Таким образом, противоречие между нравственностью и политикой снималось.

Рассматривая условия мирного сосуществования индивидов в социуме, Я.П. Козельский одним из первых обратил внимание на необходимость научить людей подчинять личные интересы всеобщему благу: «Благополучие целого народа состоит в том, когда каждый из его членов теряет малую часть своих удовольствий, чтоб приобрести на место того несравненно большую, потому

что все люди в обществе желают чести, славы, покоя» [8, с. 490]. Это положение станет базовым для мыслителей **четвертого периода: 1861–1917 гг.**

На данном этапе этическая мысль впервые основное внимание стала уделять не взаимоотношениям политики и морали, а анализу причин народнического радикализма и революций 1905–1907 гг. и 1917 г., защите прав гражданина, формированию новых моральных ценностей. Если во всех предыдущих периодах главным критерием морали было сохранение общественных устоев, то для XIX — начала XX в. стала идея восстановления справедливости и народного счастья.

Рассматривая этическую мысль этого периода, необходимо подчеркнуть, что на ее формирование сильное влияние оказывала вторая волна модернизации России, связанная не столько с буржуазными реформами, сколь с проникновением западных идей, прежде всего либеральных ценностей. Увлечение значительной части российской интеллигенции просветительской идеологией привело к формированию радикальных течений и ко второму расколу российского общества на сторонников модернизации — развития по западному образцу и приверженцев традиционализма. Все это способствовало появлению четырех течений в этической мысли: традиционного, позитивистско-либерального, радикально-революционного, анархистского. В это время некоторые сторонники либеральных ценностей, пытаясь превратить этическую мысль в рациональную, много внимания уделяли формированию правосознания, подчеркивая его главенствующую роль. Так, Б. Кистяковский писал: «На одной этике нельзя построить конкретных общественных форм. Такое стремление противоестественно; оно ведет к уничтожению и дискредитированию этики и к окончательному притуплению правового сознания. Всякая общественная организация нуждается в правовых нормах, т. е. в правилах, регулирующих не внутреннее поведение людей, что составляет задачу этики, а их поведение внешнее» [7, с. 6].

Однако, несмотря на разные цели и мотивации изучения морали, все мыслители были единогласны в том, что основой всеобщего блага выступает политика, основанная на морали духовно здорового общества. Таким образом, первоочередной задачей, как для сторонников традиционного понимания морали, так и для приверженцев новой революционной этики было духовное совершенствование общества.

По этому поводу И.С. Аксаков писал: «В области управления действуют не одни внешние условия пользы, выгоды, практической целесообразности, но и нравственные факторы — сочувствие, одушевление, доверие. Не одни частные, дробные, хотя бы и вполне основательные мероприятия двигают страну к преуспеянию, но еще сильнее, может быть, двигает ее провозглашение и исповедание начал, указание идеалов, — одним словом, все то, что вызывает в обществе жизнь и деятельность духа. Нравственное состояние общества — это

именно та атмосфера, от которой зависит рост и процветание правительственных законодательных насаждений: оно может быть здоровое или недужное и в последнем случае нередко нуждается в правительственном врачевании...» [1, с. 44].

Огромный вклад в разработку проблемы взаимоотношения политики и морали в начале XX в. внес И.А. Ильин, который, по сути, подытожил весь накопленный опыт и сформировал базовые принципы отечественной политической этики.

1. В России мораль и политика неразрывно связаны, их отделение, а тем более противопоставление чревато разложением общества и гибелью самого государства.

2. Попадание во власть случайных людей исказило понимание политики и создало ложный стереотип «о политике как грязном деле».

3. Необходимо отказаться от ложных представлений о политике и очистить ее от политиканов, заботившихся лишь о собственном обогащении.

4. Истинная политика — это не карьера, не тщеславие и властолюбие, а служение всему обществу. Служение предполагает в человеке повышенное чувство ответственности и способность забыть о своем личном «успехе-неуспехе» перед лицом дела.

5. Существует два вида политического успеха: «Истинный успех» неотделим от морали и связан с процветанием всего государства. Истинный политик переживает свое властное полномочие как служение, как обязательство, как бремя. Истинный политик обязан рисковать своей жизнью ради других, подобно солдату в сражении. Истинный успех доступен только тому, кто берется за дело с ответственностью и любовью.

«Ложный успех», основанный на достижении личного блага посредством страданий и обмана всех членов общества, вызывает проклятие потомков, он временен [6, с. 344].

Пытаясь уберечь потомков от одурманивания ложными представлениями, подчеркивая роль морали, И.А. Ильин писал: «Нет ничего более опасного и вредного, как политик, лишенный сердца: это человек, который лишен главного органа духовной жизни; который не любит ни своего ближнего, ни своего Отечества; который не знает верности; который с самого начала предаст всякое свое начинание; который не имеет ни одного Божьего луча для управляемой им страны; циник по призванию, который может иметь успех в личной карьере, но никогда не будет иметь истинного политического успеха» [6, с. 340].

Таким образом, анализ отечественной этической мысли позволяет заключить, что в России было сформировано совершенно иное представление о морали, чем на Западе.

1. В отличие от Запада, российские мыслители, находившиеся под сильным влиянием православия, рассматривали мораль не с рациональных, а с иррациональных позиций.

2. Главным критерием морали для русских мыслителей выступало служение обществу, а не отказ от насилия.

3. Отличался и главный принцип морали. Если на Западе мораль отождествлялась с нравственным императивом Канта «Относись к другим так, как хотел бы, чтобы относились к тебе», то в России главным моральным правилом выступало сохранение существующих устоев, процветание и благополучие Отечества. Мораль неразрывно была связана с формированием патриотизма.

4. В отечественной политической мысли мораль характеризовалась посредством таких категорий, как долг, честь, милосердие, сострадание и патриотизм, в западной — право, закон, ненасилие, свобода и равенство.

5. В России никогда не существовало противоречий между официальным пониманием морали и народными представлениями, в отличие от Запада, где у каждого сословия существовала своя мораль, своя правда.

6. В российской этической мысли мораль и политика никогда не рассматривались как антиподы друг друга.

7. Несмотря на окончательное разграничение в середине XIX в. таких понятий морали и нравственности, большинство мыслителей полагали, что нравственность политического лидера не мешает, а лишь помогает его политической карьере.

8. Одна из основных обязанностей государства — воспитание морально зрелых граждан. Таким образом, в отличие от классического либерализма, для отечественных мыслителей этическое развитие гражданина является не его личным делом, а заботой всего общества.

Учитывая все сказанное, представляется целесообразным пересмотреть отношение к отечественной политической мысли и духовному наследию. Словно предостерегая будущие поколения от страшных бед, И.А. Ильин писал: «В минуту опасности не отречемся от наших духовных сокровищ и не будем искать спасения в механической пустоте и “американизме”. Но детей наших поведем и приведем к нашим алтарям, к нашим пророкам и гениям. Ведь именно здесь они найдут солнечное сосредоточение истории» [4, с. 245].

Библиографический список

1. Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М.: РОССПЭН, 2002.
2. Древнерусские афоризмы // Изборник. Повести Древней Руси. М.: ХЛ, 1986.
3. Дробницкий О.Г. Моральная философия. М.: Гардарики, 2002.
4. Дубко Е.А. Политическая этика. М.: Академ. проект; Трикста, 2005.

5. *Иларион*. Слово о законе и благодати // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М.: Мысль, 1997. Т. 3.
6. *Ильин И.А.* Путь к очевидности // Почему мы верим в Россию. М.: Эксмо, 2006.
7. *Кистяковский Б.А.* В защиту права // <http://www.vehi.net/vehi/kistyak.html>.
8. *Козельский Я.П.* Философские предложения, сочиненные надворным советником из правительствующего Сената. // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М.: Мысль, 1997. Т. 3.
9. *Панарин А.С.* Россия в циклах мировой истории. М.: МГУ, 1999.
10. Поучение Владимира Мономаха // Изборник. Повести Древней Руси. М.: ХЛ, 1986.
11. *Фонвизин Д.И.* Рассуждение о непременных государственных законах // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М.: Мысль, 1997. Т. 3.
12. *Франк С.Л.* Этика нигилизма // http://media.utmn.ru/library_view_book.php?chapter_num=6&bid=451.

МОЛОДЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ-ПОЛИТОЛОГИ ПОСЛЕ ВЫПУСКА

.....

Л. Г. Комарова*

Начальный этап деятельности выпускника-политолога, его послевузовское самоопределение, адаптация к новой реальности в обществе, в системе управления и власти, а также проблема политической активности имеет особую важность. Недавним студентам предстоит стать лидерами, выйти на авансцену истории со своими командами. Они могут консультировать политиков, представителей властно-управленческих структур, готовить выборы и проводить избирательные кампании, помогать в формировании политической команды, разрабатывать и готовить принятие политических решений. Наконец, они сами способны принимать таковые и нести за них ответственность. Молодые специалисты-политологи очень радужно оценивают перспективы своей профессии, надеются в полной мере реализовать полученные знания. К сожалению, в политической практике не наблюдается тенденция активного привлечения молодых специалистов. В структуры власти и управления их по-прежнему не пускают. Проблема смены политических поколений еще более обострилась.

Все это делает актуальными вопросы подготовки кадров специалистов-политологов, совершенствования учебного процесса и проведения исследования их послевузовской деятельности. С этой целью проводится мониторинг регулярных изменений в жизни выпускников. Для нас важны: отслеживание и анализ динамики тенденций, их положения в современном меняющемся обществе; начало трудового пути выпускников; проблемы оценки качества образования и влияние их на положение молодого специалиста в общественно-политической жизни; восприятие руководителями властно-управленческих структур специалистов-политологов.

* Комарова Лина Георгиевна — кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: politics@kubsu.ru.

На отделении политологии дневного обучения факультета управления и психологии КубГУ с 1997 по 2006 г. было подготовлено 237 специалистов-политологов. В ходе осуществляемого мониторингового исследования опрошено или собрано информации о 190 выпускниках (80% от общего числа выпускников), в том числе о 80 юношах и 110 девушках.

Один из принципиальных вопросов для выпускающих кафедр — качество трудоустройства выпускников. По данным мониторинга, переломным годом для профессионального трудоустройства юношей и девушек, закончивших отделение политологии, стал 2001 г. Если в первые четыре года доля трудоустроившихся не по специальности составляла 53–65%, то после 2001 г. она не превышала 23% (см. таблицу).

Трудоустройство выпускников-политологов, %

Год выпуска	Трудоустроились		
	по профессии	по родственной специальности	не по специальности
1997	13	22	65
1998	18	23	59
1999	13	33	53
2000	18	18	64
2001	42	36	23
2002	50	39	11
2003	63	25	23
2004	59	24	18
2005	60	30	10
2006	53	33	13

Перелом в профессиональном трудоустройстве выпускников отделения политологии мы связываем с повышением качества профессиональной подготовки преподавателей и совершенствованием учебного плана. С 2000 г. вся учебная работа со студентами отделения стала строиться на основе нового государственного образовательного стандарта. Более выверенная программа и углубленная учебная подготовка осуществляются в соответствии с двумя направлениями специализации, которых не было ранее: политический менеджмент и связи с общественностью, политическая регионалистика и этнополитология.

Первоначально была выявлена тенденция: чем больше времени проходит после окончания вуза, тем выше процент (70,4%) выпускников, устраивающихся работать по специальности. Положение резко изменилось, начиная с 2001 г. В результате улучшения качества подготовки специалистов увеличился про-

цент выпускников, устраивающихся на работу по специальности и родственной профессии в первые годы после окончания вуза.

Сведения, полученные за 2006 г., позволяют выявить только общие тенденции, так как слишком мал временной отрезок после окончания университета.

Следует обратить внимание на распределение выпускников отделения политологии в зависимости от пола. Так, 51,8% юношей выпусков 1997–2000 гг. трудоустроилось по специальности или родственной профессии. Среди девушек-выпускниц этих же лет этот показатель равен 43,4%. Можно предположить, что юноши активнее и успешнее решали вопросы своего трудоустройства даже при низших показателях в профессиональной подготовке. Вероятно, это объясняется и желанием самостоятельно осуществлять политику и многое в ней изменить. По мнению выпускников, образование и политическая подготовка помогли обрести престиж и желаемый социальный статус, уверенность в жизни. Так, если в первые два года эту точку зрения разделяли 66,7% выпускников, то в последующие годы число тех, в ком появляется большая уверенность и спокойствие в правильности их профессионального выбора, возросло.

Совершенно другая картина наблюдается в распределении выпускников последующих шести лет — с 2001 по 2006 г. 81% юношей-выпускников этих лет трудоустроились по специальности или родственной профессии. Среди девушек данный показатель значительно увеличился, достигнув 89%. Полагаем, что качественное улучшение всей образовательной подготовки на отделении политологии позволило девушкам как более добросовестным в вопросах учебы обойти юношей в трудоустройстве по профессии политолог.

О качестве образовательной подготовки можно судить по оценке выпускниками своей конкурентоспособности на рынке труда. Двое из трех юношей уверены, что полученных профессиональных знаний им достаточно для того, чтобы успешно конкурировать на рынке труда, решая проблемы трудоустройства. 45,5% девушек высказали неуверенность, хотя их успехи в профессиональной подготовке намного выше, чем у юношей. Вместе с тем именно девушки (72,3%) считают, что полученные знания помогают выработать собственную позицию по множеству вопросов.

Молодые специалисты-политологи связывают со своей профессией надежды в полной мере реализовать полученные знания. 33,3% из них полагают, что для этого обстановка в стране благоприятна. Однако наиболее уверенно они чувствуют себя только в первичных коллективах.

Незначителен процент в оценке возможности своего служебного продвижения как нормальной. Выпускники реально оценивают свои знания, способности, возможности и хотят адекватного отношения к себе. Молодые политологи понимают, что они представляют непосредственную социальную базу для качественного обновления сферы политического и административного

управления. Это критически настроенный политический субъект, категоричный в оценках и радикальный во взглядах. Примерно половина опрошенных считают, что власти действуют плохо и малоэффективно. В свою очередь среди молодых политологов нет или очень мало ярких политических фигур, способных помочь становлению политических сил, движений и возглавить их.

Показателем качества подготовки выпускников является высокая оценка работы их руководителями, которая по пятибалльной шкале составила 4,5 балла. 43,7% руководителей оценивают профессиональную подготовку по выполняемому объему работ, 37,5% — по общему уровню образовательной подготовки. Среди положительных черт выпускников руководители отметили добросовестность, инициативность, ответственность.

Активному включению молодых политологов в практическую жизнь могут способствовать заявки от властно-управленческих структур на молодых специалистов в вузы в соответствии с запросами политической жизни и прогнозами на перспективу. Важно строить систему политических образовательных учреждений на основе накопленного педагогического и практического опыта подготовки и переподготовки кадров для государственного управления и власти, поскольку принципы политического менеджмента едины в любом политическом строе, а меняется лишь объект и масштабы компетентности управления. В этом отношении отделения и кафедры политологии могут выступать центрами дополнительного профессионального образования и повышения квалификации в системе властно-управленческих структур различного уровня, от территориальных или муниципальных до федерального.

РЕФЕРАТЫ

.....

Меньшиков В.В. Властный аспект политической идентификации // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4.

В статье исследуются взаимосвязи между политической идентификацией и характером политических отношений. Автор трактует политическую идентификацию как процесс ориентации личности в контексте актуальных альтернативных взглядов на политическую деятельность: политическая идентификация реализуется в различных формах динамических отношений зависимости, независимости и взаимозависимости между человеком и человеком, человеком и обществом, социальными группами, классами, государствами, блоками государств.

Библиогр. 7 назв.

Юрченко И.В. Теоретико-методологические аспекты многофакторного анализа региональной безопасности // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4.

Автор обосновывает применение принципа методологического плюрализма для многофакторного анализа региональной безопасности. Анализируя парадигмы политической социологии (натуралистическую, интерпретирующую и оценивающую), автор призывает актуализировать методы социальной феноменологии. Обсуждается соотношение научной объективности и политической целесообразности в исследовании конфликтов и возможность реализовать принцип аксиологической нейтральности.

Библиогр. 18 назв.

Юрченко В.М., Шпак В.Ю. Политическая деятельность как общепринятое явление и политологическая категория // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4.

В статье раскрываются специфические черты политической деятельности: ориентация субъектов на общеколлективные проблемы, использование политической власти как главного средства достижения целей. Разумное сочетание цели и средств в политике, по мнению авторов, базируется на принципах плюрализма, толерантности, солидарности. Политические компромиссы рассматриваются как неотъемлемая составляющая демократической политической системы. Характеризуются различные формы политического бездействия, в том числе электоральный абсентеизм.

Библиогр. 9 назв.

Соловьев А.И. Власть и управление в структуре государственного регулирования // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4.

Автор анализирует внутренне противоречивый опыт взаимодействия государства и общества, связанный с наличием двух внутренних подсистем государства: властно-политической и собственно управленческой. Для существования и развития государства как важнейшего политического института характер взаимоотношений между этими подсистемами является принципиальным.

Библиогр. 7 назв.

Морозов С.А. Политическая реклама в формирование стиля жизни в современном российском обществе // Человек. Сообщество. Управление. 2006. №4.

Политическая реклама исследуется автором как один из центральных элементов интегрированного комплекса политических коммуникаций. Описываются способы формирования у людей представлений о возможных способах манифестации своих идентичностей с помощью политической рекламы.

Библиогр. 14 назв.

Савва М.В., Савва Е.В. Проблемы взаимодействия гражданского общества и власти на юге России в контексте административной реформы // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4.

Показывая объективную сложность административной реформы, авторы анализируют ее ход в субъектах Южного федерального округа. Основываясь на данных проведенного авторами экспертного опроса, они выделяют основные проблемы взаимодействия власти и общества, в том числе различное понимание позиций сторон, недостаточную управленческую компетентность, коррупцию и др.

Библиогр. 6 назв.

Рогочая Г.П. От госкорпорации к «кластерной организации»: тенденции развития системы функционального представительства в России // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4.

Основное направление эволюции механизмов функционального представительства в России видится автору как движение к неокорпоративизму государственного образца. Главной особенностью российского корпоративизма является стихийный лоббизм, не ограниченный этическими и юридическими нормами.

Библиогр. 6 назв.

Панин В.Н. Перспективы развития геостратегической конфигурации Ближнего Востока // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4.

После того как Ближний Восток перестал быть ареной противоборства двух сверхдержав, произошла диверсификация потенциально активных игроков и усилилась роль прагматического компонента. Автор анализирует исторический и прагматический потенциал для сближения и конфронтации между странами региона с точки зрения перспектив формирования системы безопасности в регионе.

Библиогр. 4 назв.

Баранов А.В. Становление политической регионалистики в постсоветской России // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4.

Политическая регионалистика — междисциплинарная область знания об акторах, структурах и процессах, значимых для понимания политической сферы социума на субнациональном уровне. Автор решает три поставленные перед собой задачи: формулирует объект политической регионалистики с учетом актуальных дискуссий; сравнивает трактовки политической регионалистики, формирующиеся в российском научном сообществе; обсуждает варианты предметного поля и структуры курса политической регионалистики в научной литературе.

Библиогр. 47 назв.

Кольба А.И. Региональный конфликт: проблемы дефиниции и управления // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4.

Предметное поле «региональных конфликтов» является одним из центральных в политической регионалистике. Теоретический аспект статьи связан с терминологическим уточнением понятия регионального конфликта и его отграничением от смежных понятий; прикладной аспект — с демонстрацией вариативности в понимании «управления конфликтом». Очевидно, что каждая

теоретическая трактовка находит свое практическое воплощение в выстраивании соответствующей системы управления.

Библиогр. 11 назв.

Фадеева Л.А. Интеллектуалы, интеллигенция: самоидентификация и политическая культура // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4.

Задача статьи — вычленив базовые элементы политической культуры интеллектуалов, интеллигенции. Обращаясь к материалам о разных странах, автор характеризует интеллектуалов/интеллигенцию по таким параметрам, как профессиональный статус, референтные группы, отношения с государством, особенности группового сознания, общественные функции и др.

Библиогр. 34 назв.

Морозова Е.В. Жизненные идеалы и представления о политике выпускников школы: взгляд через столетие // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4.

В статье анализируются данные анкетных опросов выпускников старейшей гимназии г. Екатеринодара-Краснодара, проведенных по частично сопоставимой методике в 1913, 1916, 1921, 1926, 1997 и 2006 гг. Опираясь на статью П.Н. Колотинского, в которой подводятся итоги опросов начала XX века, автор прослеживает особенности молодежных жизненных идеалов.

Табл. 8. Библиогр. 3 назв.

Самаркина И.В. Политическая ресоциализация: актуальный контекст исследования // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4.

В статье описывается проблемное поле исследований политической ресоциализации и формулируются актуальные исследовательские вопросы: содержательное наполнение термина «политическая ресоциализация», параметры ее эффективности (успешности), глубины и завершенности в разных возрастных когортах, влияние агентов и практическое значение изучения политической (ре)социализации.

Библиогр. 26 назв.

Мирошниченко И.В. Формирование политической субкультуры: социальные механизмы и уровни субъектности социально-профессиональных групп в политике // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4.

Винтеракционистской парадигме формирование коллективного субъекта одновременно осмысливается и как формирование политической (суб)культуры,

и как процесс политической социализации разделяющих ее индивидов. Автор, опираясь на собранные эмпирические данные, выделяет и описывает три этапа в формировании коллективного субъекта: освоения индивидом политической культуры в соприкосновении с политической повседневности; включение и идентификацию — позиционирование в сфере политики в составе социальных общностей (принадлежности и референтности); институционализации механизмов социальной идентификации и политической социализации.

Табл. 1. Библиогр. 31 назв.

Колесник В.С. Политика в контексте глобализации и национальных культур // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4.

Автор трактует процесс глобализации как разрешение совокупности экологических, экономических, политических и культурных проблем-вызовов, в реальности органически взаимосвязанных и взаимопроникающих друг в друга. Развернуто аргументирует необходимость различать глобализацию как объективный процесс и как конструирующий политическую реальность процесс производства субъективных (“партийных”) интерпретаций “реальной политики”.

Библиогр. 4 назв.

Горожанина М.Ю. Взаимоотношение политики и морали в русской политической мысли // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4.

Цель статьи — развенчать господствующий в отечественных политологических кругах стереотип о несостоятельности отечественной политической мысли и об уникальной универсальности западноевропейских и американских политических теорий и технологий. Актуальность и специфику российской политической мысли автор видит в развитости ее этического компонента.

Библиогр. 12 назв.

Комарова Л.Г. Молодые специалисты-политологи после выпуска // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4.

На основе регулярно собираемых данных о карьерных траекториях выпускников-политологов Кубанского государственного университета, в статье делается вывод о произошедшем в 2000–2001 г. переломе в востребованности политологов в регионе. Автор связывает перелом с повышением качества профессиональной подготовки преподавателей и совершенствованием учебного плана.

Табл. 1.

SUMMARY

Men'shikov V.V. Power Component of Political Identification.

Interrelations between political identification and political relationship are discussed. Political identification of individuals is presented as a continuous selection between alternative patterns of political activities; during the identification process the patterns are interpreted in terms of dynamic dependency, independency, and interdependency interactions between individuals, individual and society, and between collectives, classes, states, and their coalitions.

Yourchenko I.V. Multiple-Factor Analysis of the Regional Security: theoretical and Methodological Aspects

The author stands for the applying the methodological pluralism principle in multiple-factor analysis of the regional security. Having overviewed the main political sociology paradigms — positivistic, interpretative, and evaluative, — it is summoned to use social phenomenology methods. The collision between scientific disinterestedness and political expedience in researching conflicts, and conditions of axiological neutrality is discussed.

Yourchenko V.M., Shpak V.Yu. Political Activity as a Generally Accepted Phenomenon and a Political Science Category

The article examines specific traits of the political activity: actors' orientation onto common concerns, and using political power as the main means to attain the ends. Reasonable combination of means and ends in politics, it is argued, is based upon the principles of pluralism, tolerance, and solidarity. Compromises in politics are considered indispensable for a democratic political system. Various forms of political inactivity, including electoral absenteeism, are discussed.

Soloviev A.I. Political Power and Administration in the Government Regulation

Additional controversies between government and society are caused due to the separate sub-systems in the government structure: political power and administrative

agency. For the process of making and developing the main political institute of the government, it is argued, the interrelationship between the two sub-systems is pivotal.

Morozov S.A. Political Advertisement Shaping Life-Style in the Present-Day Russian Society

Political Advertisement is considered as a pivotal element of political communications. The article describes, how political advertisement shapes images of conventional patterns of manifesting ones' identities.

Savva M.V., Savva E.V. Civil Society and Power in the South Russia under the Condition of the "Administration Reform"

Expert survey demonstrates, how difficult the "Administration reform" is implemented in the regions of the South federal district. The main problems in the interactions between power and society are inconsistent understanding of the reform means and ends, managerial incompetence, corruption etc.

Rogochaya G.P. From State Corporation to "Cluster Organization": Shaping of Functional Representation System in Russia

Functional representation system in Russia, it is argued, tends to follow a "neo-corporative" fashion, but with a distinctive feature — a spontaneous lobbyism with no restrictions by ethical, neither legal norms.

Panin V.N. Outlooks of Geostrategical Configurations in the Middle East

The Middle East is no more an arena of counteraction between the two super-powers. This diversified influential actors and made pragmatic thinking salient. The article analyses historical and pragmatic conditions for possible rapprochements and confrontations between the regional powers and discusses the prospects of establishing a regional system of collective security.

Baranov A.V. Coming-to-be of the Political Regionalistics in the Post-Soviet Russia

The Political Regionalistics (Political Regional Studies) is an interdisciplinary field about actors, structures and processes, which are relevant to understand, how the societal sphere of politics works at a sub-national level. Three tasks are accomplished: the disciplinary subject is worded; actual for Russian discourse interpretations are compared; represented variants of curriculum are discussed.

Kol'ba A.I. Regional Conflict: Definition and Regulation Problems.

Regional conflicts are one of the main topics in the Political Regionalistics (Political Regional Studies). The term of the “regional conflict” is specified with comparison with adjacent notions, and a variance of interpretations of the “conflict regulation” is demonstrated. The author made obvious that every specific interpretation of these key terms urges to establish proper agencies and procedures.

Fadeyeva L.A. Intellectuals, intelligentsia: self-identification and political culture

The article is to define intellectuals / intelligentsia political culture basic elements. Using references to various societies, the author considers the subject group in terms of professional status, referent groups, social functions, attitudes to the state, ideological and political stances.

Morozova E.V. Social Representations and Political Attitudes of Final-Year Gymnasium Students: An Outlook through Centuries

The data of self-managed questionnaire surveys in 1913, 1916, 1921, 1926, 1997 and 2006 years among final-year students of the oldest Ekaterinodar-Krasnodar gymnasium. With inferences from the early XX century surveys by P.N. Kolotinskiy the author depicts the peculiarities and dynamics of the youth ideal representations and political attitudes.

Samarkina I.V. Political Resocialization

Actual topics in political resocialization researchers' discourse are overviewed: the key term interpretations, measurement of its efficiency, intensity and profundity in various ages, different agents influence.

Miroshnichenko I.V. Shaping a Political Culture: Social Mechanisms, Social-and-Professional Groups Levels of Agency in Politics.

The interactionist perspective considers the shaping a collective agent at the same time as a shaping a political culture, and as a political socialization process involving the individuals who are to share the shaping political culture. On the base of collected empirical data the author finds three stages in the shaping a collective agent: familiarizing a political culture in touch with political aspects of everyday life; involving and identifying, i.e. positioning in the field of politics among social collectivities of reference and/or membership; institutionalizing of social identification and political socialization patterns.

Kolesnik V.S. Politics in the Contexts of Globalization and National Cultures

The author interprets the globalization process as a set of ecological, economical, political, and cultural problems-challenges, which indeed are organically interrelated and interpenetrating. It urges, it is argued, to tell the objective process of globalization from a political reality construction of particular, “partisan” interpretations of the “peal politics”.

Gorozhanina M.Yu. Politics and morality in the Russian political thought

The target of the article is to debunk the dominant among Russian political scientists’ stereotype of the home political thought insolvency and a unique universality of the western political theories and technologies. An actually advantageous trait of Russian political thought consists in its ethical stress.

Komarova L.G. Political Scientists Graduated

On the base of regularly collected empirical data on careers of the political scientists, graduated from the Kuban State University, the author infers a turning point of demand for the young specialists, and explains it in terms of higher quality of training professorship and improving curriculum.